

У 189
516

801-11
847

НЕ КОПИРОВАТЬ

50 Столыпин, П.В.

ЗАПИСКА

ПРЕДСѢДАТЕЛЯ СОВѢТА МИНИСТРОВЪ

и

ГЛАВНОУПРАВЛЯЮЩАГО ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВОМЪ и ЗЕМЛЕДѢЛІЕМЪ

О ПОѢЗДКѢ ВЪ СИБИРЬ И ПОВОЛЖЬЕ

въ 1910 году.

август 190689

Приложеніе къ всеподданнѣйшему докладу.

...Сибирь...
...и...
...и...
...и...

I. Сибирь.

Важнейшим в Сибири государственным делом является переселение.

Богатая всем, кроме людей, Сибирь только в прилив сюда живой русской рабочей силы может найти полноту хозяйственной и культурной жизни. Все остальное: быть старожилом, киргизь, казаков, лесные и горные промыслы, земские и городские дела — все это представляет довольно неподвижную общую среду; напротив, переселение является здесь главной движущей силой. Под влиянием этой силы сдвигаются съ места и перестраиваются все иные отношения: къ новым условиям, создаваемым приходом переселенцев, должны приспособляться и захватное хозяйство старожила, и вкочное первобытное хозяйство кочевника, и местные рабочие рынки.

Уже въ силу одной этой особенности, переселение заслуживает и особаго вниманія правительства: оно представляет собою начало творческое, дѣятельное. Ходъ переселения наложить неизгладимую печать на все экономическое будущее Сибири. Въ то же время переселение, по самой сути своей, дело сложное и суровое, сопряженное съ неизбежными жертвами и лишениями и требующее непрестанныхъ заботъ и помощи со стороны государственной власти.

Въ послѣдніе годы переселение привлекало къ себѣ общее вниманіе, прежде всего численными своими результатами.

За 300 лѣтъ владѣнія нашего Сибирью въ ней побралось всего 4 1/2 милліона русскаго населенія, а за послѣднія 15 лѣтъ — сразу прибыло около 3 милліоновъ, изъ нихъ болѣе полутора милліоновъ въ одно трехлѣтіе

6932-0

2007083423

1907—1909 годовъ. Но чувствовалось, что и въ лихорадочномъ передвиженіи за Уралъ, и въ массовомъ осѣданіи переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ далеко не все ладно, не все устроено и даже не все ясно. Толпы самовольныхъ переселенцевъ, во что бы то ни стало стремящихся въ Сибирь, — и ветрѣнный потокъ обратныхъ; безлюдность необятныхъ сибирскихъ пространствъ — и упорныя заявленія о томъ, что для переселенцевъ тамъ нѣтъ больше земель; требованіе дальнѣйшаго немедленнаго расширенія въ десятки разъ и переселенческихъ кредитовъ, и самаго переселенія — и въ то же время сомнѣнія въ томъ, можно ли идти въ этомъ дѣлѣ даже такъ широко, какъ сейчасъ; смутное, но почти всеобщее сознание того, что въ государственномъ бюджетѣ нашемъ мало такихъ производительныхъ расходовъ, какъ переселенческой, — и непрерывныя, часто рѣзкія нападки на переселенческое дѣло съ самыхъ различныхъ сторонъ.

Въ этихъ противорѣчивыхъ сужденіяхъ о переселеніи, доброжелательныхъ и враждебныхъ, общимъ являлось одно: слабость положительныхъ указаній — какъ же слѣдуетъ наладить переселеніе.

Такихъ указаній правительство издавна искало и въ общественномъ мнѣніи, отъ выборныхъ и мѣстныхъ людей. Первый вопросъ русской жизни, предложенный на обсужденіе «свѣдущихъ людей» еще въ 1881 году, былъ именно переселенческой. За послѣдніе годы уже къ непосредственному практическому дѣлу упорядоченія переселенія привлечено земство: образована особая Переселенческая коммисія при Государственной Думѣ; силы правительственныхъ переселенческихъ учрежденій напряжены до крайности. Общими усиліями сдѣлано многое: ближе выяснены земельные запасы Сибири и качество ихъ, изучено движеніе переселенцевъ, улучшены его условія, доказано отсутствіе прямой связи переселенія съ малоземельемъ на мѣстахъ выхода, выдвинуто впередъ колонизаціонное значеніе переселенія для Сибири. Но все-таки многое еще остается неяснымъ: отъ иныхъ, казавшихся вполнѣ

правильными, начинаній приходится, послѣ провѣрки ихъ на опытѣ, отказываться. Въ дѣло вносятся лишь частичныя улучшенія; общая вѣрность взятаго курса продолжаетъ быть спорной.

Предпринятая нами осенью текущаго года совѣстная поѣздка въ Сибирь и Степной край коснулась 6 уѣздовъ 4 губерній и областей, гдѣ мы, сдѣлавъ болѣе 800 верстъ на лошадахъ въ сторону отъ желѣзной дороги и воднаго пути, видѣли нѣсколько районовъ, весьма различныхъ по условіямъ заселенія:

1) плодородную сѣверную полосу киргизскихъ степей и степную часть Алтая — этой «обтраванной земли» для переселенцевъ;

2) южную часть киргизскихъ степей, обильную свободными землями, но сравнительно бѣдную водой; при этомъ мы посѣдили пораженные засухой и двукратнымъ неурожаемъ переселенческіе поселки въ Павлодарскомъ уѣздѣ Семипалатинской области, находившіеся, по всемъ имѣвшимся свѣдѣніямъ, въ худшихъ, едва ли не въ самыхъ бѣдственныхъ, условіяхъ во всемъ Степномъ краѣ;

3) лѣсостепную полосу, ближайшую къ Сибирской желѣзной дорогѣ, и

4) Маринскую тайгу, на границѣ Енисейской губерній, одну изъ труднѣйшихъ для заселенія мѣстностей въ средней Сибири.

Сдѣланные нами во время поѣздки наблюденія и выводы вкратцѣ представлени ниже.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Движение переселенцев.

Уменьшение переселенческого движения в 1910 году.

Настоящий год, послѣ трехлѣтняго напряженнаго роста переселенія, есть годъ нѣкотораго уменьшенія переселенческаго движенія. Съ 1 Января по 1 Сентября прошло за Уралъ 323 тысячи человекъ переселенцевъ. Въ прошломъ году за то же время прошло почти вдвое больше—639 тысячъ. Пониженіе, вѣроятно всею, объясняется двойнымъ влияніемъ: неурожая въ Сибири и двухлѣтняго хорошаго урожая въ Европейской Россіи.

Какъ бы то ни было, временное затишье въ переселенческомъ движеніи несомнѣнно; но въ общемъ ходъ вещей это имѣетъ и свои положительныя стороны. Невысокаго подъема переселенія за послѣдніе годы привелъ къ тому, что правительственная организация не поспѣвала за ростомъ переселенческаго дѣла. Хотя кредиты переселенческой смѣты и увеличились за послѣднія пять лѣтъ въ пять разъ, съ 5 до 25 милліоновъ рублей, а число мѣстныхъ переселенческихъ служащихъ возросло съ 800 человекъ до 3 тысячъ, все же и этихъ силъ не хватало. Не успѣвали отводить всѣмъ участки, строить дороги, колодцы, врачебно-продовольственные пункты. Для того, чтобы перевозить переселенцевъ безъ задержекъ и скопленія въ узловыхъ станціяхъ, пришлось установить стѣснительныя очереди перевозки. И все же половина переселенцевъ шла внѣ установленныхъ рамокъ, на авось, не въ очередь, по дорогому тарифу, не заручившись землей, не имѣя на рукахъ переселенческихъ документовъ. Такихъ неустроенныхъ «самовольныхъ», сильно ослож-

нившихъ всѣ планы перевозки переселенцевъ и водворенія ихъ въ Сибирь, набралось теперь за Ураломъ около 700 тысячъ душъ: они живутъ здѣсь въ качествѣ арендаторовъ и рабочихъ на земляхъ старожиловъ и другихъ переселенцевъ, получившихъ установленныя надѣлы, но положеніе ихъ часто крайне тяжелое. Многие, потерявъ надежду когда-либо устроиться въ Сибирь въ качествѣ самостоятельныхъ хозяевъ, вынуждены возвращаться на родину. Сокращеніе общаго наплыва переселенцевъ въ текущемъ году дастъ возможность устроить хотя бы часть такихъ самовольныхъ, отвѣда подъ ихъ водвореніе вновь заготовленные и оставшіеся незанятыми участки, и вообще позволить многое въ переселенческомъ дѣлѣ подождать и распутать: временно дана передышка.

Намъ не пришлось видѣть въ этомъ году переселенческаго движенія въ его разгаръ—въ весеннюю пору. Ко времени нашего прибытія движеніе уже схлынуло; шли только рѣдкіе переселенческіе поѣзда. По пути нами осмотрѣны врачебныя переселенческіе пункты въ Пензѣ, Челябинскѣ, Омскѣ, Петропавловскѣ, Ново-Николаевскѣ и Камнѣ, поемногу расширяемые, пополняемые новыми зданіями и образующіе все болѣе густую сеть по линіямъ движенія переселенцевъ. При этомъ въ Челябинскѣ невольно бросались въ глаза, рядомъ съ новыми, просторными и свѣтлыми зданіями, сохранившіеся еще остатки старыхъ, тѣсныхъ и низкихъ переселенческихъ барачковъ; тѣ и другіе какъ бы представляли собою убогое прошлое переселенческаго дѣла и начало его лучшаго будущаго.

Условія перевозки за послѣдніе годы улучшились. Скорость переселенческихъ поѣздовъ увеличена, введены опредѣленные расписанія; на сибирскія дороги появились въ обращеніи новые переселенческіе вагоны пассажирскаго типа; за послѣдніе четыре года число остановочныхъ переселенческихъ пунктовъ на линіяхъ перемещенія увеличено вдвое; теперь ихъ около сотни. Кромѣ того военное ведомство уступаетъ для пользованія

Условія перевозки переселенцевъ.

переселенцев свободныя воинскія приспособленія: вагоны-кухни, прачечныя и т. п.

Санитарныя условія передвиженія переселенцев сносны; объ этомъ можно судить уже по тому, что съ 1908 года—времени появленія въ Европейской Россіи холеры—и до сихъ поръ среди переселенцевъ холерной эпидеміи не было. Между тѣмъ отдѣльные случаи обнаруженія въ переселенческихъ поѣздахъ холерныхъ, вскорѣ послѣ посадки, бывали (въ 1909 году—три случая, въ 1910 году—также три), но развитія эпидеміи не дали. Во время нашей поѣздки во многихъ сибирскихъ городахъ городскіе холерные бараки были полны больными, тогда какъ въ теплушкахъ и на переселенческихъ пунктахъ холерныхъ не было. А казалось бы, гдѣ холерѣ найти лучшую, болѣе легкую добычу, какъ не въ средѣ переселенческой бѣдноты, истощенной продолжительнымъ переездомъ.

Конечно, того, что сдѣлано для улучшенія условій движенія, далеко недостаточно: въ этой области многое еще предстоитъ сдѣлать, въ особенности по части рѣчного движенія, представляющаго теперь большое мѣсто. Но все же здѣсь самыя жгучія, самыя неудовлетворенныя потребности переселенческаго дѣла. Перевозка переселенцевъ по Европейской Россіи и вообще по желѣзнымъ дорогамъ проходить у всѣхъ на глазахъ, и только оттого она и привлекаетъ наибольшее вниманіе. Забываютъ при этомъ обычныя условія, въ которыхъ живутъ переселенческія семьи на родинѣ и будутъ жить въ Сибири. Въ пути многіе находятъ непривычныя даже удобства. Предстоящій, согласно постановленію Государственной Думы, отпускъ 48 милліоновъ рублей на постройку улучшенныхъ вагоновъ для переселенцевъ имѣетъ несомнѣнное значеніе потому, что тѣ же вагоны нужны и для перевозки войскъ: но въ переселенческомъ дѣлѣ, при общей бѣдности переселенческаго бюджета, когда на самое главное—заготовку участковъ—тратится всего 4 милліона рублей, а вся переселенческая сѣтя укладывается въ 25 мил-

ліоновъ, затрата 48 милліоновъ рублей на предоставленіе лишь бѣднѣхъ удобствъ въ пути—едва ли задача первой очереди. Переѣздъ совершенно разъ—и забудется. Насупно важно въ этомъ отношеніи только сократить время переѣзда и сберечь денежныя средства переселенческой семьи, чтобы не обезсилить ее, еще до прихода на новыя мѣста, въ пути.

Это послѣднее соображеніе побуждаетъ высказаться противъ стоящаго теперь на очереди уничтоженія льготнаго переселенческаго тарифа. Споръ о переселенческомъ тарифѣ.

Въ вопросѣ о тарифѣ собственно двѣ стороны. Одна—это обязательность для желѣзныхъ дорогъ перевозки переселенцевъ на условіяхъ для дорогъ убыточныхъ, другая—количество тѣхъ переселенцевъ, которымъ предоставляется право пользованія льготнымъ желѣзнодорожнымъ проѣздомъ.

Дороги насчитываютъ до 7½ милл. руб. убытковъ отъ льготнаго переселенческаго тарифа. Убытки эти могутъ быть очевидно болѣе или менѣе, въ зависимости отъ тѣхъ распоряженій и правилъ, на основаніи которыхъ переселенцамъ выдаются свидѣтельства на проѣздъ по льготному тарифу. Сокращеніе убытковъ желѣзнодорожной перевозки переселенцевъ, потому, достижимо измѣненіемъ не только самыхъ тарифныхъ ставокъ, но и порядка пользованія этими ставками.

Въ этомъ отношеніи введенный въ послѣднее время надзоръ за выдачею льготныхъ свидѣтельствъ сильно уменьшилъ обращеніе послѣднихъ. По свидѣтельству начальника Сибирской дороги, въ нынѣшнемъ году, одновременно съ сокращеніемъ переселенческаго движенія по льготнымъ билетамъ, возрасло на этой дорогѣ число пассажировъ III и особенно IV класса, въ разрядъ которыхъ безъ сомнѣнія перешли многіе крестьяне, раиѣе легко выхлопатывавшіе себѣ на мѣстахъ выхода переселенческій тарифъ.

Простое рѣшеніе вопроса о переселенческомъ тарифѣ путемъ замѣны его тарифомъ IV класса совершенно неприемлемо.

Ущерб, который потерпят переселенческие семьи, в случае применения к ним общего тарифа IV класса (разница, в среднем, около 80 рублей на семью), составит в скудном бюджете переселенческой семьи гораздо более грозную величину, чем составляют 7½ миллионов рублей, из которых 6 миллионов рублей приходится к тому же на казенные дороги, в колоссальном железнодорожном бюджете. В частности, стоимость переселения одной семьи на Дальний Восток поднялась бы до 400 рублей. Это значило бы погубить заселение дальневосточной окраины, являющее столь важное теперь государственное значение. Между тем, железные дороги, даже и частны, не могут быть приравнены к предприятиям исключительно частного характера. Они неизбежно участвуют и в выгодах, и в расходах общегосударственного характера. Многие железнодорожные линии, несомненно, выиграют от заселения Сибири и развития между ней и Европейской Россией товарообмена; поэтому они могли бы участвовать и в расходах на переселение. Кроме того переселенцев везут, по большей части, все-таки в теплушках, а не в классных вагонах IV класса, так что известная скидка в тарифе даже справедлива.

Желательным решением вопроса является сохранение в правилах железнодорожного движения нынешнего переселенческого тарифа, но ограничение его применения, как в отношении перевозки ходоков и переселенцев, так и их влад, особыми правилами о пользовании этим тарифом, в соответствии с политико-правительственным поощрением переселения в известную местность.

С этой точки зрения, представив всем одиночкам ходокам, куда бы они ни направлялись для предварительного зачисления земли, льготный, — хотя бы и несколько выше существующего, — тариф, например, в размерах воинского, следует подразделить все остальное переселенческое движение на три группы.

К первой будут отнесены самостоятельные семьи, водворяющиеся в лучших районах на участках, которые будут отводиться там для продажи. Семьи эти могут оплатить перевозку по IV классу. Вторую группу составят главный контингент ныне пользующихся льготами переселенцев, занимающих переселенческие участки в тех местностях Западной Сибири, заселение которых не представляет затруднений по обилию охотников на эти земли и скорейшее заселение которых не имеет особого значения для охраны государственных границ. Вся эта группа должна пользоваться для перевозки и людей, и грузов пониженным тарифом, ставки которого могут быть, однако, приравнены к оплате воинских перевозок. Наконец, в третью группу, для которой необходимо сохранить действующий льготный тариф, попадут все переселенцы, наиболее соответствующие понятию покровительствуемых правительством «колониатов» новых земель. Это хозяева, идущие в трудно заселяемые, отдаленные от жилой полосы, таежные местности и на самых границы государства, будут ли это дальневосточные области, или приграничная часть Западной Сибири.

Таким образом, учреждения, заведующие выдачей льготных свидетельств на местах выхода, должны будут, при передвижении семейных переселенцев на зачисленные или купленные ими земли, сообразовать такую выдачу с правилами, в силу которых покупка или зачисление участков в той или другой части Сибири будут сопряжены с той или иной льготой по железнодорожному проезду.

Но проектируемые изменения переселенческого тарифа, из осторожности, следовало бы ввести лишь в 1912 году, предоставив всем переселенцам будущего года осуществить задуманный ими проезд в тех условиях, которые были им известны при зачислении в текущем году участков.

Рычная перевозка переселенцев потребует, помимо, особых приплат казны. В настоящее время

переселенцы, идущие на Алтай и в киргизские степи по Оби и Иртышу, перевозятся большею частью на тѣсных и ветхихъ товарныхъ баржахъ. Подолгу имъ приходится ждать парохода, иногда даже под открытымъ небомъ. Въ Омскѣ на пристани мы видѣли, рядомъ съ небольшимъ переселенческимъ бараккомъ, заколоченный теперь деревянный сарай, который весной этого года, во время усиленной перевозки переселенцевъ, нанимался Переселенческимъ Управленіемъ для того, чтобы защитить отъ дождя скопившіяся на берегу и не помѣтившіяся въ баракѣ семьи переселенцевъ. Договоры о перевозкѣ, ежегодно заключаемые Переселенческимъ Управленіемъ съ различными частными предпринимателями, для которыхъ переселенцы съ ихъ громоздкою кладью—грузъ не очень выгодный и очень хлопотливый, соблюдаютъ пахоту.

Въ послѣднее время все чаще слышится, поэтому, пожеланіе о томъ, чтобы Переселенческое Управленіе завело свои рѣчные флотилии—свои пароходы и караваны баржей. Одинъ пароходъ на Амурѣ и нѣсколько баржей (также на Амурѣ и на Оби) у Переселенческаго Управленія уже есть. Но широко развивать свое пароходство Управленіе не въ состояніи; его дѣятельность и такъ уже чрезмѣрно осложнена самыми разнообразными задачами; одно и то же небольшое учрежденіе строитъ церкви, дороги, больницы, колодцы, отводитъ участки, производитъ почвенно-ботаническія изслѣдованія, устраиваетъ старожилонъ, инородцевъ, даже казаковъ—словомъ, повелѣтъ вѣдаетъ чуть ли не всю Сибирь. Изъ скромнаго переселенческаго отдѣленія при Земскомъ Отдѣлѣ въ нѣсколько лѣтъ развилось учрежденіе, которое по обилію и разнообразію дѣла правильнѣе было бы назвать стариннымъ именемъ «Сибирскаго Приказа». Если этому учрежденію, оставивъ его въ нѣмнѣшемъ видѣ и размѣрахъ, «приказать» завести еще свой рѣчной флотъ и взяться за организацію водяныхъ сообщений, то оно можетъ и не справиться.

Правильнѣе не возлагать на Переселенческое Управленіе постройки переселенческихъ пароходовъ, какъ не возлагается на него и постройка желѣзныхъ дорогъ, а остаться на почвѣ договоровъ съ частными пароходо-владельцами, заключаемыхъ при содѣйствіи мѣстнаго округа водныхъ путей. Слѣдуетъ только превратить эти договоры въ долгосрочные и, обезпечивъ переселенцамъ необходимыя удобства, вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить и предпринимателямъ достаточную выгоду перевозокъ, хотя бы путемъ приплаты по переселенческой смѣтѣ.

Необходимо, конечно, и другое: нужно развивать казенное и частное рѣчное пароходство въ Сибири. Громадныя сибирскія рѣки, вполне пригодны для судоходства и остающіяся почти мертвыми, должны быть использованы и какъ могучія артеріи заселенія, и какъ дешовые пути сообщения. Постройка судовъ и организація правильныхъ рейсовъ составляютъ большое государственное дѣло въ Сибири, на которое не слѣдовало бы жалѣть денегъ.

Въ переселенческомъ движеніи текущаго года, наряду съ уменьшеніемъ числа переселенцевъ, необходимо отмѣтить одновременное повышеніе уровня ихъ состоятельности. Оно выразилось уже въ обиліи въ этомъ году переселенческаго скарба; число вагоновъ съ переселенческой кладью въ 1910 году превзошло число вагоновъ съ людьми. За первое полугодіе черезъ Сызрань прошло 9 тысячъ вагоновъ съ людьми и 13½ тысячъ вагоновъ клади. Сравнительная зажиточность переселенцевъ этого года отмѣчена также въ нѣсколькихъ порайонныхъ комитетахъ желѣзныхъ дорогъ и въ Челябинскѣ. Здѣсь могло сказаться вліяніе облегченныхъ указомъ 9 Ноября условій ликвидаціи надѣльныхъ земель на родинѣ и возможности залога надѣловъ въ Крестьянскомъ Банкѣ. А, можетъ быть, проникаетъ въ крестьянскую среду и общее сознаніе того, что на переселеніе лучше подниматься съ деньгами, а если денегъ нѣтъ, то его отложить.

Движеніе 1910 года; повышение уровня состоятельности переселенцевъ и уменьшеніе числа самовольныхъ.

Увеличение обратного движения.

Положительной чертой движения этого года является также меньший процент «самовольных»: они составляют уже не половину всех переселенцев, как было в последние годы, а менее трети; две трети переселенцев идут на зачисленные земли. Печальная сторона—это увеличение обратного движения в текущем году из Сибири. Число семейных обратных на 1 Сентября превысило уже 50 тысяч—на 14 тысяч больше прошлого года. До известной степени это объясняется все той же общей причиной, повлиявшей на сокращение разрывов переселения: неурожаем в Сибири—при урожае в Европейской России. Земледельческая тяга за Урал временно сокращается, и развивается тяга из-за Урала. Но преобладание в среде обратных переселенцев так называемых «самовольных», не добившихся получения в Сибири участков, несмотря на все их усилия и просьбы, побуждает думать, что неблагоприятное влияние на ход переселения имела и применявшаяся в последние годы, не вполне удачная, система «организованного» переселения.

Действующая система организованного переселения и необходимость ее отмены.

Основная мысль этой системы была следующая. В лучших районах Западной Сибири—на Алтае и в киргизской степи—переселенческих участках с 1907 года не хватало и для одной десятой части желающих. Поэтому, во избежание наплыва туда большого числа ходоков, завѣдомо обреченных на неудачу, рѣшено было ограничить ходячее движение, согласовать его с размерами земельных запасов. К подбору ходоков были привлечены местные силы, в лицѣ земств и землеустроительных комиссий, которым поручено при этом тѣснее связать выделение за Уралъ съ землеустройством остающихся на родинѣ.

Но это съ неизбежностью повлекло за собою необходимость определять ежегодно вперед: какое же число ходоков и куда именно слѣдует направлять из данной губернии. Такъ сложилась система заблаго-

временного распределения фонда. Ежегодно, посоветовавшись съ местными людьми и передѣло пригласив ихъ въ Петербургъ, Переселенческое Управление определяло, въ какомъ сибирскомъ районѣ и сколько именно душевыхъ долей назначить каждой губернии Европейской России. Затѣмъ разверстка положеннаго числа долей между отдельными уѣздами, внутри губерний, производилась уже на мѣстѣ. Такимъ образомъ каждый уѣздъ Европейской России располагалъ только строго определеннымъ числомъ душевыхъ переселенческихъ надѣловъ въ определенныхъ мѣстностяхъ Сибири. На эти доли и снаряжался затѣмъ партія ходоковъ, причемъ въ партію попадали только тѣ, кто былъ избранъ для этого землеустроительной комиссией или земствомъ.

Эта, стройная съ виду, система не дала, однако, положительныхъ результатовъ. Всѣ экономическія причины, дѣлавшія Алтай и киргизскія степи излюбленными районами для переселенцевъ, остались въ силѣ. При почти равныхъ размерахъ земельныхъ надѣловъ и почти равныхъ денежныхъ ссудахъ, на Алтаѣ можно было получить даромъ великолѣпную «кабинетскую» землю, а гдѣ-нибудь на сѣверѣ Иркутской губернии—глухой таежный участокъ. Понятно, что охотниковъ гораздо больше было на алтайскія доли. Но отъ мѣстной землеустроительной комиссiи они въ большинствѣ случаевъ получали отказъ или предложеніе ѣхать совсѣмъ въ другіе районы. Ходоки оставались дома или, соглашаясь ѣхать въ Иркутскую губернію, высказывались по дорогѣ—въ Томской или, осмотрѣвъ навязанные имъ участки, отказывались отъ зачисления и ни съ чѣмъ возвращались обратно; или, наконецъ, махнувъ рукой на землеустроительную комиссію и на всѣ переселенческіе порядки, поднимались на переселение сразу съ семьей, за свой страхъ и рискъ, безъ документовъ, по дорожному тарифу.

Теперь, послѣ трехлѣтняго опыта, можно установить, что организованное ходячество не достигло даже ближайшей своей цѣли: предупредить безрезультатное

ходачество. Какъ это бывало и раньше, при свободѣ ходачества, такъ и теперь, при дѣйствіи новой системы, въ 1908 и 1909 годахъ только 30% ходочковъ вернулись, зачисливъ за собою землю; 70% пришли ни съ чѣмъ. Но тогда какъ раньше, при свободѣ ходачества и неограниченномъ числѣ ходочковъ, участки къ концу года разбирались не тѣми, такъ другими,—годы дѣйствія системы выдвинули новое явленіе: неиспользованный фондъ. Конечно, извѣстное значеніе могло имѣть и неизбежное съ годами пониженіе качества отводимыхъ участковъ; лучшія земли разбираются, и постепенно очередь доходить до земель худшихъ. Но отрицательное вліяніе системы распределенія фонда ясно изъ того, что въ самыхъ лучшихъ сибирскихъ районахъ, привлекавшихъ столько жадныхъ взоровъ, участки подолгу оставались «связанными» въ ожиданіи назначенныхъ имъ ходочковъ и частью вовсе неиспользованными до новаго дѣятельнаго періода. Такъ было и въ 1908, и въ 1909, и въ 1910 годахъ; въ то же время въ гораздо болѣе трудныхъ дальневосточныхъ районахъ, куда было сохранено свободное ходачество, зачисленіе шло несравненно успѣшнѣе: въ Амурской области, напримѣръ, къ 1910 году осталось неиспользованнаго запаса не болѣе 39%.

Наконецъ, самымъ печальнымъ изъ послѣдствій организованнаго ходачества было ухудшеніе условий самовольнаго переселенія въ Сибирь и невозможность устраивать тамъ самовольныхъ переселенцевъ даже на пустынныхъ участкахъ, обмѣнанныхъ организованнымъ ходочкамъ. Нерѣдко—по прошествіи полугода или года—за неприбытіемъ или отказомъ назначеннаго ходочка, участки доставались все-таки самовольнымъ переселенцамъ, но уже послѣ того какъ они были и нравственно и денежно обезпечены. Многія семьи такъ и не могли дожидаться устройства и возвращались назадъ, пополняя ряды обратныхъ. Обратное движеніе и этого и прошлаго года на двѣ трети состояло изъ такихъ обездоленныхъ самовольныхъ.

Такимъ образомъ система организованнаго переселенія на заранѣ назначенныя доли, имѣвшая сначала столько горячихъ сторонниковъ и на мѣстахъ, и въ Государственной Думѣ, и въ печати, принесла многія разочарованія, оказавшись едва-ли не хуже старой народной «системы»—«брести врознь». Самая идея ходачества—поискъ подходящей земли—оказалась искаженной: ходочекъ былъ связанъ заранѣ назначенной ему землей. При этомъ отдалялось получение земли тѣми, кто охотно ее взялъ бы и кому она дѣйствительно была нужна, въ ущербъ и имъ, и общему народному хозяйству.

Частичными поправками улучшить систему организованнаго ходачества трудно: въ ней есть основной порокъ нежизненности, непрактичности. Недаромъ она такъ тяготитъ самихъ переселенцевъ, да и переселенческихъ чиновниковъ, непосредственно работающихъ въ Сибири и воочью видящихъ, какъ тѣснитъ эта система живое переселенческое дѣло. Въ послѣднее время такое же сознание начинаетъ усиливаться и на мѣстахъ выхода переселенцевъ, въ землеустроительныхъ комиссіяхъ и въ земской средѣ.

Система организованнаго ходачества должна быть отмѣнена, и переселеніе должно сохранить главное свое драгоценное свойство естественнаго процесса въ русской народной жизни. Это не значитъ, конечно, что должно торжествовать начало невѣдательства государства въ развитіе переселеній. Можно и должно стремиться къ упорядоченію переселенія, но нельзя начинать это упорядоченіе съ вышней регламентаціи выхода и движенія переселенцевъ. Вопросы движенія—вопросы производные; нужно идти глубже. Достигнуть болѣе равномѣрнаго или, вообще, желательнаго для государства распределенія переселенцевъ по отдѣльнымъ сибирскимъ районамъ можно только однимъ путемъ: измѣненіемъ условий водворенія и хозяйства переселенцевъ въ этихъ районахъ. Если же всѣ хозяйственныя условія притягиваютъ переселенцевъ

исключительно в западный, степной район, в котором сохраняются притом обычными правительственными льготами, то никакими запрещениями и расписаниями переселенческого движения по другим районам многого добиться нельзя. Нужно сделать поселение в тех местностях, куда желательно привлечь переселенцев, более выгодным или хотя бы настолько же выгодным, как и в тех местностях, откуда необходимо оттянуть часть переселенческого потока, и затем предоставить переселенцам и жителям свободу выбора.

В этом вопросе, как и во многих других, допущенные ошибки в ряде всего объясняются неправильной оценкой отдельных сторон переселения. Искусственным приемам регламентации и опеки, инструкциям и циркулярам, определяющим правила движения, зачисления и водворения, — вообще всей «технике» переселенческого дела, — придавалось несоответствующее значение. Слишком настойчиво требовали высшего «упорядочения», «плановости» переселения, слишком много спорили и писали о переселенческой политике, тогда как это — такое глубокое и сложное явление народной жизни, которое меньше, чем что-либо иное, поддается заранее придуманным рецептам.

Значение регламентации переселения.

Между тем, как ни велико государственное значение переселения в смысле охраны границ, подъема жизнедеятельности окраин, вовлечения их в общий хозяйственный оборот страны, снятия аграрных затруднений в Европейской России — но люди, живые люди, делающие в массе своей переселенческое дело, идут в Сибирь, ломая старую жизнь и строя новую, каждый в отдельности не для того, конечно, чтобы облегчить аграрные затруднения или послужить ослотом русской государственности на окраинах; их цель — в выгоде, лучше устроиться в Сибири, чем жить им на родине. Помочь им в достижении этой непосредственной их цели, может быть, и

есть лучший способ обеспечить достижение всех государственных интересов, связанных с переселением. Напротив того, попытки овладеть переселением и вообще подчинить его руководящей воле каким-либо иным путем, нарушающим хозяйственные расчеты самих переселяющихся, не обречены ли неминуемо на крушение? Естественное развитие переселения необходимо именно в виду государственной его важности.

Вопросы государственной деятельности

«Как дерево без коры должно высохнуть», говорит записка одного из китайских сановников, недавно представленная Богдыхану, «так и государство без крепких границ перестает быть державой». Действительная жебрака при укреплении границ одна — заселение малолюдных окраин.

Переселение — естественный процесс.

Прилив на окраину переселенцев, как живых соков, должен образовать и у нас в Сибири плотную живую кору русского дерева. Но для того, чтобы это обрастание корой шло успешно, необходимо, чтобы переселение не подвергалось искусственным и насильственным опытам. Свободное течение переселенческого движения за Уралъ — лучшее к этому средство.

Съ возвращением к свободѣ хождения на правительство должны лежать две обязанности: 1) освещать население о запасах участков и условиях водворения в различных районах Сибири и 2) поощрять более низким тарифом, а главное — более широкою помощью при водворении, направление переселенцев преимущественно в трудно заселяемые или приграничные местности.

Переход от даровой раздачи переселенческим участкам к назначению денежной платы за землю в лучших, переполняемых теперь переселенцами районах Западной Сибири в ряде всяких иных мер по упорядочению хождения и переселения ограничить наплыв сюда ходоков и переселения ограничить.

Дорога в Западную Сибирь, в степь и на Алтай давным давно уже проторена переселенцами; все здесь

хорошо извѣдано и извѣстно на мѣстахъ самаго выхода переселенцевъ; дальнѣйшее заселеніе этой части сибирскаго запада можно поэтому въ большей мѣрѣ представить личной хозяйственной энергіи переселенцевъ, чѣмъ это допускалось до сихъ поръ.

Желательный порядокъ хо-
дательства.

Для этихъ мѣстностей, въ которыхъ могутъ устраиваться люди на покупной землѣ, можно вовсе не требовать обязательнаго, довольно дорогаго, предварительнаго хо-дательства. И если переселенецъ сразу прѣѣхалъ съ семьей на свой счетъ, нацѣлъ землю и смо-гъ внести за нее задатокъ, то его сразу же можно будетъ здѣсь и устроить.

Какъ сама русская жизнь выдвинула когда-то своеобразный типъ осторожнаго ходока, идущаго впередъ семьи, такъ она же сама начинаетъ его понемногу для ближайшихъ къ Европейской Россіи районовъ и упразднять. Выдвигается новый типъ «самовольнаго семейнаго ходока», для котораго двойной переѣздъ въ Сибирь—сначала одному, потомъ съ семьей—кажется и саншкомъ дорогимъ и ненужнымъ.

Личный выборъ участка такимъ семейнымъ ходокомъ едва ли не лучше обезпечиваетъ интересы его семьи, чѣмъ допускаемое теперь зачисленіе за одиноч-нымъ ходокомъ земли для трехъ и даже десяти другихъ семей. Кромѣ того, извѣстное поощреніе предварительнаго одиночнаго хо-дательства сохранится и при предполагаемомъ порядкѣ: тотъ, кто сначала пойдетъ въ Западную Сибирь ходокомъ, получить возможность перевезти впоследствии свою семью по льготному тарифу; тотъ же, кто сразу пойдетъ съ семьей, повезетъ ее всецѣло на свой счетъ и рискъ.

Для районовъ Средней и Восточной Сибири, заселяющихся медленно, и для приграничной полосы Азіатской Россіи переселеніе слѣдуетъ поставить не только въ болѣе льготныя, въ смыслѣ дешевизны проѣзда, условия, но сюда воплоти члѣсообразно поощрять движеніе ходоковъ какъ изъ Европейской Россіи, такъ и изъ числа жителей Западной Сибири,

болѣе закаленныхъ въ борьбѣ съ природой и нерѣдко стремящихся уйти съ сибирскаго запада въ глубь еще большаго простора восточно-сибирскихъ пустынь и лѣсовъ.

Во всякомъ случаѣ, по всей Сибири необходимо теперь же возстановить свободу хо-дательства. Конечно, и въ этомъ порядкѣ есть свои и, быть можетъ, существенныя неудобства. Какъ показалъ опытъ, за несдерживаемымъ потокомъ ходоковъ, особенно при равенствѣ въ распредѣленіи земель между ходоками и семейными-самовольцами, слѣдуетъ иногда и пирокка волна этихъ «самоходовъ», берущихъ съ собой въ рискованный путь всю семью. Нельзя поэтому не предвидѣть возможности повторенія извѣстныхъ затрудненій желѣзнодорожной перевозки, скопленій переселенцевъ въ пути.

Но изъ желательныхъ улучшеній дѣла надо ограничиваться возможнымъ. Цѣль—лучше обезпечить устройство переселенцевъ на мѣстѣ—важнѣе опасной временныхъ неудобствъ при ихъ перевозкѣ.

При выборѣ между нѣсколькими ходоками и переселенцами, желающими получить одинъ и тотъ же участокъ, переселенческая организація можетъ руководиться: временемъ прибытія, отдавая предпочтеніе раньше пришедшимъ, а въ мѣстностяхъ, гдѣ будетъ производиться продажа переселенческихъ участковъ,—еще и размѣрами предлагаемыхъ въ счетъ покупной цѣны задатковъ. При этомъ едва ли есть основанія опасаться особыхъ ненормальныхъ и чрезмѣрнаго напыла ходоковъ въ одинъ и тѣ же мѣстности: въ лучшихъ районахъ естественнымъ ограниченіемъ прилива ходоковъ явится продажа участковъ и требованіе задатковъ, а въ худшихъ и болѣе трудныхъ—можно скорѣе ожидать недостатка, чѣмъ опаснаго избытка засельщиковъ.

Высказываясь за свободу хо-дательства и даже настаивая на этомъ новшествѣ, воскрешаемъ, въ сущности, «старину» переселенческаго дѣла, нельзя не оговориться, что, при всей желательности свободнаго хо-дательства, все же не въ немъ и, вообще, не въ тѣхъ или

иных порядках передвижения переселенцев—ключи къ правильной постановкѣ переселенческаго дѣла. Ключи этихъ надо искать за Ураломъ, въ условіяхъ заселенія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сибирскія земли и переселенческіе участки.

Запасы земель въ Сибирь.

Запасы свободныхъ земель за Ураломъ, конечно, конечно, громадины; плотность сибирскаго населенія (0,7 человекъ на квадратную версту) ничтожна. Сколько бы земель ни зачисляли въ неудобныя или недоступныя еще для заселенія, но на пространствѣ отъ Урала до Тихаго океана, между шестидесятой земледѣльческой параллелью и южными широтами, близкими къ широтамъ Кавказа и Крыма, еще есть гдѣ разбѣститься пришлому земледѣльческому люду.

Достаточно отъѣхать хотя бы недалеко въ сторону отъ Сибирской желѣзной дороги, даже въ наиболѣе населенныхъ уѣздахъ Западной Сибири (Петропавловскомъ, Барнаульскомъ, Томскомъ), для того, чтобы сразу охватило впечатаніе шири, простора, рѣдкаго еще населенія. Между тѣмъ заявленію о недостаткѣ свободныхъ земель для переселенія часто подкрѣпляются подробными точными подсчетами, впоследствии, конечно, опрокидываемыми жизнью.

Въ 1896 году, въ отчетѣ о поѣздкѣ въ Сибирь Статей-Секретаря Куломзина, «достовѣрный на ближайшіе годы запасъ колонизаціонныхъ земель» опредѣлялся всего въ 130 тысячъ душевыхъ долей. Съ тѣхъ поръ прошло 15 лѣтъ, отведено всесторо больше долей и все еще ежегодно отводится и заселяется почти вдвое болѣе указанной цифры.

По расчетамъ Переселенческаго Управленія, сбѣланнымъ къ началу 1908 года, пригодный въ будущемъ для заселенія запасъ земель въ Сибири опредѣлялся примѣрно въ 3 милліона душевыхъ долей—на 6 милліоновъ переселенцевъ (обоихъ пола), причѣмъ одну треть этого запаса предполагалось найти въ Степномъ краѣ. Расчеты эти многими казались тогда преувеличенными, чуть ли не «мечтами». Прошло три года, подѣ переселеніе усилія отвести болѣе милліона душевыхъ долей, а земельный запасъ Сибири не только не исчерпанъ, но мѣстами какъ бы растетъ.

По Акмолинской области, напримѣръ, земельные излишки опредѣлялись въ 1908 году всего въ 6½ милліоновъ десятинъ или въ 600 тысячъ долей; четверть этого запаса съ тѣхъ поръ уже использована. Но произведеннымъ послѣ того повторнымъ обследованіемъ, охватившимъ всю область, выяснена наличность въ ней къ 1910 году свободныхъ излишковъ уже не 6 милліоновъ, а около 12 милліоновъ десятинъ (11.877 тысячъ).

Говоря о земельномъ фондѣ для переселенія въ Западной Сибири, нельзя не упомянуть о земляхъ десятиверстной полосы, присоединенной по закону 31 Мая 1904 года къ составу земель, отведенныхъ ранѣе въ количествѣ 4 милліоновъ десятинъ Сибирскому казачьему войску. О пространствѣ этой полосы можно судить по тому, что одинъ лишь остатокъ отъ отвода въ ней портовыхъ надѣловъ станицамъ и участковъ войсковымъ чинамъ исчисляется, по отчету войска, въ 800.000 десятинъ.

Когда-то полоса эта предназначена была для образованія нейтральной, буферной и неподлежащей заселенію территоріи—между чужими въ то время для насъ степными инородцевъ и казачьими станицами пограничной линіи, полученной отъ обилія здѣсь горько-соленыхъ озеръ названіе «горькой». Горькая линія тянется отъ границъ Оренбургской губерніи по сѣверу Акмолинской области до Иртыша, а потомъ вдоль Иртыша на югъ по Омскому уѣзду и Семипалатинской области.

Десятиверстная полоса въ Степномъ краѣ.

Теперь и десятиверстная полоса и земли самой горькой линии связаны въ одно и принадлежатъ казакамъ, занимая лучшей и богатѣйшей районъ киргизской степи.

Слѣдуя по желѣзной дорогѣ и по Иртышу, мы видѣли, на пространствахъ болѣе 1.000 верстъ, эти земли, весьма мало населенныя, но образующія новую колонизацію довольно далеко отъ рельсового пути и судоходной рѣки—вглубь степи. Въ десятиверстной полосѣ много еще плодородной нераспаханной цѣлныи; она сдается въ аренду часто за бездѣиость; не мало сѣнокосовъ, остающихся иногда на зиму необранными, и еще болѣе прекрасныхъ выпасовъ, пространства которыхъ мало соответствуетъ количеству бродящихъ на нихъ когдѣ стада чювечниковъ. Словомъ, мѣстность эта часто кажется пустыней, несмотря на плодородную почву и смежность желѣзной дороги, судоходства и переполненныхъ переселенцами частей Петропавловскаго и Омскаго уѣздовъ, гдѣ столько жаждущихъ какаго-либо земельного устройства русскихъ людей.

Становится понятно, что эта плодородная мѣстность, не видѣть которой не можетъ ни одинъ выходецъ изъ Европейской Россіи, въ какую бы отдаленную часть Азии онъ ни направлялся, часто служитъ поводомъ «горькаго» чувства переселенцевъ, выливающегося въ разсказахъ, что «земли въ Сибири дѣвать некуда, да хорошей-то не даютъ».

По отношенію къ этимъ землямъ, состоящимъ и подлежащимъ сохраненію въ собственности Сибирскаго казачьяго войска, жизнь выдвинула и поставила довольно остро два вопроса: о судьбѣ живущихъ въ ихъ предѣлахъ киргизъ и о точномъ опредѣленіи границъ этихъ земель.

Законъ 1904 года засталъ въ присоединяемой къ войсковой территоріи полосѣ тысячъ около 4 киргизскихъ кибитокъ, издавна кочевавшихъ, а частью и полусѣдо проживавшихъ на этихъ земляхъ, и призналъ за ними право здѣсь оставаться «впредь до ихъ устройства», съ уплатой войску арендной платы,

размѣръ которой съ той поры не долженъ былъ подвергаться измѣненію. Гдѣ и какъ должны быть устроены эти киргизы, законъ не предусмотрѣлъ, и вопросъ этотъ сообразитъ поручено было Государственнымъ Совѣтомъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Въ настоящее время киргизы домогаются болѣе прочнаго опредѣленія ихъ правъ въ качествѣ арендаторовъ, въ виду часто возникающихъ по этому поводу споровъ, о чемъ входили уже съ ходатайствами на Высочайшемъ Имя. Войсковое Хозяйственное Правленіе Сибирскаго казачьяго войска, считая арендную плату за эти земли несоответственной ихъ цѣнности, признаетъ необходимымъ устройство киргизъ на казенныхъ земляхъ, внѣ войсковой территоріи, куда однако киргизы не хотѣтъ переселиться, надѣясь на возможность надѣленія ихъ давно занятыми участками, хотя бы съ обязательствомъ выкупа.

Ознакомившись съ этимъ вопросомъ на мѣстѣ, мы не можемъ не высказаться за желательность его законодательнаго разрѣшенія въ смыслѣ предоставленія казачьему войску правъ періодическаго повышенія арендной платы съ земель, занимаемыхъ киргизами, и права отвести желающимъ осѣлости киргизамъ постоянный надѣлъ въ размѣрахъ, не превышающихъ 15 десятинъ на мужскую душу, который они могли бы выкупить у войска въ опредѣленный срокъ. Безпечивая интересы киргизъ, мѣра эта не можетъ причинить и войску какаго-либо ущерба.

Другой вопросъ, назрѣвшій въ десятиверстной полосѣ и особенно на правомъ берегу Иртыша,—это необходимость точно установить неопредѣленную здѣсь во многихъ мѣстахъ границу войсковой земли. Эта полоса, называясь десятиверстной, то отходитъ на гораздо большее разстояніе отъ рѣки, то приближается къ берегу. При установлении границы ея, совершенно необходимо допустить въ иныхъ случаяхъ замѣну однихъ—прибрежныхъ—участковъ другими, удаляющимися вглубь степи, безъ ущерба для войска въ количествѣ и качествѣ ихъ, но съ расчетомъ открыть

для образуемых в смежности с этой полосой на казенных землях переселенческих участков — доступъ къ Иртышу. Смежность такой рѣки, какъ Иртышъ, доступъ къ которой теперь совершенно закрытъ для переселенцевъ, важна не только какъ привазка колонизуемаго района къ сухоходному пути. Она даетъ хорошо обводненные участки въ этой, страдающей отсутствіемъ прѣсноводныхъ запасовъ, мѣстности и тѣмъ сильно измѣнить къ лучшему общую картину заселенія этой части киргизской степи.

Горный Алтай.

Лучшую часть земельного запаса всей Западной Сибири составляютъ безспорно земли Кабинета Его Императорскаго Величества, поступившія подъ переселеніе по Высочайшему Указу 19 Сентября 1906 года.

Земли эти до послѣдняго времени представляли, въ большинствѣ случаевъ, пустопожниа пространства, не приносяшія дохода и лишь въ небольшой части сдававшіяся въ аренду по несоответственной ихъ качеству низкой цѣнѣ. Здѣсь были мѣстами и кочевья киргизы. Теперь — какъ въ Томскомъ уѣздѣ, гдѣ заселено на основаніи приведеннаго выше Указа свыше 400.000 десятинъ оставшихъ впускъ отрѣзковъ между надѣлами старожиловъ, такъ въ Барнаульскомъ, гдѣ въ общей сложности выдѣлено подъ переселеніе свыше 2 миллионъ десятинъ, — все это почти сплошь заполненные уже переселенцами участки, на которыхъ быстро развивается прочное хозяйство, новая жизнь. За выдѣломъ, однако, еще до полумилліона десятинъ въ текущемъ и будущемъ году въ уѣздахъ Барнаульскомъ и Кузнецкомъ, главная площадь земель, подлежащихъ подъ дѣйствіе закона, окажется использованной. Изъ обширнаго, исчисляемаго въ 40 миллионъ десятинъ, Алтайскаго округа, за вычетомъ 18 миллионъ десятинъ земель, отданныхъ крестьянамъ ранѣе, и около 3 миллионъ десятинъ, поступившихъ подъ переселеніе, и за исключеніемъ неподлежащихъ дѣйствію закона 1906 года дѣсовъ и горнозаводскихъ площадей,

свободное для колонизаціи пространство останется лишь въ видѣ занадѣльныхъ отрѣзковъ отъ землеустройства старожилаго населенія и въ предѣлахъ Горнаго Алтая, заключающаго въ себѣ приблизительно 13 миллионъ десятинъ, при ничтожномъ пока количествѣ населенія.

Въ сѣверныхъ и восточныхъ районахъ Сибири постоянно открываются все новыя области, гдѣ точными опытами и изслѣдованіями подтверждается возможность земледѣльческаго хозяйства, и опровергаются прежнія представленія о непригодности этихъ земель для заселенія. Завѣдующей Томскимъ переселенческимъ райономъ представилъ намъ рядъ подробныхъ и убѣдительныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о возможности заселенія пустыннаго Нарымскаго края; завѣдующей Енисейскимъ райономъ — интересныя свѣдѣнія о цѣнныхъ для колонизаціи земляхъ Чуно-Ангарскаго подрайона, о Карабульскихъ гарахъ и т. д. Иногда эти, какъ бы вновь открываемыя для Россіи земли, — куда раньше и впереди всякихъ изслѣдователей и ученыхъ экскурсій пробираются уже невѣдомые самовольные переселенцы, такъ что изслѣдованіе неожиданно встрѣчаетъ здѣсь уже и человѣческое жилище и первые посѣвы, — занимаютъ площади по 18—20 миллионъ десятинъ. По сибирскому переселенческому масштабу, это — привычные, никого здѣсь не поражающіе, размыты.

Границы заселяемыхъ земель постоянно расширяются. Постепенно доходитъ экономическая очередь заселенія до пустынныхъ районовъ. Кромѣ того и въ предѣлахъ земель, уже считающихся заселенными, плотность сибирскаго населенія все увеличивается, такъ что, какъ ни подробно ведется подсчетъ земельныхъ запасовъ Сибири, по вся эта земельная ариометика имѣетъ весьма относительное значеніе. Мѣняются мѣрки, которыми опредѣляется запасъ земель, понижаются земельныя нормы, повышаются умѣнѣе и трудоспособ-

Вновь открываемыя области заселенія.

Условное значеніе подсчета земельного запаса Сибири.

ность людей, понижается требовательность их к естественным условиям почвы, учащаются иногда с приходом человека самые эти естественные условия. Поэтому можно относиться спокойно ко всем мрачным предсказаниям о том, что колонизационный фонд Сибири исчерпан и что переселение через 2—3 года упрется в глухую стѣну.

Однако, въ этихъ предсказанияхъ есть и одна серьезная сторона.

Отводъ ежегодно по 350 тысячъ душевыхъ долей или около 5 миллионовъ десятинъ удобной земли, нельзя не предвидѣть, что въ лучшей, наиболее заселенной полосѣ Сибири долго работать при такомъ темпѣ нельзя; придется волей-неволей переходить въ худшіе районы, болѣе суровые, болѣе сѣверные, глухіе, далекіе отъ желѣзной дороги, ибо нельзя же безконечно «дѣлать землю» для новыхъ пришельцевъ именно тамъ, гдѣ они хотѣли ее получить. Конечно, и послѣ того, какъ землеотводныя переселенческія партіи сплона отработаютъ какой-нибудь уѣздъ, онъ приметъ въ себя еще очень много переселенцевъ—путемъ «доприселения» въ старожилые или вновь образованные поселки. Но непосредственной «заготовки земель» въ этихъ районахъ быть уже не можетъ, и приемы колонизаціи здѣсь должны быть иные.

Вотъ на это разнообразіе приѣмовъ колонизаціи, необходимость котораго смутно чувствуется всеми, и не обращается еще достаточно вниманія. Между тѣмъ, въ Сибири довольно явственно обозначаются уже районы, гдѣ не хватаетъ земли для переселенцевъ, и районы, гдѣ, напротивъ, не хватаетъ людей для заготовленныхъ участковъ.

Въ этомъ главный узелъ современныхъ затрудненій въ переселенческомъ дѣлѣ.

Работы Переселенческаго Управления ежегодно строятся теперь на расчетъ заготовки 350 тысячъ душевыхъ долей и перевозки въ Сибирь 700 тысячъ человекъ переселенцевъ обою пола, т. е. 350 тысячъ

мужскихъ душъ. Казалось бы, соответствие этихъ двухъ цифръ—полное. Но, въ дѣйствительности, одни районы переполняются людьми, а другіе пустыютъ. На 1 Іюля текущего года въ Сибири числилось 344 тысячи мужскихъ душъ (700.000 душъ обою пола) неустroенныхъ переселенцевъ, не нашедшихъ себѣ земли, и наряду съ этимъ имѣлось 314 тысячъ свободныхъ для заселенія душевыхъ долей. Но неустroенные переселенцы сосредоточены въ Томской губерніи (224 1/2 тысячи), въ Акимовской области (58 тысячъ), въ Семирѣчьи (37 тысячъ), отчасти въ Тургайско-Уральскомъ и Тобольскомъ районахъ (11 тысячъ и 8 1/2 тысячъ мужскихъ душъ), а свободныя доли—преимущественно въ Средней и Восточной Сибири (въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ—82 тысячи свободныхъ долей, въ трехъ дальневосточныхъ областяхъ—101 тысяча). Въ западныхъ губерніяхъ и степныхъ областяхъ свободныя доли хотя и есть, но не въ уѣздахъ и волостяхъ, гдѣ сосредоточены неустroенные переселенцы, а въ другихъ—худшихъ.

Такимъ образомъ, для того, чтобы привести земельную заготовку въ соответствие со спросомъ, слѣдовало бы, на первый взглядъ, развивать ее преимущественно въ юго-западной полосѣ Сибири и сокращать на востокъ. Но не говоря уже о томъ, что политическое положеніе Россіи требуетъ обратнаго рѣшенія, такъ какъ наиболее толкой и непрочной слой живой переселенческой коры у насъ—на Дальнемъ Востокѣ, безпрерывное механическое расширеніе работъ по отводу участковъ въ Западной Сибири само по себѣ неосуществимо.

Прежде всего отводу участковъ, по необходимости, должно предшествовать здѣсь предварительное выясненіе и закрѣпленіе земельныхъ правъ многочисленнаго старожилого и инородческаго населенія.

По отношенію къ старожиламъ Сибири задача ставится ясно и просто: необходимо скорѣйшее и сплошное поземельное ихъ устройство. Только такое устройство, обезпечивая коренному населенію устойчивости

Отводъ участковъ въ западную полосѣ Сибири.

земельных прав и хозяйства, вместе с тем позволять выдвинуть значительные, никем теперь не используемые, «отрѣзки» земель и для переселенцев. Эти отрѣзки — лучшей переселенческой земельный фонд: въ иныхъ губерніяхъ (напримѣръ въ Иркутской и на югѣ Тобольской губерній) и теперь уже болѣе половины всѣхъ заготавливаемыхъ для переселенцевъ участковъ образуется изъ отрѣзковъ старожилого землепользованія, и именно эти участки скоре и охотнѣе всего заселяются.

По отношенію къ инородцамъ Сибири — главнымъ образомъ киргизамъ — задача нѣсколько сложнее. Сплошное и окончательное землеустройство киргизъ возможно только въ отдѣльныхъ частяхъ киргизской степи, гдѣ переходъ къ земледѣлію и осѣлости составляетъ уже общее, вполнѣ опредѣлившееся явленіе. Во многихъ киргизскихъ волостяхъ этого еще нѣтъ, и здѣсь нераспределеніе государственныхъ земель между кочующими по чернозему киргизами и стремящимися сюда русскими земледѣльцами должно быть построено на другихъ основаніяхъ: временнаго оставленія киргизамъ части земель по кочевымъ и скотоводческимъ нормамъ и немедленной передачи освобождающихся земель въ колонизаціонный фондъ. Кромѣ того было бы чрезвычайно желательно облегчить для переселенцевъ аренду земель у киргизъ. Дѣйствующій законъ устанавливаетъ для этого чрезвычайно сложныя формы: для каждаго отдѣльнаго случая аренды требуется согласіе цѣлой киргизской волости. Теперь, когда по всей степи идетъ усиленный процессъ дробленія волостей и индивидуализаціи киргизскихъ хозяйствъ, необходимо видоизмѣнить эти формальныя условія аренды, приблизивъ ихъ къ дѣйствительности и замѣнивъ согласіе волости согласіемъ аульнаго общества или, вообще, той болѣе мелкой группы кибитокъ, которая фактически распоряжается данною землею вмѣсто прежней хозяйственной волости. Такая мѣра имѣла бы полезное и большое значеніе.

Что касается надѣленія земель новыхъ переселенцевъ не на арендномъ правѣ, а какъ самостоятельныхъ хозяевъ, то въ этомъ отношеніи и поземельное устройство старожиловъ, и устройство киргизъ, и образованіе изъ излишковъ киргизскаго и старожилаго землепользованія переселенческихъ участковъ только временно смягчатъ остроту вопроса о недостаткѣ земель для переселенцевъ въ Западной Сибири. Образованный при землеустройствѣ фондъ будетъ быстро расхватанъ переселенцами, въ особенности если къ его использованию будутъ примѣнены тѣ же несложныя приемы даровой раздачи и тѣ же болѣе разнѣры отводимыхъ надѣловъ, какіе существуютъ въ настоящее время. Земельныя запасы будутъ исчерпаны, а взятъ земли для заготовки участковъ въ этихъ, ближайшихъ къ Европейской Россіи, районахъ болѣе будетъ неоткуда.

Коренное и принципиальное рѣшеніе вопроса заключается въ скорѣйшемъ предоставленіи сибирскимъ старожиламъ, переселенцамъ и осѣдымъ, окончательно устроеннымъ, инородцамъ правъ собственности на отведенныя и отводимыя имъ обширныя надѣлы. Тогда дальнѣйшее уплотненіе населенія пойдетъ естественнымъ путемъ перехода части земель въ новыя руки по частнымъ денежнымъ слѣзкамъ аренды и купли-продажи.

Жизнь постепенно къ тому и идетъ: въ прошломъ году въ Томской губерніи ходоги зачислили за собой землю на переселенческихъ участкахъ для 39.128 душъ мужского пола, а получили приемныхъ приговоромъ въ старожила общества (конечно, за деньги) на 38.778 душъ. Такимъ образомъ, движеніе распределяется уже теперь почти поровну между даровымъ надѣломъ и покупною землею.

Открытой купли-продажи земель въ Сибири не происходитъ потому, что юридически почти всѣ земли признаются собственностью казны или казачьихъ

Необходимость передачи земли въ частную собственность.

Необходимость установления правъ собственности на землю.

Скрытая форма покупки земель въ настоящее время.

войск; на рынокъ появляются только такъ называемые «офисерскіе» казачьи участки. Цѣна ихъ дошла теперь, для участковъ, лежащихъ близъ желѣзной дороги, до 80—100 рублей, а для участковъ по Иртышу—до 50—70 рублей за десятину. Иногда эти земли покупаются переселенцами: въ Петропавловскомъ уѣздѣ, Акмолинской области, мы были въ такомъ поселкѣ курекскихъ самовольныхъ переселенцевъ, купившихъ землю нѣсколько лѣтъ тому назадъ у казачьяго генерала по 60 рублей за десятину.

Необходимо, конечно, для общаго оживленія и роста Сибири содѣйствовать приливу переселенцевъ въ районы старожилаго населенія и послѣ поземельнаго устройства и дарованія правъ собственности, съ правомъ на отчужденіе надѣловъ. Для правительства и здѣсь останется широкое поле дѣятельности, но уже, конечно, не въ смыслъ вѣчнаго изготовленія земель, а въ видѣ оказанія новымъ пришельцамъ *кредита* на покупку земель у старожиловъ. Здѣсь могутъ развиваться значительныя и полезныя посредническія операціи Крестьянскаго Банка или особаго сельско-хозяйственнаго банка—это уже вопросъ будущаго.

Тотъ земельный запасъ, который временно образуется въ распоряженіи правительства послѣ землеустройства, въ видѣ отрѣжковъ, слѣдовало бы также расцѣпить и обратить для устройства переселенцевъ по пониженнымъ земельнымъ нормамъ и за опредѣленную плату.

Размѣры переселенческихъ надѣловъ за послѣдніе годы въ степи уже уменьшены, и вмѣсто 15 десятинъ на душу отводятся мѣстами по 10—12. Но и это составляетъ 35—40 десятинъ на семью. Только незначительная часть такого надѣла распахивается самимъ хозяиномъ, получившимъ надѣлъ; вся остальная земля или пустуетъ, или разбирается въ аренду пришедшими позднѣе самовольными неустроенными переселенцами. Такой приходъ самовольныхъ, «неприписныхъ», является естественной поправкой жизни къ

неправильнымъ нормамъ надѣловъ: по положенію неприписныхъ, подвергающихся часто жестокой эксплуатаціи со стороны приписныхъ, нѣрѣдко тяжелое, и гораздо справедливѣе было бы, сокративъ норму надѣла, сразу устраивать на землѣ большее число хозяевъ.

Что касается взиманія платы за переселенческіе надѣлы, то и это нововведеніе диктуется экономической справедливостью. Нельзя по всей Азіатской Россіи раздавать переселенцамъ землю даромъ, на однихъ и тѣхъ же условіяхъ, не различая лучшей земли отъ худшей. При такомъ положеніи вещей никто и не пойдетъ на худшія земли. Въ Семирѣчьи, на Алтай—въ лучшихъ киргизскихъ волостяхъ землю, имѣющую здѣсь уже теперь значительную цѣнность, безусловно слѣдуетъ не давать, а продавать переселенцамъ. Въ одной Саройской волости, Кустанайскаго уѣзда, стоимость земельныхъ налішковъ, теперь уже большую часть отданныхъ переселенцамъ, опредѣляется, по мѣстнымъ цѣнамъ, не ниже 6 милліоновъ рублей, а стоимость одной десятины достигаетъ 60 рублей. Такія же, и даже лучшія, земли, послѣ проводимаго теперь пониженія нормъ земельного обезпеченія киргизъ, поступаютъ въ фондъ въ другихъ волостяхъ того же уѣзда: Мендыгаринской, Кинь-Аральской и т. д., и въ другихъ частяхъ киргизской степи. Столь цѣнныя земли нельзя, конечно, приравнивать къ таковымъ, болотистымъ или бѣднымъ водою участкамъ.

Разумѣется, продажа переселенческихъ участковъ за деньги не можетъ быть повсемѣстнымъ и общимъ правиломъ: при бѣдности переселенцевъ, это слишкомъ затруднило бы переселеніе, и безъ того связанное съ затратами на переездъ, разработку участковъ и обезпеченіе хозяйствомъ на новомъ мѣстѣ. Въ глухихъ урманахъ, въ бездорожной тайгѣ, или въ полосѣ скудныхъ безводныхъ степныхъ пастбищъ, за многія сотни верстъ отъ желѣзной дороги, на многіе участки не

Необходимость перейти мѣстами къ продажѣ земель.

Поземельный оборотъ земель участковъ. Справедливо.

Необходимо

нашлось бы и покупателей. Но в лучших переселенческих районах переход к продажам земель является вполне своевременным.

Мбра эта требует законодательного утверждения, так как Высочайший Указ 27 Августа 1906 года о порядке продажи крестьянам казенных земель не коснулся Азиатской России, и его необходимо теперь в этом смысле дополнить, воспользовавшись происходящим пересмотром его в законодательных учреждениях. При этом основные начала Указа 27 Августа, воспроизводящая в сущности практику Крестьянского Банка, могут быть сохранены и для Сибири, и лишь обязанности землеустроительных комиссий перейдут при этом к переселенческим учреждениям.

Правильная расценка и продажа лучших земель в Сибири—наиболее верный способ отвлечь часть переселенческого потока и на менее выгодные участки, для которых следует сохранить и даровую раздачу и денежную помощь.

Главными условиями успешного заселения лучшей, юго-западной, полосы сибирских степей являются таким образом: 1) ускорение поземельного устройства старожилов и инородцев Сибири и дарование устроенному населению прав собственности на землю, 2) определение размера отводимых переселенцам и старожилам надделов по соображению не только с предельною их по закону нормой (15 десятин на душу), но и с почвенными и хозяйственными условиями отдельных местностей, 3) продажа участков казенной земли новым переселенцам, 4) облегчение аренды земель переселенцами у киргизов и 5) организация для новоселов кредита на покупку земель от старожилов и инородцев, путем распространения на Сибирь деятельности Крестьянского (или Сельско-Хозяйственного) Банка.

В районах, более трудных, суровых и далеких, лишенных открытой воды или загроможденных лесными зарослями, наоборот, главную обязанностью

Земельная заготовки
в районах, трудных
для заселения.

правительства надолго еще останется, именно, «дбать» землю, заготовлять ее, понемногу переводя из первобытного и недоступного для культуры состояния в удобный колонизационный фонд. В этом направлении Переселенческое Управление ведет уже довольно большую работу; но все-таки под заселение нередко сдаются, к сожалению, еще «неодбланные» участки. В особенности заметно это в северных таежных районах. Здесь правильная заготовка участков настоятельно требует: 1) осушения, 2) корчевания, 3) устройства дорог.

Осушение в широких размерах велось только в Барабинской степи. Здесь за время с 1895 года по 1908 год продолжено около 1.800 верст каналов и, в общем, с затратой 1¼ миллионов рублей, осушено до 900.000 десятин; стоимость осушения выразилась всего в полутора рублях на десятину. Работы в Барабинской степи продолжают, и необходимо поставить их еще шире, обеспечив не только развитие сети сооружений, но и постоянный ремонт их. Кроме того необходимо перенести осушительные работы из северной лесостепи, к которой принадлежит Бараба, в тайгу.

Корчевание вовсе не производится теперь Переселенческим Управлением и ложится всецело на самих переселенцев. Между тем, если даже предварительные работы будут выполняться правительством, то и переселенцам останется еще много труда по приведению своих участков в порядок. Только через несколько лет постоянных дневных расчисток и вспахивания, в тайге достигается общее осветление, осушение и оздоровление участка. Но переселенцу нужно дать возможность подступиться к участку, сразу «врубиться» в него: иначе лесная сила задавит и одолжит его. В Маринской тайге, даже в поселках, сравнительно близких к железной дороге (30—40 верст), мы могли убедиться в безо-

Предварительное обустройство участка.
Осушение.

Корчевание

мощности переселенцев в борьбу с лѣсом: они пользуются почти одними только гарями и сланами, образовавшимися от лѣсных пожаров. «И земля не плоха, да вот — не сила наша: лѣт одолѣл», говорят переселенцы на дѣломъ рядъ участковъ, нами видѣнныхъ.

Опытъ отдачи лѣсныхъ площадей лѣсопромышленникамъ, съ тѣмъ, чтобы они брали себѣ весь лѣсъ даромъ, но зато раскорчевывали вырубленную площадь, не увѣнчался успѣхомъ. Стоимость корчевальныхъ работъ все еще чрезмѣрно дорога, и хорошихъ корчевальныхъ машинъ нѣтъ. Устроенный въ прошломъ году конкурсъ корчевальныхъ машинъ въ Тарѣ, куда было представлено до 20 типовъ машинъ, не далъ положительныхъ результатовъ, — а грандіозный опытъ раскорчевки 2.000 десятинъ въ имѣніи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича «Дерюгино», въ Курекской губерніи, основанный на сочетаніи машинной и ручной работы, хотя и далъ блестящіе результаты, но десятина раскорчеванной и вполнѣ убранный площади обшлась по 170 рублей. Такія затраты, хотя и окулающія себя въ Европейской Россіи, непосильны для сибирскихъ земель, тѣмъ болѣе, что лѣсъ въ тайгѣ чаще всего малоцѣнный. Между тѣмъ онъ глушитъ и давитъ здѣсь всякую хозяйственную жизнь. Борьба съ нимъ идетъ туго, переселенческие поселки въ тайгѣ растутъ медленно, участки разбираются неохотно; уживаются здѣсь только выходцы бѣдныхъ лѣсистыхъ Бѣлорусскихъ губерній и живутъ если не голодно, то безъ достатка, отличающаго степные и алтайскіе переселенческие поселки.

Наиболѣе практическимъ способомъ борьбы съ тайгой, изъ обсуждавшихся нами на мѣстѣ, былъ бы, повидимому, слѣдующій. Во-первыхъ: отводить таежные участки каждому переселенцу отдѣльно въ подворное владѣніе для того, чтобы онъ зналъ, что труды его по расчисткѣ не пропадутъ и принесутъ пользу ему и его дѣтямъ. Это не отвѣденное только соображеніе; въ таежныхъ поселкахъ мы выслушивали

Суды на расчистку тайги.

рядъ просьбъ переселенцевъ о томъ, чтобы ихъ надѣляли не сплошнымъ лѣсомъ, но и расчищенными уже землями, и опасенія со стороны крестьянъ, расчистившихъ свои надѣлы, какъ бы новые участники не отняли и не передѣлили ихъ «рощисты». Эти опасенія удерживаютъ многихъ отъ рѣшимости приняться какъ слѣдуетъ за корчеваніе, и небезопасенность правъ на извѣстный участокъ земли затрудняетъ, въ числѣ другихъ причинъ, успѣшность сводки лѣса въ тайгѣ. При подворномъ устройствѣ этого уже не будетъ. Во-вторыхъ, необходимо увеличить въ тайгѣ размѣры судей на хозяйственное устройство и выдавать, вмѣсто 100 и 150 рублей на семью, до 300 рублей, по выдавать частями по мѣрѣ расчистки переселенцемъ своего участка, какъ бы оплачивая трудъ его по борьбѣ съ тайгой. Наконецъ, необходимой, но требующей большихъ затратъ, мѣрой для заселенія тайги была бы и предварительная вырубка части лѣса, съ корчевкой до прихода переселенцевъ, на пространствѣ хотя бы одной десятины изъ надѣла въ 40—50 десятинъ на семью.

Проведеніе дорогъ лежитъ на обязанности переселенческой организаціи. Такихъ дорогъ выстроено всего въ сибирской тайгѣ за послѣдніе три года 5.200 верстъ, съ затратой 5 милліоновъ рублей. Главной недостаткомъ переселенческихъ дорогъ тотъ, что ихъ мало; много участковъ совсѣмъ бездорожныхъ. Но тѣ дороги, какія есть, но крайней мѣрѣ, тѣ, по которымъ мы ѣхали въ дождливое осеннее время въ Маринской тайгѣ, или о которыхъ слышали отзывы самихъ переселенцевъ и людей, вовсе непричастныхъ къ переселенческой организаціи, — выстроены со знаніемъ дѣла, сравнительно недорого (около 1.000 рублей верста) и содержатся въ исправности. Вопросъ — въ деньгахъ: въ увеличеніи дорожнаго кредита переселенческой смѣты. На будущій 1911 годъ кредитъ этотъ увеличивается на 1 милліонъ рублей (съ 2 1/2 милліоновъ рублей до 3 1/2 милліоновъ рублей).

Однако, не слѣдуетъ преувеличивать значенія грунтовыхъ переселенческихъ дорогъ; все-таки это —

Дороги.

проездными дорогами со всеми их недостатками: непрочностью, мнимой дешевизной, технической трудностью сооружения, а главное, ограниченным экономическим влиянием. Для отдаленных поселков, получивших дорогу, конечно, она является благодеянием, но общее заселение тайги подвигается медленно и после сооружения таких дорог. Главное значение переселенческое дорожное строительство может иметь лишь в полосе, не слишком далекой от рельсового пути, представляющей пока еще много местностей с рудным населением. Исполняя свое назначение—переселенческих дорог к участкам, грунтовые дороги не могут служить магистралями, привлекающими к рынкам сбыта новые переселенческие районы. Для этого необходимо бы перейти уже к постройке подъездных, хотя бы узкоколейных *осельных* дорог к линии Сибирской дороги. Только рельсовые пути действительно открывают новые пространства для переселения и оживлять прорванные ими районы. А при этом условии уменьшится необходимость заботы и о проселочных дорогах. Переселенцы во многих случаях окажутся сами в состоянии создать сеть мелких дорог и троп, в особенности, если им будет оказана и помощь казны, в виде выдачи новоселам так называемых «общепольных» ссуд—на дороги. Во всяком случае лишь постоянное развитие дорожного дела может создать настоящую ценность отводимых в тайгу участков.

Значение переселения для будущности сибирских лесов.

Осушение, корчевание и дороги откроют широкий доступ переселению в сибирские леса, составляющие главную часть свободных еще земельных запасов. Для лесного хозяйства такой прилив переселенцев, в конечном итоге, даже выгоден. Из 244 миллионов десятин сибирских лесов только 92 миллиона десятин представляют собою действительно леса, да и те дают в год всего 3¼ миллиона рублей дохода (меньше 4 копеек на десятину). Одной из главных при-

чины столь низкой доходности является удаленность лесных массивов от населенных мест, редкость сибирского населения и дороговизна рабочих рук. Только заселение обширных лесных дач, путем отвода переселенцам частей этих дач, пригодных для земледельческой обработки и не представляющих крупиной лесохозяйственной ценности, поднимет лесное дело. Приближение человека к лесу хотя и уменьшит площадь лесов, но зато создаст местный потребительный рынок и даст рабочие руки для лесных заготовок и вывоза. Бояться небольшого сокращения лесной площади за Уралом еще не приходится здесь, в среднем, на каждую душу населения приходится по 16 десятин леса, тогда как достаточной лесистостью признается обыкновенно и отношение 0,3 — 1 десятин на душу.

Но нерасчетливое и беспорядочное истребление сибирских лесов во многих местностях побуждает принять энергичные меры для их устройства и охраны. Лесоустройству идет в Сибирь слишком медленным темпом. Из 50 миллионов десятин подлежащих устройству в первую очередь лесов Тобольской и Томской губерний, за последние 12 лет устроено всего 1.600 тысяч десятин. На громадное большинство лесных дач нет ни инвентарных описаний, ни планов; усиленная в последнее время лесная стража и сеть лесничеств все же далеко недостаточны. На каждое лесничество приходится в среднем около 800 тысяч десятин. При таких условиях лесничему трудно даже ознакомиться с пространством лесов, находящихся на его попечении. Между тем опустошительная рубка и пожары незаметно, но быстро уничтожают сибирские лесные богатства. Поэтому, выделяя среди лесов площади, могущая быть обращенными под земледельческую колонизацию, необходимо одновременно усилить охрану лесов, представляющих действительную лесохозяйственную ценность.

В киргизской степи дорог каждый «кодык» леса—остаток березовых лесонасаждений, когда-то, по-

видимому, здесь обильных; особенно ценны удельские основные леса. Охранять их с заселением степи русскими переселенцами, конечно, не легко, но едва ли труднее, чем при постоянном повреждении всякого в них подроста стадами кочевников. Необходимо продолжать начатое уже здесь образование казенных лесных дач, с включением в них, по возможности, большого количества хотя бы и мелких лесных участков, разбросанных среди земель киргизского пользования, и затем усилить заботы не только о защите растущего на них леса, но и о залесении свободных между ними площадей, с запретом какого-либо хозяйственного их использования. Пользу этому делу могло бы принести привлечение к нему переселившихся в степные местности менонитов и образование из них на места специальных лесных команд, вместо призыва их в пешую службу в лесных командах юга Европейской России, замещающему для менонитов, по закону, отбывание воинской повинности.

Глубокое бурение в
степных районах.

На юг и юго-восток киргизских степей необходимые земельные улучшения заключаются, главным образом, в устройстве водоснабжения. Поставленное здесь в последние годы глубокое бурение дает хорошие результаты — например, в Атбасарском и Акмолинском уездах — и позволяет рассчитывать на заселение многих пространств, считавшихся ранее непригодными, по отсутствию пресных грунтовых вод. Обычный расход на обводнение при помощи глубокого бурения составляет, правда, от 2 до 5 рублей на десятину, но если принять в расчет, что такая десятина может быть засеяна затем пшеницей и давать до 100 пудов урожая, то указанный расход не должен казаться устрашающим.

Будущность переселения в киргизской степи.

Общий вопрос о будущем русского переселения на юг киргизской степи, по мнению многих, предназначенной самой природой только для кочевания,

едва ли может быть разрешен в отрицательном смысле. Тревожная заявленность относительно «непрочности» сибирских степных почв, грозящая их высыханием или выпахиванием, напоминает такую же опасенность относительно юго-восточных степей Европейской России. В действительности, вопрос только в необходимости соответствующего выбора зерновых культур или замены их правильным скотоводством и в умелом использовании запасов почвенной влаги.

По отзывам специалистов, киргизской Степной Край, с проведением здесь железной дороги, в течение короткого времени может занять видное место в сельско-хозяйственной промышленности Империи. Здесь имеются огромные пространства удобной для обработки почвы. В то же время почва эта, несмотря на обилие солончачковых пространств, в высшей степени плодородна. В новейшей агрономии выдвигается даже смелая теория о том, что солончаки слабого и среднего насыщения являются плодороднейшими и притом весьма прочными, медленно истощающимися землями; американский профессор Хильгард называет солончачковые почвы настоящими «складами удобрительных веществ». Солончаки только требуют умения при их обработке, при поливе и т. д. Весьма важен выбор растений и трав для посева: на многих солончаках, не пригодных для посева пшеницы, отлично идут травы, и австралийское скотоводство (первое в мире) в значительной степени развилось на солончаках; многие виды солонцов пригодны для ценных промышленных культур — сахарной свеклы, хлопка и проч.

Большим тревожным представляется в Степном Крае вопрос о воде: хватит ли ее для наличного и будущего земледельческого населения? Вода в киргизской степи действительно является самым драгоценным и самым полезным из «неископаемых». Местами приходится добывать ее со значительной глубиной.

Почвенные условия.

Вода в киргизской степи.

Часто она оказывается соленой, негодною для питья. Иногда солеными оказываются цѣлыя рѣки; иногда— среди жаркаго лѣта въ одной и той же рѣкѣ прѣсные и соленые плесы чередуются, въ зависимости отъ грунта. Иныя рѣки теряются въ степныхъ разливахъ и въ испареніяхъ. Были случаи усыхания и исчезновения цѣлыхъ озеръ, около которыхъ располагались переселенческіе поселки. Наконецъ, нерѣдко земледѣльцы постигаютъ здѣсь засухи и неурожаи. Наиболѣе же грознымъ является нерѣдко высказываемое мнѣніе о неизбежной дальнѣйшей убыли воды въ Степной край.

Основываясь на научной теоріи профессора Брюкнера о чередованіи въ исторіи земли сухихъ и влажныхъ періодовъ (въ связи съ періодичностью солнечныхъ пятенъ), утверждая, что мы находимся теперь въ періодъ «влажномъ» — съ большимъ количествомъ осадковъ. Этими и объясняютъ притливъ переселенцевъ въ киргизскую степь и сравнительно удачное ихъ хозяйничанье. Но уже съ 1911 года предсказываютъ начало «сухого» періода, который долженъ привести къ исчезновенію многихъ озеръ, уменьшенію воды въ рѣкахъ и глубокому пониженію уровня грунтовыхъ водъ: засахнутъ колодези, погибнутъ посѣвы на неполныхъ земляхъ, для полныхъ не хватитъ воды въ рѣкахъ и т. п.

Вопросъ этотъ чрезвычайно серьезный и чрезвычайно тревожный для правительства, несущаго нравственную отвѣтственность за судьбы переселенія. Но, кромѣ продолжающагося подъема благосостоянія переселенческихъ поселковъ, успокоительнымъ признакомъ является то, что и сами киргизы, которые могли бы знать свою родную степь, во множествѣ случаевъ переходятъ къ земледѣлію. Притомъ и теоретическія основанія отрицательнаго отношенія къ переселенію въ Степной край спорны. Прежде всего, самъ Брюкнеръ указывалъ на земномъ шарѣ мѣста «дальшихъ исключеній» изъ его теоріи и въ числѣ такихъ мѣстностей прямо назвалъ киргизскія степи: сухіе и влажные періоды въ киргизской степи не совпадаютъ съ такими же періодами

въ другихъ мѣстностяхъ. Кромѣ того и Брюкнеръ, и работавшіе послѣ него русскіе профессора Бергъ и Воейковъ рѣшительно утверждаютъ, что въ историческую эпоху и Туркестанъ, и сѣвднія степи не подверглись сколько-нибудь замѣтному усыханію и что въ продолженіе тысячелѣтій климатъ здѣсь не мѣняется; наблюдаются только періодическія колебанія въ размѣрахъ атмосферныхъ осадковъ. Рѣчи о постепенномъ неуклонномъ засыханіи киргизскихъ степей, стало быть, вѣтъ; переселенцамъ придется лишь, быть можетъ, время отъ времени переживать засушливые годы, но такіе, какіе уже многократно и *бывали* здѣсь, какъ бывають и всюду, но не привели, однако, къ уничтоженію земледѣльческихъ хозяйствъ (въ Туркестанѣ, напримеръ, исчисли многочисленныхъ). Вся задача заключается въ приспособленіи къ мѣстнымъ условіямъ, въ усовершенствованіи техники сухого земледѣлія и въ умѣнн обращаться съ водой: въ районахъ же, для земледѣлія малопрігодныхъ, — въ развитіи скотоводческаго хозяйства.

По докладу завѣдующаго Семипалатинскимъ райономъ, среди переселенцевъ наблюдается теперь значительная чуткость къ естественнымъ условіямъ края. Съ одной стороны, среди нихъ начинаютъ понемногу прививаться приемы американскаго сухого земледѣлія, главнымъ образомъ, сводящіеся къ накопленію и сохраненію въ поляхъ снѣга. Съ другой — замѣчается переходъ переселенцевъ, особенно выходцевъ Донской области, отъ хлѣбопашества къ тонкорунному овцеводству и коневодству.

Незначительность выпадающихъ на югѣ киргизской степи атмосферныхъ осадковъ и высыханіе озеръ также не представляють еще ничего рокового для переселенія; все дѣло, по отзывамъ специалистовъ, — въ достаточности общихъ запасовъ влаги, которая въ дождливые годы держится въ видѣ открытыхъ водъ, а въ годы засушливые сохраняется въ видѣ водяныхъ паровъ, въ воздухѣ и землѣ. Необходимо только вести непрерывный учетъ этихъ водныхъ

запасовъ и развивать дѣлаемыя и теперь метеорологическія и гидрометрическія наблюденія.

Нарушныя и подземныя воды.

Однако, напередъ уже можно сказать, что воды въ Степномъ краѣ гораздо больше, чѣмъ это принято думать,—не меньше, напримѣръ, чѣмъ въ Аргентинѣ, кормившей своей пшеницей гораздо лучше нея орпенныя страны. Въ Степномъ краѣ есть такія рѣки, какъ Иртышъ, Ишимъ, Нура и десятки второстепенныхъ; такія озера, какъ Зайсанъ, Марка-Куль и также десятки менше крупныхъ; тысячи ручьевъ, выбивающихся на поверхность и только ждущихъ ихъ разработки; обширная пространства, гдѣ вода можетъ быть найдена колодцами на глубинѣ всего нѣсколькихъ сажени. При наличности этихъ условий можно говорить не о недостаткѣ воды, а развѣ лишь о недостаткѣ въ людяхъ, которые знали бы, какъ добыть воду и какъ распределить ее и использовать.

Естественныя условия Западной Сибири и Степного края благоприятствуютъ развитію земледѣлія, не говоря уже о скотоводствѣ; необходима лишь передача переселенцамъ известныхъ агрономическихъ знаний и навыковъ, умѣнія обращаться съ землею и водой,—а въ этомъ условіи нѣтъ ничего непреодолимаго.

Правыми окажутся, вѣроятно, тѣ «самовольные» и иные переселенцы, которые, не выжидая рѣшенія ученыхъ агрономическихъ и метеорологическихъ споровъ, тысячами идутъ въ киргизскій край и, крестьянъ, поднимаютъ тамъ степную дѣлнину не безъ выгоды для себя. Они руководятся вѣрнымъ чутьемъ и, дасть Богъ, сумѣютъ пережить тамъ и засушливые годы, приривнившись къ условіямъ степного земледѣльческаго хозяйства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Водвореніе переселенцевъ и крестьянская собственность.

Даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ хозяйственныя условия благоприятны для заселенія, общая обстановка сибирской жизни остается все же суровой и однообразной. При посѣщеніи переселенческихъ поселковъ чувствуется, что новымъ пришельцамъ приходится жить заботами «о хлѣбѣ единомъ», въ утомительной борьбѣ съ природой. Эти поселки, болѣею частью затерянные въ тайгѣ или въ степи и состоящие изъ недавно собравшихся людей безъ кровной связи, безъ общаго прошлаго,—должны жить почти одними только хозяйственными интересами. У нихъ часто даже нѣтъ церкви; нѣтъ близости города, нѣтъ ярмарокъ. Не всѣ выдерживаютъ такую жизнь. Люди суроваго закала, упорные и нетребовательные, напримѣръ латыши, сектанты, уживаются легче; переселенцы изъ среднихъ русскихъ губерній, выросшіе въ иной обстановкѣ, а въ особенности бабы, долго не могутъ привыкнуть къ дикости новыхъ условий.

Измѣнить существенно или скрасить эти условия не во власти правительства, но оно можетъ и должно помочь удовлетворенію важнѣйшихъ потребностей и смягченію хозяйственныхъ трудностей водворенія.

Въ заботахъ о церкви и школѣ для переселенцевъ въ послѣдніе 3—4 года участвуетъ и Главное Управленіе Землеустройства и Земледѣлія, рѣшившее организовать и двинуть это дѣло при помощи выдачи переселенцамъ общепользныхъ ссудъ и пособій. За счетъ этихъ ссудъ не только строятся храмы и школьныя зданія, но и организуются разбѣдные причты тамъ, гдѣ нѣтъ постоянныхъ приходовъ. Въ одномъ прошломъ году въ Сибири учреждено 67 новыхъ приходовъ (считая разбѣдные причты), удалосъ

Суровость условий Сибири.

Церкви и школы для переселенцевъ.

выстроить 48 церквей, открыть 98 школ. В этом году размеры церковного и школьного строительства Переселенческим Управлением значительно расширены. Конечно, по сравнению с потребностью того, что дѣлается, совершенно недостаточно, но можно быть спокойным за то, что дѣло это не погибнет, и опасность нравственного одичания переселенцев будет меньше грозной. Просьба о церкви тамъ, гдѣ ея еще нѣтъ, повторялась во всѣхъ посѣщенныхъ нами поселкахъ. Трудность новыхъ условий, ставящихъ переселенцевъ лицомъ къ лицу съ дикой природой, создаетъ вообще въ переселенческихъ деревняхъ особое, сразу передающееся серьезное и глубокое настроеніе, въ отличіе отъ покойной и даже иногда лѣнливой жизни старожиловъ и казачьихъ селеній. Выстроенный храмъ становится центромъ поселка и напоминаетъ переселенцамъ о родинѣ, гдѣ они жили хотя и бѣдно, но въ атмосферѣ, согрѣтой религіозными и историческими преданіями, и откуда попали въ край богатый, но чужой и дикій. Большое вліяніе имѣютъ на переселенцевъ и попадающіе теперь въ ихъ среду священники изъ числа бывшихъ слушателей пастырскихъ курсовъ, устроенныхъ въ прошломъ году въ Москвѣ съ благословенія Митрополита Московскаго. Многие изъ нихъ—люди призванія, съ глубокой вѣрой и уваченіемъ дѣлающіе въ сибирской глуши свое великое по значенію дѣло. Встрѣчи и бесѣды съ ними оставили въ насъ отрадное, бодрющее впечатлѣніе.

Удачный подборъ священниковъ во вновь открытыхъ приходахъ обезпечить и возникновеніе въ нихъ первоначальнаго школьнаго обученія. Постройка школьныхъ зданій за счетъ выдаваемыхъ на это средствъ изъ переселенческихъ кредитовъ, открывается ли школа церковно-приходская или Министерства Народнаго Просвѣщенія, подвинулась впередъ. Только что изданный законъ о лучшемъ обезпеченіи школьныхъ учителей въ Азиатской Россіи поможетъ развитію школьнаго дѣла, а въ этомъ нуждаются не только переселенцы, но и старожилое сибирское населеніе.

Врачебная помощь переселенцамъ, столь же мало входящая въ обычный кругъ дѣятельности вѣдомства земледѣлія, какъ и устройство приходской жизни, и столь же настоятельно требуемая отъ него условіями Сибири, гдѣ земскія лечебницы приходятся нѣрѣдко по одной на районъ въ 30 тысячъ квадратныхъ верстъ, съ пятидесяти-тысячнымъ населеніемъ, за послѣдніе годы развивается, но еще далеко не можетъ быть признана поставленной удовлетворительно. Правда, врачебный кредитъ по смѣтѣ Переселенческаго Управленія за 2 послѣдніе года увеличился почти вдвое: въ 1908 году—1.738 тысячъ рублей, въ 1910 году—3.256 тысячъ рублей; а на 1911 годъ испрашивается уже около 4.000.000 рублей. Но несомнѣнно предстоитъ и дальнѣйшій ростъ этого кредита. На всю Сибирь устроено только около двухсотъ переселенческихъ пунктовъ, изъ нихъ четвертая часть въ настоящемъ году, и есть еще много глухихъ поселковъ, лишенныхъ всякой медицинской помощи, гдѣ часты заболѣванія и высока смертность. Поэтому, въ дальнѣйшемъ необходимо усилить врачебную помощь переселенцамъ не столько на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ, обставленныхъ и въ этомъ отношеніи въ общемъ удовлетворительно, сколько на мѣстахъ водворенія.

Хозяйственная помощь переселенцамъ во всѣхъ ея видахъ составляетъ уже прямую обязанность Переселенческаго Управленія. Наиболее развитой стороной правительственной дѣятельности въ этомъ направленіи является организація переселенческихъ сельско-хозяйственныхъ складовъ, снабжающихъ и переселенцевъ, и старожиловъ сельско-хозяйственными орудіями. Склады, имѣющіе теперь 90 отдѣленій, сосредоточили въ своихъ рукахъ $\frac{1}{2}$ всей торговли этого рода въ Сибири. Дѣло это поставлено давно, прочно, и вносить въ него какія-либо измѣненія не зачѣмъ: даже въ неурожайный 1909 годъ, при замѣтномъ пониженіи оборота, склады дали все-таки 330 тысячъ рублей чистой прибыли; полезное же значеніе ихъ общепризнано. Это—рѣдкій примѣръ

и денежной, и культурной удачи ведения казенной хозяйственной деятельности. Отдельного упоминания заслуживают побочные культурные учреждения, устраиваемые складами за счет прибылей: так, например, осмотрительная нами в селѣ Пятуховѣ учебно-ремесленная мастерская и школа монтерова, по постановкѣ преподаванія, могла бы быть принята за образец и для Европейской Россіи, гдѣ такъ важна потребность въ практической, профессиональной народной школѣ, дающей ученикамъ полезное знаніе и заработокъ, вмѣсто обрывковъ теоретическихъ познаній и быстро утрачиваемой грамотности.

Не налаженной пока остается одна сторона въ дѣятельности складовъ: переходъ къ продажѣ сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій исключительно русскаго издѣлія.

Отказавшись уже отъ продажи иностранныхъ плуговъ, молотилокъ и вѣялокъ и перейдя къ продажѣ этихъ издѣлій русскихъ заводовъ и кустарей, склады вынуждены все-таки, попрежнему, *уборочныя* машины ежегодно выписывать изъ Америки, отъ Международной Компаніи, на 2 милліона рублей. Русскіе заводы не могутъ пока идти на такіа отсрочки платежей за машины, не проданныя или не оплаченныя полностью взявшими ихъ въ кредитъ покупателями, какія даются американской компаніей. Необходимо, поэтому, теперь же заботиться увеличеніемъ оборотнаго капитала складовъ.

Есть, впрочемъ, и иной способъ разрѣшенія этого вопроса: иностранная компанія строить свои заводы подѣ Москвой и будетъ работать русскими рабочими, изъ русскихъ матеріаловъ. При этомъ условіи складамъ будетъ обеспечена поставка хорошихъ уборочныхъ машинъ, а уплачиваемая за нихъ деньги въ значительной части своей останутся въ Россіи.

Если необходимость развитія дѣятельности сельскохозяйственныхъ переселенческихъ складовъ и связанной съ нимъ кредитной операціи не возбуждаетъ

Склады и малой кредитъ.

обыкновенно сомнѣнія, то, напротивъ, денежная переселенческая ссуда чаще всего подвергается жестокой критикѣ. Многие видятъ въ нихъ развращающія переселенца подачки и настаиваютъ на полномъ отказѣ отъ выдачи ссудъ и на выисканіи съ самого переселенца денегъ за отводимую ему землю. Другіе, наоборотъ, считаютъ главной бѣдой малый размѣръ ссудъ (въ среднемъ по 100 рублей на семью) и настаиваютъ на увеличеніи ихъ размѣра въ несколько разъ, но при этомъ и на болѣе тщательномъ разборѣ индивидуальныхъ особенностей въ положеніи каждой отдельной семьи для того, чтобы оказывать помощь только дѣйствительно нуждающимся.

Каждое изъ этихъ двухъ противоположныхъ мнѣній имѣетъ свои основанія; каждое изъ нихъ вѣрно въ примѣненіи къ отдѣльнымъ мѣстностямъ Сибири и не вѣрно по отношенію къ другимъ. Нельзя бросать переселенца гдѣ-нибудь въ тайгѣ безъ денежной помощи, на произволъ судьбы. Это значило бы отнять у переселенческой бѣдности послѣднюю надежду на Сибирь и многія, нуждающіеся въ заселеніи, мѣстности обречь на безлюдье. Но нельзя и принимать вѣсуду на казенный паекъ переселенческой семьи, хотя бы и наиболее бѣдная.

Для рѣшенія вопроса о размѣрахъ ссудъ необходимо разбираться въ различныхъ условіяхъ и различной степени трудности хозяйственнаго устройства по отдѣльнымъ районамъ Сибири. Съ различіемъ этихъ районовъ и слѣдуетъ сообразовать размѣры выдаваемыхъ ссудъ, а отнюдь не съ загадочнымъ количествомъ рублей, списанныхъ у того или иного переселенца за голенищемъ.

Разбираться въ состоятельности переселенцевъ, вчера только пришедшихъ на участки, задача совершенно непосильная для чиновниковъ, кому бы ни поручать это дѣло. Да не зачѣмъ и искать въ переселенческой толпѣ, пришедшей за тысячи верстъ въ сибирскую тайгу заново строить свое хозяйство, отдѣльныхъ «лицъ, дѣйствительно нуждающихся» въ правительственной помощи. Тѣмъ болѣе тщетная и невѣрная мысль — стремиться сгладить и уравнять путемъ казен-

ных «додачъ» всё индивидуальныя различія въ степени состоятельности отдѣльных переселенцевъ. Это только даетъ поводъ самимъ переселенцамъ добиваться впоследствии новыхъ «дополнительныхъ ссудъ» и извращаетъ всю постановку ссуднаго дѣла, превращая ссуду въ «способіе».

Между тѣмъ условия водворенія по *мѣстностямъ* весьма различны. Различіе это бросалось намъ въ глаза даже при простомъ проѣздѣ по участкамъ и, конечно, оно хорошо извѣстно работающей на мѣстахъ переселенческой организаціи. Сохранять, несмотря на это, одинаковые размѣры ссудъ переселенцамъ, всюду по 100 рублей на семью—въ дѣловой глуши, гдѣ требуется каторжный трудъ раскорчевки, и на черноземныхъ степныхъ отръзкахъ Кабинетскихъ земель, близъ желѣзной дороги, представляеть уже явную ошибку въ общей постановкѣ переселенія.

Устранить эту ошибку и сообразовать размѣры денежной помощи съ различіемъ хозяйственныхъ условий въ различныхъ районахъ, съ трудностью заселенія, а не съ бѣдностью того или иного переселенца—очередная въ переселенческомъ дѣлѣ задача.

Въ этомъ смыслѣ необходимо измѣнить самый законъ о ссудахъ и построить новыя правила о ссудахъ на основѣ различныхъ *порайонныхъ* нормъ ссудъ. А такъ какъ хозяйственныя условия жизни районовъ мѣняются, то, для пріданія ссудной операціи необходимой гибкости, право опредѣлять и видоизмѣнять эти нормы должно быть законодателемъ предоставлено власти правительства. При этомъ въ лучшихъ, наиболѣе легкихъ, районахъ, гдѣ отводимая земля теперь уже стоитъ большіхъ денегъ и должна продаваться переселенцамъ, слѣдуетъ вовсе отказаться отъ ссудъ. Въ сѣверныхъ и восточныхъ, вообще трудныхъ, ташкнскихъ районахъ цѣлѣнный предѣльный размѣръ ихъ (165—200 рублей) долженъ быть удвоенъ. Во многихъ случаяхъ въ глухихъ мѣстахъ придется взаимно выдачу денегъ снабжать новоселовъ заранѣе заготовленными хлѣбомъ и иными необходимыми имъ предметами.

Но въ то же время придется обусловить въ этихъ мѣстностяхъ выдачу увеличенныхъ денежныхъ ссудъ извѣстными обязательствами по расчетѣ тайги, такъ какъ на это именно предметъ онѣ должны быть усилены. Притомъ каждый переселенецъ, выбирающій для себя тотъ или другой районъ, долженъ заранѣе опредѣленно знать, на какую помощь онъ можетъ тамъ въ данное время рассчитывать и на какой предметъ эта помощь можетъ быть ассигнована—и на этомъ строить свои хозяйственныя планы.

При такомъ измѣненіи ссуднаго закона будетъ достигнута гораздо большая справедливость въ распределеніи между переселенцами казенной помощи. Выбѣтъ съ тѣмъ будетъ достигаться и большая равномерность въ заселеніи сибирскихъ районовъ; тамъ, гдѣ требуется отъ переселенца больше труда и затратъ, ему будетъ оказана и большая помощь; тамъ же, гдѣ водвореніе судить върное улучшеніе положенія, безъ особаго тяготенія къ нему перехода, отводъ земли будетъ связанъ съ хотя бы небольшою платою за казенную землю.

Домообзаводственныя денежные ссуды новымъ пришельцамъ, еще не устроившимъ, не склывшимся ни съ сибирской природой, ни даже другъ съ другомъ, составляютъ вполне нормальный видъ правительственной помощи, и трудно повѣрить въ возможность скорой замѣны ихъ иными «правильными», «коммерческими» и т. п. формами кредита. Для правильнаго кредита нужно прочное основаніе кредитоспособности, наличность устойчиваго хозяйства и взаимной укрѣпившейся связи отдѣльныхъ хозяйствъ. Пока этого нѣтъ, до тѣхъ поръ простѣйшій видъ помощи—ссуды отдѣльнымъ семьямъ на домообзаводство на льготныхъ условияхъ—остается единственною и простымъ видомъ дѣйствительно живой первоначальной помощи переселенцу. Впоследствии же, когда населеніе окрѣпнетъ, придетъ время и для иной болѣе правильной организаціи мелкаго кредита. Дѣло это въ западной Сибири мѣстами уже начинается. По докладу завѣдующаго Тургайско-Уральскимъ райономъ, въ Актюбинскомъ и Кустанайскомъ

уздахъ за какіе-нибудь полтора года открыты и дѣйствуютъ среди переселенцевъ 18 учрежденій мекаго кредита: ссудо-сберегательныхъ и кредитныхъ товариществъ.

Продовольственное
дѣло.

Крупный вопросъ во вновь заселяемыхъ частяхъ Сибири—продовольственная правительственная помощь при недородахъ. Неудача первыхъ посѣвовъ въ первые годы водворенія—тяжелое бѣдствіе. Трудно пережить его переселенцу, но неизбѣжно запасовъ на черный день. Еще труднѣе сохранить вѣру въ новую землю, на которой ожидалось «лучшее» и которая оказалась «горше прежняго». И часто случайный неурожай первыхъ лѣтъ—единственная, но столь понятная причина оставленія участка, бѣства на родину и полного крушенія благополучія переселенческой семьи навсегда. Своевременная продовольственная помощь, выходящая за обычныя нормы переселенческихъ ссудъ, здѣсь особенно важна; но организация кредита продовольственного и на обмененіе полей—дѣло совершенно неустроенное въ Сибири и въ старожилахъ поселкахъ. А такой кредитъ и для старожиловъ, при неурожаѣ, становится необходимымъ, въ виду постепеннаго перехода старожилаго хозяйства отъ натурального къ денежному. Немалоценныя по годамъ скирды, хранилища, полная многолѣтнимъ сборомъ зерна, во многихъ мѣстахъ Сибири, гдѣ имѣются сносныя условія для вывоза и крѣпости хлѣбныхъ дѣвъ, отходить въ прошлое.

Между тѣмъ на губерніи и области Сибири не распространяются временныя правила 12 Іюня 1900 года по обезпеченію продовольственныхъ потребностей сельскихъ обывателей. Въ нихъ дѣйствуетъ до сихъ поръ старый Уставъ о Народномъ Продовольствіи. Поэтому продовольственные запасы составляются здѣсь по числу «ревизскихъ» душъ, обращеніе натуральныхъ запасовъ въ денежные допускается лишь въ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣіе не составляетъ главнаго промысла населенія. Но хлѣбные запасы по числу душъ ревизіи 1858 года—явно ничтожны. Самое опредѣленіе ревиз-

скихъ душъ для новыхъ поселковъ— правило мертвое. Въ виду этого установить въ Сибири теперь же, въ томъ или иномъ порядкѣ, образованіе хлѣбныхъ запасовъ въ старожильскихъ, а равно и въ переселенческихъ поселкахъ по соотвѣстности съ наличнымъ составомъ населенія—дѣло неотложное.

Въ теченіе нынѣшней зимы въ Западной Сибири предвидится продовольственная кампанія: въ Павлодарскомъ уѣздѣ Семипалатинской области, въ нѣсколькихъ селеніяхъ Барнаульскаго уѣзда, прилегающихъ къ Павлодарскому уѣзду, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Акмолинской области, а на востокъ—въ Енисейской губерніи и Приморской области.

Успѣхъ общественныхъ работъ, устроенныхъ въ минувшемъ году по случаю неурожая въ переселенческихъ поселкахъ Тургайской области Губернаторомъ Страховскимъ, при посредствѣ мѣстныхъ переселенческихъ чиновъ, внушаетъ вѣрность въ томъ, что и въ другихъ мѣстностяхъ это дѣло можетъ быть поставлено такъ же удачно. Между тѣмъ, именно такая трудовая помощь переселенцамъ—въ видѣ работъ по устройству, ваприжѣр, платинъ и заградъ или особнхъ сѣвѣяниковъ для задержанія снѣга на поляхъ—наибольше цѣлесообразнымъ способомъ, безъ вреднаго вліянія даровой раздачи пособій, обезпечиваетъ нужды пострадавшихъ поселковъ.

Вмѣстѣ съ казенной продажей хлѣба по заготовительной цѣвѣ, организація такихъ работъ и должна, согласно даннымъ на мѣстѣ губернскому начальству указаніямъ, составить главный видъ правительственной продовольственной помощи въ степныхъ областяхъ въ нынѣшнемъ и будущемъ годахъ.

Операцію казенной продажи хлѣба значительно облегчатъ устроенныя Переселенческимъ Управленіемъ въ Акмолинской области и степныхъ уѣздахъ Тобольской губерніи казенныя хлѣбохранилища, передаваемые теперь въ вѣдѣніе продовольственной части Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Агрономическая помощь.

Изъ другихъ видовъ хозяйственной помощи переселенцамъ особеннаго вниманія требуютъ агрономическая помощь и содѣйствіе къ установленію лучшихъ формъ землепользованія.

Объ агрономической помощи новоселамъ впервые заговорили недавно, всего три года. Переселенческое Управление, въ связи съ прямыми его задачами, преслѣдовало въ этой области, главнымъ образомъ, цѣль выясненія сельско-хозяйственной пригодности будущихъ районовъ заселенія, производило пробные посѣвы для опредѣленія возможности тѣхъ или иныхъ культуръ, вело метеорологическія наблюденія. За три года открыто въ Сибири нѣсколько опытныхъ полей, устроено около сотни метеорологическихъ станцій, произведено на нѣсколькихъ десяткахъ постоянныхъ опытныхъ участковъ значительное число пробныхъ посѣвовъ. Но прямая *помощь* новоселамъ оставалась до послѣдняго времени на второмъ планѣ, и только Томирское опытное поле—въ стѣнной засушливой полосѣ Уральской области—достигло, по удостовѣренію мѣстныхъ учреждений, нѣкотораго вліянія на хозяйство переселенцевъ.

Между тѣмъ задачи агрономической помощи переселенцамъ въ Сибири громадны. Необходимо систематическое развитіе здѣсь опытнаго дѣла по всѣмъ отраслямъ сельско-хозяйственнаго промысла. Переселенцы лишены здѣсь даже основы прежней своей хозяйственности: рутинны заведеннаго хозяйства; климатическія и почвенныя условія—иные, имъ незнакомыя; помѣщичьихъ хозяйствъ нѣтъ, а у старожиловъ, довольствующихся залежной системой, имъ, выросшимъ на трехпольѣ, а во многихъ случаяхъ свыкшимся и съ травосѣяніемъ,—многому не научиться. Въ то же время, испытывъ на себѣ всѣ бѣды прежнихъ неурожавъ на родинѣ, переселенцы достаточно умудрены непосредственнымъ личнымъ опытомъ для сознанія всей важности удрученной техники своего хозяйства на новыхъ мѣстахъ, они ихъ ищутъ, и трудно придумать лучшую минуту для плодотворности агрономической помощи, при условіи правильной ея постановки.

Да и старожилы въ Сибири разбужены совершающимися, подъ вліяніемъ переселенія, переломомъ въ ихъ хозяйственной жизни, сокращеніемъ земельного пространства, и потому не могли переселенцевъ рады были бы каждому полезному указанію, какъ приспособиться къ новымъ условіямъ.

Успѣхъ дѣла агрономической помощи въ Сибири зависить, такимъ образомъ, главнѣйше отъ знаній и, еще болѣе, отъ личныхъ дарованій тѣхъ людей, которые будутъ приставлены къ этому трудному и отвѣтственному дѣлу: учить хозяйствъ—хозяйничать. Задача вѣдомства земледѣлія теперь всачески искать и готовить такихъ людей. Главный доступный для правительства путь къ этому—насажденіе техническихъ знаній, школа; а школа мѣстная, вырабатывающая спеціалистовъ-практиковъ въ тѣхъ именно хозяйственныхъ условіяхъ, въ которыхъ должна протекать ихъ будущая дѣятельность. Поэтому необходимо прежде всего открыть на мѣстѣ, въ Сибири, спеціальныя агрономическія училища, сначала среднія, а затѣмъ и высшія.

Мѣстомъ для первой средней школы естественно намѣчается Омскъ, какъ главный хозяйственный центръ западной Сибири; высшее же сельско-хозяйственное учебное заведеніе было бы цѣлесообразнѣе всего открыть въ Томскѣ, на первое время въ видѣ особаго факультета или отдѣленія при одной изъ существующихъ уже высшихъ школъ—Университетѣ или Технологическомъ Институтѣ.

Нѣсколько легче осуществимой для органовъ государственной власти задачей, нежели прямое содѣйствіе на улучшеніе пріемовъ крестьянскаго хозяйства, является содѣйствіе установленію лучшихъ, болѣе выгодныхъ формъ земледѣлія и землепользованія.

Въ вопросѣ этомъ—двѣ основныя грани: 1) устройство старожилаго населенія и 2) отводъ земель для переселенцевъ.

Вопросъ о крестьянской собственности въ Сибири.

Особенности земель-
ного строя за Ураломъ.

Въ томъ и другомъ отношеніи, на всемъ востокѣ Россійской Имперіи, отъ Урала до Тихаго океана, исторически сложились и правовыя идеи, и земельныя порядки, въсколько отличные отъ Европейской Россіи. Здѣсь, за ничтожными исключениями, нѣтъ частной собственности ни у старожилаго населенія, ни у переселенцевъ, ни у казаковъ, ни у инородцевъ: вся земля—либо казенная, либо войсковая, либо Кабинетская. Она состоитъ лишь во владѣніи или пользованіи живущихъ на ней людей. Что касается внутренняго распорядка пользованія, земля эта находится юридически, опять-таки въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ, въ распоряженіи крестьянскихъ, сельскихъ или волостныхъ обществъ, казачьихъ станицъ и инородческихъ ауловъ. На этихъ основаніяхъ отводятся постоянныя земельныя надѣлы старожилому сибирскому населенію, оставляются временно земли въ пользованіи кочевыхъ инородцевъ, отмежевываются надѣлы казачьимъ станицамъ и, наконецъ, представляются переселенцамъ новыя участки.

Такое положеніе нѣредко возбуждаетъ сомнѣнія въ однородности началъ нашей государственной земельной политики въ Европейской Россіи и за Ураломъ.

Въ Азіатской Россіи, до послѣдняго времени мало заселенной, имѣвшей пока значеніе, главнымъ образомъ, обширной и дѣльной, но единственной при этомъ, колоніи Русскаго Государства и сохраняющей въ извѣстной степени этотъ характеръ и въ настоящую минуту,—во владѣніи юридическихъ земельныхъ собственниковъ—казны, Кабинета и казачьяго войска—состоятъ лишь свободныя земельныя запасы, сокращающіеся по мѣрѣ заселенія и перехода въ культурное состояніе.

Земли заселенныя, т. е. такъ или иначе освоеныя человѣкомъ при помощи его труда или какихъ-нибудь проявленій его права надъ ними, и въ Сибири такъ же грѣши ихъ владѣльцамъ, будь то казакъ, старожила, переселенецъ или оставившій кочеваніе отдѣльный инородецъ, какъ если бы они были ихъ юридическими собственниками. Отъ послѣднихъ они суще-

ственно отличаются только отсутствіемъ права на отчужденіе.

Что же касается внутринадѣльныхъ порядковъ землепользованія, то, имѣя, конечно, много недостатки этой первобытной формы земельного владѣнія, рѣзко отличающіе ее отъ хуторскаго и отрубнаго владѣнія, община сибирская—у старожила и переселенца—почти столь же рѣзко отличается и отъ земельной общины великорусскаго крестьянина Европейской Россіи. Сибирская община, подъ влияніемъ здѣшняго земельного пространства и отсутствія главнаго зла общиннаго владѣнія—полной перевертки тягловъ, подъ давленіемъ фискальныхъ требованій, не дожидая еще и въ настоящее время до губельнаго «равненія» земли и періодическихъ передѣловъ. За весьма рѣдкими исключениями, имѣющими мѣсто въ единичныхъ случаяхъ, которые встрѣчаются въ немногихъ волостяхъ Западной Сибири и составляютъ въ общемъ ничтожный процентъ,—сибирскія общины неизвѣстны ни уравнительныя срочныя передѣлы, ни отобраніе отъ одного владѣльца раздѣланной и удобренной имъ земли въ пользу другого бездано и безплатно—ради одного только равненія. Въ общемъ, и у старожила, и у переселенца, вложившаго трудъ въ раздѣлку и обработку земли, живетъ убѣжденіе въ неотъемлемости такого участка, и случаи отобранія у кого-нибудь такой земли обществомъ, безъ согласія владѣльца и безъ вознагражденія, неизвѣстны.

Кстати замѣтить, всѣ сложныя земельно-правовыя отношенія въ сибирской общинѣ, основанныя больше всего на правѣ *завѣта трудовъ* (заняты) извѣстнаго количества земли, распутываются и разрѣшаются безъ особыхъ осложненій по установившимся на мѣстахъ или принесеннымъ съ родины въкомымъ правовымъ понятіямъ и обычаямъ. Въ отличіе отъ многихъ мѣстностей Европейской Россіи, за Ураломъ—при зачаточномъ состояніи волостного судопроизводства—ни волостной судъ, ни сельскіе сходы, ни крестьянскія учрежденія не обременены земельными внутринадѣльными спорами.

Сибирская община.

Государственная и
частная собствен-
ность.

Неотъемлемость зем-
ельныхъ участковъ.

И нельзя даже представить себѣ всѣхъ трудностей и послѣдствій развитія судебного канцелярскаго производства при условіи, если бы правительство, отказавшись отъ услугъ неписаннаго гражданскаго кодекса, опредѣляющаго весь порядокъ землепользованія Сибиря, поставило бы себѣ задачей на все это написать законы и правила — и работою своихъ чиновниковъ, которыхъ и теперь не хватаетъ для окраинъ, пыталось бы замѣнить все трудъ крестьянскихъ обществъ и судовъ по созданію, укрѣпленію и защитѣ этихъ сложнѣйшихъ, въ области юриспруденціи, земельныхъ правъ и интересовъ.

Правда, подъ вліяніемъ быстрого заселенія свободныхъ излишковъ, сказочнаго роста цѣнности и доходности земли въ Сибиря и широкой волной вливающагося въ старожильскія села приплато изъ Европейской Россіи крестьянства, во многихъ мѣстностяхъ выдвинулась потребность внутринадѣльной разверстки. Число приговоровъ о раздѣлѣ общественной земли растетъ ежедневно, особенно въ обществахъ, нуждающихся въ новомъ земельномъ порядкѣ въ виду отрѣзки у нихъ въ казну излишковъ фактическаго землевадѣнія при отграниченіи надѣла отъ казны, но въ этихъ случаяхъ раздѣлы чаще всего устраиваются практически — «навсегда».

Съ юридической стороны крестьянское земельное устройство Сибиря является тождественнымъ съ тѣми условіями, въ коихъ жило крестьянское населеніе Европейской Россіи до 1861 года повсемѣстно, а затѣмъ — вплоть до преобразованія оброчной подати казенныхъ крестьянъ въ выкупные платежи — на пространствѣ казенныхъ земель, отведенныхъ бывшимъ государственнымъ крестьянамъ. По бытовому же укладу, т. е. въ отношеніи внутринадѣльныхъ распоряжковъ, жизнь сибирской общины выгодно отличается отъ общинной неурядицы въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губернияхъ отсутствіемъ общинъ и частныхъ передѣловъ и гораздо большею готовностью къ воспріятію новыхъ формъ. Населеніе общинъ, даже въ старожильскихъ земляхъ, часто наполовину состоитъ изъ

выходцевъ Европейской Россіи, строящихъ на этихъ, новыхъ для нихъ, земляхъ новую жизнь и потому легко идущихъ на всякое новшество. Наконецъ, здѣсь не имѣется еще и понятія о той земельной тѣснотѣ стараго, изработаннаго крестьянскаго надѣла, особенно въ выгонахъ и выпасахъ скота, которая такъ часто является для обществъ Европейской Россіи главнымъ затрудненіемъ въ переходѣ къ лучшимъ и рациональнымъ формамъ хозяйства.

Сохраненіе до нашихъ дней въ сибирскомъ законодательствѣ идея государственной земельной собственности имѣла полезное практическое значеніе. Замедлившееся рѣшительное отдѣленіе крестьянскихъ надѣловъ отъ казенныхъ владѣній привело къ тому, что современный отводъ земель можетъ быть согласованъ съ совершенно измѣнившейся и возросшей въ настоящее время ихъ цѣнностью. Кроме того сохраненіе въ Сибиря своеобразнаго архаическаго земельного строя и вызывающей столько нареканій отказъ отъ закрѣпленія за кочевыми инородцами обширныхъ площадей ихъ землепользованія дали въ распоряженіе правительству большое количество цѣнныхъ земель, въ видѣ отрѣзковъ отъ надѣловъ старожиловъ и киргизскихъ земельныхъ излишковъ, въ лучшей полосѣ Сибиря, наиболѣе пригодной для переселенія крестьянъ съ малоземельнаго юга и запада Европейской Россіи.

По всему свое время. Быстро идущая впередъ жизнь, съ измѣненіемъ экономическихъ условій, поворотомъ во взглядахъ и развитіемъ новыхъ идей, ставить и новыя задачи законодательству и правительству. Начавшееся только съ изданіемъ законовъ 1896 и 1898 годовъ отдѣленіе крестьянской земли отъ казенной въ настоящее время быстро двигается впередъ: во владѣніе крестьянъ укрѣплены уже миллионы десятинъ въ Сибиря. Потребность въ землеустройствѣ старожиловъ растетъ и обострится. Она признается и законодательными учрежденіями, — на дѣло это ассиг-

Государственная и
крестьянская собствен-
ность.

Необходимость измѣ-
ненія земельной политики.

пуются все большія суммы. Наряду съ этимъ, ежегодно новые миллионы десятин отводятся подъ переселеніе.

Сохранять при этихъ новыхъ условияхъ за всеми землями, фактически переходящими въ частное владѣніе, убывающими уже навсегда изъ колонизаціоннаго сибирскаго государственнаго запаса, юридическое опредѣленіе ихъ какъ государственной собственности не имѣть никакого практическаго значенія.

(Самая мысль о сбереженіи за казной, исключительно для потребностей будущаго, такихъ запасовъ, какъ бы мертвыхъ богатствъ, на окраинахъ, при современной необходимости оживленія этихъ окраинъ, подвергается справедливой критикѣ. Въ общественномъ сознаніи крѣпнеть свойственная всемъ современнымъ культурнымъ странамъ увѣренность, что главное богатство и мощь государства не въ казнѣ и казенномъ имуществѣ, а въ богатомъ и крѣпкомъ населеніи. Наконецъ, проникающее въ послѣднее время во все слои крестьянства стремленіе къ единоличному хозяйству и къ освобожденію отъ тягостныхъ для земледѣлія общинныхъ порядковъ—все это выдвигаетъ на первый планъ необходимость рѣшительнаго поворота въ земельной политикѣ въ Сибири. Необходимо и въ Сибири столь же твердо, какъ въ Европейской Россіи, стать на путь созданія и укрѣпленія частной собственности.

Нужно теперь же покончить съ утратившимъ значеніе титуломъ государственной собственности для всѣхъ земель, отводимыхъ въ надѣлы старожиловъ и переселенцевъ, и принять всѣ требуемыя, въ порядкѣ законодательства, мѣры къ возможности распространена на все населеніе Азиатской Россіи узаконеній послѣдняго времени, направленныхъ къ устраненію вредныхъ сторонъ общино-земельныхъ порядковъ.

Въ этомъ направленіи правительствомъ уже работаетъ проектъ новаго закона о землеустройствѣ,

Новый законъ о сибирскомъ землеустройствѣ.

вносимый въ Государственную Думу въ нынѣшнюю сессію. Главныя основанія его: а) обращеніе всего сибирскаго крестьянскаго населенія, по мѣрѣ земельного устройства, въ собственниковъ отводимыхъ имъ земель и б) закрѣпленіе за каждымъ владѣльцемъ надѣльной земли, кто только этого пожелаетъ, опредѣленнаго и неизмѣннаго, вѣвъ всякой зависимости отъ усмотрѣнія общины, размѣра земельныхъ правъ (долевого участія) въ общемъ надѣлѣ.

Профѣрка основныхъ положеній этого закона на мѣстѣ, путемъ ознакомленія съ теперешнимъ характеромъ землепользованія старожиловъ и переселенцевъ и съ настроеніемъ и мыслями объ этомъ представителей самаго крестьянства, устранила въ насъ сомнѣнія въ правильности задуманнаго преобразованія и неотложности его осуществленія.

Но проектируемый законъ о сибирскомъ землеустройствѣ явится несомнѣнно лишь первымъ и необходимымъ шагомъ для распространенія на Азиатскую Россію новыхъ порядковъ крестьянскаго землеустройства.

По утвержденіи его откроется возможность примѣнить на всемъ обширномъ пространствѣ Сибири и порядокъ укрѣпленія за отдѣльными крестьянами ихъ участковъ на основаніи Указа 9 Ноября 1906 года (закона 14 Юня 1910 года) и разрабатываемаго въ настоящее время въ законодательныхъ учрежденіяхъ положенія о надѣльныхъ земляхъ.

Разумѣется, введеніе въ жизнь сибирскаго крестьянства новыхъ порядковъ потребуетъ, какъ и въ Европейской Россіи, продолжительнаго времени. Наиболее крупныя результаты и въ землеустройствѣ Европейской Россіи достигнуты путемъ добровольнаго размежеванія надѣловъ, т. е. тамъ, гдѣ потребность въ этомъ сознана самими обществами. Конечно, и въ Сибири правильное внутринадѣльное землеустройство, безъ насильственной и сѣтливой ломки хозяйственнаго уклада, можетъ явиться послѣдствіемъ лишь добровольнаго и сознательнаго перехода крестьянъ къ новымъ формамъ; большая здѣсь близость этихъ формъ къ существую-

чему порядку, чѣмъ въ Европейской Россіи, обезпечить и ускореніе этого процесса.

Дополнительная къ закону мѣропріятія.

Во всякомъ случаѣ, какъ со введеніемъ нового землеустроительнаго закона о крестьянской собственности, такъ и теперь уже, въ цѣляхъ подготовки успешнаго хода этого дѣла въ будущемъ, предъ правительствомъ открывается широкая возможность противодѣйствія развитію въ Сибири общинно-уравнительныхъ распорядковъ.

Мѣры этого характера мы считаемъ настоящими и, какъ самая существенныя, наставляемъ: 1) широкое правительственное содѣйствіе внутринадѣльному межеванію и выдѣлу отдѣльнымъ хозяевамъ отрубныхъ участковъ какъ въ переселенческихъ, такъ и въ старожиловыхъ обществахъ, 2) отводъ переселенческихъ участковъ, по возможности, съ распределеніемъ земли на отруба и 3) преимущественное предоставленіе переселенческихъ участковъ обществамъ, устанавливающимъ подворное участковое землепользованіе, съ укрѣпленіемъ неизмѣннаго долего участка каждаго крестьянина на отводимомъ надѣлѣ.

Мѣры эти потребуютъ несомнѣнно значительныхъ затратъ на увеличеніе состава межевыхъ партій въ Сибири, на суды крестьянскимъ обществамъ для приглашенія частныхъ землефрзовъ и на наблюденіе за ходомъ этого дѣла. При постоянномъ недостаткѣ людей со спеціальной подготовкой для этого встрѣтится, конечно, немало и техническихъ затрудненій въ быстромъ достиженіи цѣли. Тѣмъ не менѣе, личное знакомство наше съ положеніемъ вопроса на мѣстѣ, настроеніемъ и мыслями самихъ крестьянъ и общимъ мнѣніемъ стоащихъ у дѣла лицъ приводятъ насъ къ убѣжденію, что затраты на это дѣло вполне оправдываются настоятельной потребностью сибирской жизни. Предстоящіа затрудненія могутъ быть устранены во времени и могутъ развѣ лишь замедлить, но не оставить начавшіяся въ средѣ крестьянства въ Сибири, какъ и въ Европейской Россіи, процессъ выдѣ-

ленія и обособленія отъ общины отдѣльныхъ наиболее крѣпкихъ хозяйственныхъ единицъ.

Внутринадѣльное межеваніе.

Необходимость внутринадѣльнаго размежеванія старожиловъ или переселенческихъ обществъ во многихъ случаяхъ такъ очевидна, что прежде всего вызываетъ мысль о томъ, не должно ли всегда приурочивать это размежеваніе къ первоначальному отводу надѣла старожилному обществу или къ самому образованію переселенческаго участка. И только ближайшее изученіе прошлаго какъ сибирскаго землеустройства, такъ и переселенія выясняетъ глубокое различіе въ задачахъ первоначальнаго отдѣленія казенныхъ земель отъ крестьянскихъ и заселенія пустынныхъ пространствъ съ одной стороны и усовершенствованія порядковъ надѣльнаго землепользованія съ другой, и оправдываетъ существующую параллельность работы въ той и другой области.

Изданіе землеустроительныхъ законовъ 1896 и 1898 годовъ въ Сибири, на Алтаѣ и въ Забайкальѣ вызвано было необходимостью сформировать старожиловыя надѣлы и отдѣлить ихъ отъ казенныхъ земель, среди которыхъ, на пространствѣ десятковъ тысячъ десятин, вкраплены, въ самой невообразимой взаимной переполосницѣ различныхъ угодій, владѣнія крестьянъ разныхъ обществъ и волостей, основанныя на разныхъ правахъ, а вмѣстѣ съ ними и подлѣжанія сохраненію за казною оброчныя статьи и свободныя казенныя земли для переселенія и, наконецъ, казенныя цѣльныя и дѣсоохраннаго значенія дачи... Эту сложную задачу рѣшено было поставить въ первую очередь, совершенно отдѣливъ ее отъ всякой иной операціи, замедляющей такое первоначальное, по образу библейскаго раздѣленія «суши отъ воды», государственное межеваніе сибирскихъ земель, въ большинствѣ не подвергавшихся ранѣе никакому измѣренію и никакой сѣмкѣ на планъ. Дѣствующій законъ о землеустройствѣ сибирскихъ старожиловъ ограничивается, поэтому, опредѣленіемъ лишь границъ общинныхъ надѣловъ цѣльныхъ селеній, предоставляя

судьбу внутринадѣльного ихъ устройства будущему. Десятилѣтній опытъ примѣненія этого закона показываетъ, что и въ этой грубой формѣ межевой процессъ требуетъ большой затраты силъ, идетъ крайне медленно и, несмотря на значительное ускореніе его въ послѣдніе годы, не коснулся еще половины подлежащихъ дѣйствию закона земель. Изъ 38 милліоновъ десятинъ собственно казенныхъ земель—остается и теперь въ прежнихъ условіяхъ около 20 милліоновъ десятинъ, не считая Алтая, а также киргизской степи и обширныхъ дальневосточныхъ областей, на которыя дѣйствіе закона еще не распространено вовсе.

Невозможность приурочить внутринадѣльное межеваніе къ поземельному устройству.

Такимъ образомъ условія, вызвавшія ограниченіе землеустроительныхъ операцій въ Сибири отмежеваніемъ общихъ надѣловъ, далеко не устранены и по настоящее время; потребность же въ окончаніи этого дѣла обострилась до крайности: во многихъ мѣстностяхъ лишь этимъ путемъ можно добыть земли для переселенія, настоятельно требующаго ежегодно милліоновъ десятинъ новаго и новаго фонда, главнымъ образомъ, въ смежности съ полосами, уже заселенными старожилами.

При такомъ положеніи дѣла возможно рѣзко измѣнить нынѣшнія юридическія основанія надѣленія старожилаго населенія, всемірно упростить процессъ поземельнаго устройства—какъ дѣлается въ проектѣ новаго земельного закона въ Сибири, а затѣмъ озаботиться широкимъ развитіемъ самыхъ работъ посредствомъ усиленія межевыхъ партій и операціонныхъ кредитовъ, но говорить о соединеніи этой неотложной работы съ межеваніемъ на хутора и отруба не приходится. Это—песомыслию особое, не менѣе важное, конечно, но послѣдующее по времени дѣло. Перешагнуть къ нему, минуя необходимую предварительную, такъ сказать черновую, работу отдѣленія крестьянской земли отъ казенной, совершенно невозможно, какъ невозможно было бы, въ свое время, при освобожденіи крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ

землей, отложить отводъ имъ надѣловъ до размежеванія ихъ, согласно выработаннымъ теперь приемамъ правильнаго землеустройства, на отруба и хутора.

Забота о правильной постановкѣ внутринадѣльнаго межеванія въ Сибири, независимо отъ установленія прочныхъ внѣшнихъ границъ общественныхъ надѣловъ, будетъ ли это старожилое село или переселенческой участокъ, должна быть признана самостоятельной, но, конечно, бесспорной задачей правительства.

Въ этомъ направленіи для переселенческихъ поселковъ, какъ мы видѣли на мѣстахъ, была уже попытка кое-что сдѣлать, въ предѣлахъ ничтожныхъ средствъ, какими располагаетъ для сего переселенческая организация: небольшихъ кредитовъ на внутринадѣльное межеваніе и еще болѣе ограниченныхъ межевыхъ силъ, могущихъ быть оторванными для этого отъ прямыхъ обязанностей по отводу надѣловъ переселенцамъ и старожиламъ при общемъ первоначальномъ устройствѣ. На тотъ же предметъ для старожиловъ будетъ отпущена кредитъ въ 60.000 рублей по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ въ распоряженіе мѣстныхъ крестьянскихъ учреждений. Но это только начало дѣла, приступить къ нему. Въ дальѣйшемъ слѣдуетъ поставить внутринадѣльное межеваніе не только для переселенцевъ, но и для старожиловъ на болѣе прочныя и широкія основанія.

Почва для этого подготовлена въ Сибири самою жизнью.

Хотя до изданія закона о собственности на движущую землю и до распространенія на Сибирь закона 14 Іюня 1910 года нынѣшнее внутринадѣльное межеваніе имѣетъ слабыя юридическія обоснованія, но жизнь какъ бы не замѣчаетъ этого недостатка и творитъ новую форму единоличнаго владѣнія землей, согласно съ фактической обстановкой, не считаясь съ замедленіями въ законодательномъ ея оправданіи.

Благоприятныя условия для улучшения порядка землепользования в Сибири.

Подъ влияніемъ все того же переселения, за Ураломъ идетъ уже быстрый процессъ дробления сложныхъ формъ землевадѣнія: дѣлятся общины-волости на отдѣльныя села, общины-селенія—на выселки; дѣлятся подворно, дѣлятся и на хутора. Наибольше переполненная переселенцами Томская губернія представляетъ теперь, по докладу завѣдующаго райономъ, «картину всеобщихъ раздѣловъ»: дѣлятся переселенцы, занимающія частныя землемѣровъ при помощи казенныхъ «общепольныхъ» ссудъ; не меньше того дѣлятся и старожилы, уже всецѣло на собственныя средства.

Возникли и быстро множатся, эксплуатирующія эту живую потребность въ опредѣленности и крѣпости земельнаго владѣнія, частныя землемѣрныя товарищества: «землемѣрныя компаніи», «земельно-инженерныя товарищества» и т. п. Въ одной Томской губерніи такихъ компаній четыре, располагающихъ болѣе нежели сотней техниковъ. Въ числѣ этихъ техниковъ попадаются всякіе, и не внушающіе довѣрія, и неопытные, часто это бывшіе помощники казенныхъ землемѣровъ, иногда учащіяся—мы видѣли на такихъ работахъ студента Лѣсного Института. Но и многіе опытные топографы, изъ числа оставившихъ службу въ переселенческой организаціи или въ Алтайскомъ округѣ Кабинета, перешли на частныя внутринадѣльные работы: настолько это дѣло выгодно.

За точную статистику вольнаго сибирскаго землеустройства ручаться нельзя; многіе раздѣлы ускользаютъ отъ наблюденій. По докладу завѣдующаго Томскимъ райономъ, въ губерніи въ 1908 году внутринадѣльное межеваніе среди переселенцевъ производилось въ 21 сельскомъ обществѣ на площади 86¼ тысячь десятинъ, или 5¼ тысячь душевыхъ надѣловъ; въ томъ числѣ подворно дѣлилось 19 обществъ и на хутора—два. Въ слѣдующемъ 1909 году объемъ работъ сразу расширился втрое: внутринадѣльное межеваніе охватило 69 обществъ, почти 246 тысячь десятинъ, или около 16 тысячь надѣловъ; въ томъ числѣ

на хутора дѣлилось уже 12 обществъ (въ 6 разъ больше, чѣмъ въ 1908 году). Въ 1910 году о межеваніи вновь произошло 88 поселковъ, на площади въ 350 тысячь десятинъ.

По другимъ районамъ свѣдѣнія болѣе отрывочны, но, по докладу завѣдующаго Акиминскимъ райономъ, въ одномъ Омскомъ уѣздѣ въ текущемъ году внутринадѣльное межеваніе охватило 35 поселковъ, а во всей области—62 сельскихъ общества. Въ Красноярскомъ уѣздѣ, Енисейской губерніи, въ одной Шалинской волости дѣлятся на хутора и отруба 14 поселковъ; во всей губерніи къ настоящему времени закончено или заканчивается размежеваніе 25 поселковъ (63 тысячь десятинъ) и проситъ о межеваніи 43 поселка, на площади свыше 110 тысячь десятинъ.

Правительство не вызвало искусственно этого движенія—оно выросло само, у всѣхъ на глазахъ. Переселенческая организація, ставившая одной изъ своихъ задачъ двинуть это дѣло, оказалось, располагаетъ для этого недостаточными силами: ни казенныхъ землемѣровъ, ни денежныхъ ссудъ на наемъ частныхъ землемѣровъ не хватало. Не удалось сразу организовать и достаточный, повсемѣстный правительственный контроль за работами частныхъ землемѣровъ, нѣрѣдко недобросовѣстныхъ.

Оставлять это дѣло внѣ правительственнаго руководства далѣе—уже нельзя: самыя основанія «вольнаго землеустройства» иногда сомнительны, а въ отдѣльныхъ случаяхъ сводятся къ простому обмѣру угодіи разнаго качества. Главное же—силошь и рядомъ при такомъ землеустройствѣ закрѣпляются вредныя для будущаго правильнаго хозяйства привычки землепользованія, въ ролѣ отвода лучшихъ приусадебныхъ земель вокругъ всего селенія подъ общую «поскотину» (выгонъ). Нѣрѣдко «отрубные» участки—напримѣръ видѣнные нами въ Ново-Александровской волости, Томскаго подрайона,—оказываются состоящими у каждаго хозяина изъ нѣсколькихъ кусковъ, такъ какъ всякія земельныя угодія дѣлятся особо, «по разнымъ сортамъ» земли, какъ говорить на мѣстѣ, и т. п.

Содѣйствіе правитель-
ства внутринадѣльному
межеванію.

Поэтому, въ дальнѣйшемъ, покровительство вну-
тринадѣльному размежеванію должно состоять не
только въ томъ, чтобы готовить и посылать на работу
казенныхъ топографовъ и помогать переселенцамъ
деньгами для найма частныхъ землемеровъ. За рабо-
тами по внутринадѣльному размежеванію на земляхъ
какъ переселенцевъ, такъ и старожиловъ долженъ
быть повсемѣстно организованъ постоянный техниче-
скій надзоръ. Необходимо помогать есудами не только
переселенцамъ, но и старожиламъ. Вообще, дѣло сибир-
скаго землеустройства правительство должно крѣпче и
бесотлагательно взять въ свои руки.

Порядокъ отвода участ-
ковъ переселенцамъ.

Нѣсколько иначе стоитъ вопросъ объ отводѣ земли
подъ поселеніе отдѣльными отрубями и хуторами.
Отводъ участковъ переселенцамъ по закону произво-
дится «или въ общинное, или въ подворное пользова-
ніе». Избраніе того или другого порядка землева-
дѣнія зависитъ отъ самихъ переселенцевъ. При этомъ,
«отдѣльнымъ домохозяевамъ предоставляется требо-
вать выдѣленія причитающейся имъ части земли на
хutorскіе отрубы». Эти требованія удовлетворяются
въ тѣхъ случаяхъ, «когда это окажется возможнымъ
безъ ущерба для остальныхъ переселенцевъ, водворен-
ныхъ уже на участкѣ или для дальнѣйшаго заселенія»
участка. Общее установленіе подворнаго или хutor-
скаго устройства на всемъ участкѣ допускается «только
на заполненныхъ переселенческихъ участкахъ».

Кромѣ того законъ предвидитъ и образованіе само-
стоятельныхъ мелкихъ переселенческихъ участковъ
хutorскими отрубями, но «лишь въ томъ случаѣ, когда
площадь, пригодная для колонизаціи, по незначитель-
ности своей, не можетъ быть предназначена для водво-
ренія переселенцевъ селеніями».

Такимъ образомъ, дѣйствующій законъ какъ бы
проникнулъ мыслью, что въ Сибирь вопросъ о засе-
леніи земель важнѣе и неотложнѣе вопроса о выборѣ
формы землевадѣнія. Главное—поскорѣй заселить
пустующія земли, использовать ихъ возможно полнѣе.

Порядокъ владѣнія предоставляется уже на выборъ
самимъ переселенцамъ. Допускается и общинное, и
подворное, и хutorское владѣніе. Но для того, чтобы
первые пришельцы на участокъ не выхватили себѣ
изъ него лучшихъ кусковъ, въ дѣсахъ—открытыхъ
полянъ, въ степяхъ—водныхъ источниковъ, и тѣмъ
не обездѣлили и не обрекли на пуствованіе всей
остальной площади участка, въ законѣ введены
нѣкоторыя ограниченія для выдѣла подворныхъ надѣ-
ловъ.

Препятствій къ образованію отдѣльныхъ «хutor-
скихъ» участковъ въ законѣ нѣтъ, но заселеніе хуто-
рами, во многихъ мѣстностяхъ Сибири,—по безводію,
чрезмѣрно густой дѣсистости, отдаленности отъ челове-
ческаго жилья, по близкому сосѣдству дикихъ звѣрей
или пограничныхъ хищниковъ—едва ли возможно.
Что касается предположенія о томъ, чтобы при образова-
ніи участковъ наѣзались, одновременно съ усадьбами
для *поселки*, отрубныя владѣнія для каждаго буду-
щаго поселяннина, то способъ этотъ можетъ имѣть,
конечно, широкое примѣненіе. Однако немедленное при-
нятіе его, въ видѣ обязательнаго общаго правила, крайне
замедлило бы отводъ земель для переселенцевъ. И те-
перь удобныхъ для немедленной культуры участковъ
въ мѣстностяхъ, куда наиболѣе стремятся переселенцы,
наѣзается разъ въ десять менѣе, чѣмъ объ этомъ
просятъ учрежденія, организующія выходъ переселе-
нцевъ съ мѣстъ, и сами переселенцы.

Съ этой точки зрѣнія не слѣдуетъ идти на слиш-
комъ большое сокращеніе площади отводимыхъ подъ
поселеніе земель. Едва ли возможно также *неме-
дленно* усилить личный составъ и межевые кредиты
переселенческихъ партій до предѣловъ, при которыхъ
возможна разбивка всего отводимаго въ нынѣшнихъ
размѣрахъ переселенческаго запаса исключительно на
хутора и отруба.

Но каковы бы ни были временныя практическія
затрудненія, продолжать дѣло отвода участковъ въ
прежнемъ порядкѣ, не принявъ никакихъ мѣръ про-

тив развития здесь в будущем общинной неурядицы, было бы исторической ошибкой.

Упорядочение форм землевладения как у переселенцев, так и у старожилов является, помимо всего, необходимым условием какого-либо улучшения сельско-хозяйственной техники, и без него нельзя приступить к действительной агрономической помощи сибирскому населению, так сильно в ней нуждающемуся.

Поэтому, следует теперь же во всех случаях, где это представляется возможным по условиям сравнительной однородности хозяйственных условий образуемого участка, разбивать его—полностью или в главных частях будущего полевого хозяйства—на отруба и уже в этом виде предлагать к зачислению ходоков и к водворению переселенцев. При этом придется примириться с неизбежностью увеличения расходов на это дело, что во всяком случае предпочтительнее сокращения числа отводимых участков. В лучших районах для заселения на Алтае и в северных частях киргизской степи, где наиболее удобен переход к образованию хуторов и отрубов, и где одновременно с этим надо перейти к продажам земель переселенцам, также требующей межевания на отруба или хутора, там почти все затраты на это дело могут быть даже возвращены казны выручкой от продажи участков.

Намечая эту важную реформу порядка отвода участков, следует вместе с тем разобраться в лучших способах проведения ее в жизнь без какого-либо замедления.

Для подробного изучения этого вопроса и всех местных условий и особенностей, которые должны быть приняты во внимание в этом деле, а также в целях распространения в Сибири выработанных на опыте практических приемов правильного землеустройства, нами теперь же командированы за Уралъ для обследования вольного сибирского размежевания и обсуждения этого вопроса с

чинами местных крестьянских и переселенческих учреждений несколько выдающихся работников по землеустройству Европейской России, съ А. А. Кофодом во главе.

За ходом этого дела рѣшили мы слѣдить съ особымъ вниманіемъ. Предупредить въ Сибири укрѣпленіе безпорядочнаго земельного строя, минуя многія трудныя переживанія, испытанныя Европейскою Россіей, это праяма и неотложная задача правительства.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Хозяйство переселенцев на новыхъ мѣстахъ.

Достигается ли переселение своей цѣли: прочно ли устраиваются переселенцы, осѣвшие на новыхъ мѣстахъ?

Разнообразіе хозяйственныхъ условій переселенческихъ поселеній.

На этотъ основной вопросъ можетъ быть, конечно, столько же отдѣльныхъ отвѣтовъ, сколько въ Сибири поселковъ. Слѣшкомъ разнообразны условія, въ зависимости отъ которыхъ складывается хозяйственная судьба переселенца. На протяжении двухъ дней подрядъ мы видѣли убогіе, неурожайные поселки Павлодарскаго уѣзда Семипалатинской области и прочныя, цвѣтущія поселенія въ Кузундинской степи Алтайскаго округа, а черезъ три дня пути—опять бѣдныя таежныя деревни. Въ общемъ, въ Западной Сибири и Степномъ краѣ сборъ хлѣбныхъ и особенно травъ въ этомъ году невысокій, но неблагоприятное вліяніе низкаго урожая въ различныхъ мѣстностяхъ и даже въ предѣлахъ одного и того же уѣзда, въ разныхъ поселкахъ, сказывается далеко не съ одинаковою силой.

Лучше всего живется переселенцамъ на бывшихъ Кабинетскихъ земляхъ Алтая. Въ теченіе трехъ 1907—1909 годовъ почти половина (свыше 40%) всего

переселения шла на Алтай. Три миллиона десятин, заселенных и давших приют сотням тысяч душ пришлого крестьянского люда,—таковы численные итоги трехдлительного переселения на Кабинетские земли. Но одиѣ эти цифры не выражаютъ всего значенія переезда свободныхъ земель Алтайскаго округа для устройства переселенцевъ: нужно *быть* въ новыхъ поселкахъ на бывшей Кабинетской землѣ, чтобы убѣдиться въ достаткѣ переселенцевъ.

Неприписные переселенцы.

Даже самовольные неприписные переселенцы, не получившіе самостоятельнаго надѣла, нѣрѣдко предпочитаютъ жить здѣсь земледѣльческими заработками или арендой въ ожиданіи устройства, но не уходятъ въ другія мѣста или на родину.

Значительное число такихъ неустроенныхъ «самовольныхъ» переселенцевъ обычно ставится въ вину правительству; съ различныхъ сторонъ выдвигается требованіе поголовнаго ихъ устройства. Но прїѣздъ нашею въ Сибирь, насъ буквально осадилъ съ просьбами объ устройствѣ неприписныхъ; и сами они, и сибирская администрація, и многіе мѣстные люди. Безспорно, съ формальной точки зрѣнія наличность неприписныхъ (они же «временно-проживающіе», неустроенные, самовольные и пр.) составляетъ неправомерность и безпорядокъ; но съ экономической точки зрѣнія это явленіе понятное и неизбежное. При широкихъ надѣлахъ приписного населенія и при выгодности земледѣльческаго хозяйства нельзя избѣжать наплыва неприписныхъ. На сѣверномъ Кавказѣ на земляхъ Кубанскаго и Терскаго казачества скопилось болѣе миллиона неустроенныхъ «иногороднихъ», арендующихъ свободныя казачьи земли; но тамъ присутствіе этихъ неустроенныхъ не вызываетъ особыхъ сомнѣній, тогда какъ въ Сибири нѣрѣдко предъявляется требованіе обязательнаго надѣленія землей каждаго неприписного. Устроить неприписныхъ здѣсь же, на мѣстѣ, отнявъ часть земли у приписныхъ, конечно, нельзя безъ нарушенія основъ государственности и

права; устроить ихъ на другихъ земляхъ—значитъ достигнуть немногата, потому что на мѣсто устроенныхъ прилетѣть новая волна самовольныхъ, вплоть до полнаго экономического насыщенія людьми данной мѣстности. Съ 1 Января по 1 Юля текущаго года было водворено или ушло обратно 50 тысячъ мужскихъ душъ самовольныхъ переселенцевъ, но на ихъ мѣсто вновь явилось 49 тысячъ, и общій итогъ числа неустроенныхъ не измѣнился.

Разумѣется, многочисленность такихъ неустроенныхъ самовольныхъ все-же признакъ неправильностей въ постановкѣ переселенія: чрезмѣрно велики размѣры отводимыхъ надѣловъ, нѣтъ права собственности и права продажи излишнихъ земель новымъ пришельцамъ, нѣтъ правильной расцѣпки участковъ, и повсемѣстная даровая раздача земель, совершенно различныхъ по качеству, неизменно приводитъ къ скопленію переселенцевъ въ немногихъ излюбленныхъ мѣстностяхъ. Поэтому въ будущемъ необходимо дать возможность пролази земель нынѣшними ихъ владѣльцами, понизить нормы надѣловъ и, по возможности, смягчить (измѣненіемъ правилъ объ отводѣ участковъ и о осудкахъ) неравенство условій заселенія отдельныхъ районовъ. Только такія мѣры могутъ современемъ уменьшить число самовольныхъ, неприписныхъ, а отнюдь не поголовное устройство наличныхъ самовольныхъ на прежнихъ началахъ, и нѣцелесообразное, и неосуществимое. При настоящихъ условіяхъ многочисленность неприписныхъ неизбежна, и присутствіе ихъ въ томъ или другомъ поселкѣ—только признакъ высокаго качества земель и выгодности земледѣлія. При нашемъ объѣздѣ въ этомъ приходилось убѣждаться на каждомъ шагу: гдѣ есть самовольные, тамъ поселокъ навѣрное ждетъ хорошая хозяйственная будущность. Гдѣ нѣтъ ихъ, тамъ земли хуже, условія заселенія труднѣе.

Общій отвѣтъ для всей западной Сибири на вопросъ объ успѣшности переселенія, если отвѣдаться отъ особенностей отдельныхъ районовъ,—отвѣтъ положитель-

ный. У сибирских переселенцев даже «на глаз» больше земли, больше скота, больше хлеба, больше инвентаря, чем у средних крестьян Европейской России.

Статистические данные
о хозяйствах переселенцев.

Но личные впечатления, конечно, могут быть и случайными. Точный ответ, основанный на сравнении средних величин по отдельным районам, могут дать только цифры статистической переписи. Хотя сплошной переписи еще не подвергался ни один из переселенческих районов Сибири (в будущем году, согласно пожеланию Государственного Совета, намечено произвести первый опыт), по частичным обследованиям, охватывавшим по несколько тысяч переселенческих хозяйств, уже выяснилось. В Степном крае и четырех сибирских губерниях за последние 15 лет обследовано, в несколько приемов, в общей сложности 765 переселенческих поселков, с населением свыше 60 тысяч семей—около 400 тысяч душ. Это материал хотя и разрозненный и не вполне еще однородный, но все же достаточно широкий и дающий уже некоторую основу для выводов. Если извлечь из него подающиеся обобщению данные, то оказывается, что переселенцы устраиваются на новых местах, в общем, лучше, чем жилось им на родине. Об этом дают право судить следующие, например, признаки.

Увеличение скота и
инвентаря.

Скота у переселенцев больше, чем было на родине, в среднем, в полтора и в два раза: крупного скота на 45%, мелкого на 117%. Среднее переселенческое хозяйство имеет пять голов крупного и шесть голов мелкого скота. О таком достатке большинство их не смело и думать на местах выхода. Процент хозяйств, вовсе лишенных скота, в Сибири уменьшается почти наполовину: с 13% до 7%.

Мертвый сельскохозяйственный инвентарь также и богаче, и лучше в Сибири, чем был у тех же

хозяев на родине. Число хозяйств без собственного инвентаря было в Европейской России 30%, в Сибири—неполных 17%. Общее обезпечение инвентарем увеличивается на новых местах через несколько лет в 2 1/2 раза, а число дорогих, усовершенствованных сельскохозяйственных машин и орудий даже в 3 1/2 раза.

Посевы и урожай.

Расширяются и размеры посевов. Переселенческие хозяйства, считая в том числе самые молодые, еще не окрестившие, имеют от трех до тринадцати десятин пашвы на двор, в среднем по 7,3 десятины (в лесных районах около 4 десятины, в степных—около 9 десятины). Это приближается к средним размерам крестьянских посевов Европейской России (от 5 до 11 десятины на двор). Но если опросить тех переселенцев, которые теперь засевают в Сибири больше 7 десятины на хозяйство, сколько они имели пашвы на родине, то оказывается, что 25% из них вовсе не имели своей земли и 57%—имели менее 7 десятины. Аренда поместичьих земель позволяла им, правда, несколько расширить посевы, но всего на 2—3 десятины. Таким образом, среднее переселенческое хозяйство не имело у себя на родине не только вышних 7 десятины пашвы, но даже и 7 десятины всей земли.

Ясно определяется статистикой далее большая урожайность сибирских полей и преобладание среди посевов дорогого хлеба—пшеницы. Правда, по отдельным годам—в особенности в степи—замечаются большие колебания в урожайности, не дающие переселенческим хозяйствам полной устойчивости; и настоящей, и прошлой годы были неурожайными. Но в среднем, по данным за 10—15 лет, в руках переселенцев пашня дает в Западной Сибири, с десятины, по 60 пудов ржи, 62 пуда пшеницы и 75 пудов овса,—больше, чем у старожилов. Для губерний Европейской России средняя урожайность значительно ниже,

даже если не отделять крестьянских полей от помпшечных: 50 пудов—рожь, 40 пудов—пшеница, 47 пудов—овес.

Преобладание пшеницы
над другими хлебами.

Что касается преобладания в Сибири пшеницы над другими хлебами, то оно выражено очень ярко: у помпшечков Европейской России, не говоря уже о крестьянах, под пшеницей находится менее трети всего посева (31,7%), а у переселенцев западной Сибири—почти половина. В Степном же крае, по свидетельству Генерал-Губернатора, пшеница занимает до 70% посевной площади.

Если связать эти данные о размерах посевов, об урожайности разных хлебов и о местных ценах, то окажется, по подсчетам статистиков, что средняя валовая доходность одной десятины переселенческой пашни в Сибири достигает 50 рублей, тогда как та же доходность крестьянской надельной площади в Европейской России исчисляется в 30 рублей 55 копеек.

Было бы неосторожно, конечно, придавать всему этим статистическим выкладкам преувеличенное значение. Но все-таки совокупность их, подкрепляя непосредственные впечатления, свидетельствует, что в среднем, в большинстве случаев, переселенцам стоило перебраться в Сибирь: они находят там то, чего не имели на родине.

Бюджеты переселенцев.

Кромѣ подворных переписей, в подтверждение того же вывода можно сослаться еще на так называемые бюджетныя обследования, при которых подробно, до мелочей, описывалось хозяйство отдельных, взятых на выбор, типичных семей. Таких бюджетов собрано в 1904 году около сотни, причем хозяйства брались в разных мѣстах Сибири и на различных ступенях их развитія. Этими бюджетами также выяснено, что силы переселенческаго хозяйства съ годами растутъ,—въ степи быстрее, въ лѣсахъ медленнѣе, но все же прочно; увеличивается

полнота удовлетворенія личныхъ и хозяйственныхъ нуждъ, и безхозяйный вначалѣ переселенческій дворъ понемногу приобретаетъ устойчивость. Размеры посева и распахки увеличиваются въ нѣсколько разъ, пополняется хозяйственный инвентарь, возрастаетъ число и цѣнность построекъ, общая стоимость имущества. Растутъ поступления отъ отдельныхъ отраслей своего хозяйства и все рѣже приходится прибѣгать къ стороннимъ заработкамъ.

Въ среднемъ, доходъ переселенческой семьи, по бюджетнымъ даннымъ, складается такъ: земля даетъ 57%, скоть 18%, промыслы 15%, прочихъ поступлений 10%. Если взять только окрѣпшія переселенческія хозяйства, прожившія на новыхъ мѣстахъ 8—10 лѣтъ, то преобладание доходовъ отъ сельскаго хозяйства еще замѣтнѣе: земля даетъ 60%, скоть—20%.

Промыслы развиты слабо: весь доходъ—рублей 50 въ годъ на семью. На двѣ трети промыслы эти состоятъ въ извозѣ; остальное приходится на грубые кустарные промыслы: подѣлки изъ дерева—въ лѣсныхъ районахъ, и кожъ—въ степи, главнымъ образомъ, для нуждъ собственнаго хозяйства. Только 6% дохода отъ промысловъ (три рубля въ годъ) даютъ отхожіе промыслы.

Все это говоритъ о натуральномъ складѣ сибирскаго переселенческаго хозяйства. Въ полосы, непосредственно прилегающей къ желѣзной дорогѣ, почти все вырабатывается и потребляется дома. Деньгъ зарабатывается мало. На сторону продается всего около 1/3 (18%) добытыхъ продуктовъ. Но общій оборотъ хозяйства даетъ все-же плюсъ, а не минусъ; в среднемъ, зажиточность переселенческаго двора ежегодно возрастаетъ на 15 рублей, а въ окрѣпшихъ хозяйствахъ даже на 30 рублей. Однако, и накопление избытковъ идетъ преимущественно натурой. Начинать лучше питаться (до 40% животной пищи); вообще, больше тратятъ на себя, чѣмъ средніе крестьяне Европейской России, и значительно больше того, что они сами могли тратить

Натуральный складъ
Сибирскаго хозяйства.

на родинѣ. Средній расходъ на душу (деньгами и продуктами) составляетъ въ переселенческомъ бюджетѣ 66 рублей, а въ окрѣпшихъ хозяйствахъ даже 73 рубля на душу, тогда какъ земскія обсадованія въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ исчисляють средній расходъ въ крестьянской семьѣ на душу всего въ 55—58 рублей.

Всѣ эти цифровыя выкладки легче всего проверяются простымъ дальнѣйшимъ вопросомъ: многие ли изъ переселенцевъ уходятъ изъ Сибири обратно?

Размеры и причины
обратнаго переселенія.

Точные итоги переселенческаго движенія за 15 лѣтъ, съ 1896 года по 1909 годъ включительно, теперь подсчитаны: прошло въ Сибирь въ прямомъ направленіи за эти годы около трехъ милліоновъ семейныхъ переселенцевъ (2.841.602 души), назадъ вернулось за то же время 300 тысячъ (301.046). Это составляетъ 10,6%. Почти 90%, слѣдовательно, осталось въ Сибири.

Въ любомъ дѣлѣ, въ любой отрасли предпріятій, въ любой области вообще человѣческой жизни, всегда наберется 10% неудачниковъ,—если даже къ неудачнымъ причислять всѣхъ безъ исключенія обратныхъ, не вдаваясь въ разборъ индивидуальныхъ причинъ ихъ возвращенія. Конечно, триста тысячъ обратныхъ, хотя бы и за 15-лѣтній періодъ, это уже большое и тяжелое явленіе въ русской жизни, черная тѣнь переселенія. Но изъ-за этихъ трехсотъ тысячъ нельзя забывать, какъ это иногда дѣлають, о двухъ съ половиною милліонахъ устроенныхъ переселенцевъ.

Кромѣ того, необходимо разобраться въ характеръ обратнаго движенія. Изъ числа обратныхъ подавляющее большинство только побывало въ Сибири, но никогда не обзаводилось тамъ своимъ хозяйствомъ. Почти $\frac{1}{2}$ всѣхъ обратныхъ (67% обратныхъ *семей* и 60%, считая *на души* обоюго пола) относится къ числу такъ называемыхъ самовольныхъ переселенцевъ, похвѣвшихъ въ Сибирь съ семьями «на авось», не заручившись предварительно землей. Земля для нихъ тамъ не оказалась, и, натерѣвшись бѣдъ, они вынуждены

были вернуться. Разумѣется эта неудача—плодъ не только неосмотрительности самихъ самовольныхъ, но и неправильностей въ постановкѣ переселенческаго дѣла. Но такое обратное движеніе самовольныхъ все-таки не есть обратное *переселеніе* лицъ, уже устроившихся было въ Сибири, сѣвшихъ тамъ на землю и потомъ разорившихся. Это обстоятельство имѣетъ существенную важность. Оно показываетъ, что условія Сибири въ общемъ вполне благоприятствуютъ переселенію, и, слѣдовательно, для уменьшенія числа обратныхъ необходимо измѣнить и улучшить условія отвода переселенческихъ участковъ; а это сдѣлать, конечно, легче, чѣмъ если бы дѣло касалось измѣненія самыхъ условій сибирскаго переселенческаго хозяйства. Далѣе, по даннымъ статистики—изъ числа тѣхъ обратныхъ переселенцевъ, которые шли въ Сибирь на готовую землю, 60% возвращалось изъ-за Урала обычно *въ то же же году*. Они только заглянули въ Сибирь и, не устраиваясь тамъ, «оробѣли», испугались суровости непривычныхъ условій и ушли назадъ безъ боя съ сибирской природой, хотя при нѣкоторомъ напряженіи силъ, можетъ быть, и сумѣли бы ее одолѣть, какъ одолѣли другіе. Такимъ образомъ, лишь незначительная часть обратныхъ, дѣйствительно, *переселяется* обратно, испытывая условія сибирскаго водворенія и хозяйства. Между тѣмъ, обратными *переселенцами*, въ тѣсномъ смыслѣ слова, можно считать только тѣхъ, которые были уже въ старожилахъ обществахъ, или въ переселенческихъ обществахъ, или въ переселенческихъ поселкахъ и, безплодно побившись надъ землей, оставили мѣста водворенія. Такихъ обратныхъ насчитывается, по даннымъ статистики водворенія въ сибирскихъ районахъ, не 10%, а всего 3,8%. Выводъ этотъ совпадаетъ и съ личными нашими наблюденіями. На линіи Сибирской дороги и на переселенческихъ пунктахъ по движенію всюду слышались рѣчи о томъ, что регистрація даетъ въ этомъ году очень много обратныхъ; но при объѣздѣ поселковъ,—даже въ неурожайныхъ мѣстностяхъ, гдѣ мы видѣли понуряя головы и слышали

невеселыя рѣчи, охотниковъ ѣхать домой почти не находилось, несмотря на предлагавшіеся въѣмъ даровой обратный проѣздъ, и лишь иногда выражалось желаніе попытать счастья въ другихъ переселенческихъ районахъ.

По даннымъ переселенческой статистики, половина обратныхъ не возвращается въ Европейскую Россію, а перебирается въ предѣлахъ Сибири на другія, лучшія и болѣе легкія мѣста, прослышавъ о тамошнемъ привольномъ житѣ. Такъ, напримѣръ, въ 1909 году изъ 16% тысячъ переселенцевъ, оставившихъ мѣста водворенія, 7.828 душъ двинулось обратно на родину и 8.754 души—въ другія мѣста Сибири. Особенно великъ былъ за послѣднее время наплывъ такихъ переселенцевъ, со всѣхъ концовъ Сибири, въ благодатное Семирѣчье. Это—продолжающаяся разбродъ народныхъ силъ, все еще неуспокоенное броженіе и перемѣненіе ихъ. Таково естественное послѣдствіе переселенческой психологии и разъ совершившейся перемѣны всѣхъ привычныхъ условий. Но бродяжничество это искусственно поддерживается еще однообразіемъ пріемовъ переселенческой политики и почти одинаковымъ размѣромъ земельныхъ надѣловъ и льготъ во всѣхъ районахъ Сибири, крайне разнообразныхъ по своимъ сельскохозяйственнымъ условіямъ, трудныхъ и легкихъ. На одномъ изъ самыхъ лучшихъ переселенческихъ участковъ Томской губерніи, богатомъ и водой и черноземомъ, и лѣсомъ, близкомъ къ желѣзной дорогѣ, отъ одного изъ переселенцевъ мы слышали: «естъ вѣдь и еще лучше участки». Эти, со вздохомъ вырвавшіяся, слова очень характерны и показываютъ, чѣмъ иногда питается переселенческое бродяжничество. Въ Акмолинской области отмѣчены факты ухода дальше на югъ или на востокъ переселенцевъ, настолько разбогатѣвшихъ, преимущественно скотоводовъ, что для нихъ уже становится тѣсно на прежнихъ надѣлахъ.

Такимъ образомъ, не всегда оставленіе мѣстъ первоначальнаго водворенія есть признакъ хозяйственнаго крушенія переселенца. Что же касается обратнаго дви-

женія переселенцевъ, не устроившихся въ Сибири,—то оно ни по своимъ размѣрамъ, ни по своему внутреннему значенію не колеблеть вывода о ростѣ благосостоянія переселенцевъ, устроившихся на новыхъ мѣстахъ. «Не добились земли»—такова главная причина возвращенія; за ней уже идутъ двѣ другія: «оробѣли» или же дѣйствительно потерпѣли неудачу въ переселеніи. Во всякомъ случаѣ судьба такихъ неудачниковъ не должна заслонять общаго явленія: сравнительной успѣшности устройства въ Сибири главной массы переселенцевъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Значеніе переселенія въ народномъ хозяйствѣ.

Для того, чтобы оцѣнить все значеніе переселенія для Россіи, необходимо остановиться на вопросѣ, не связано ли благосостояніе переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ съ разстройствомъ хозяйства старожиловъ въ Сибири или съ какой-либо убылью производительныхъ силъ тѣхъ мѣстностей, откуда идетъ переселеніе.

Что касается Европейской Россіи, то для нея переселеніе далеко не имѣетъ того значенія, какое оно имѣетъ въ Сибири. Въ общемъ, выселеніе не достигаетъ и половины ежегоднаго естественнаго прироста. Только по отдѣльнымъ губерніямъ, уѣздамъ и волостямъ выселеніе иногда поглощаетъ приростъ или превосходитъ его, такъ какъ естественный приростъ совершается болѣе или менѣе равномерно по всей Россіи, а переселеніе охватываетъ преимущественно югъ, западъ и черноземный центръ Россіи. Но въ этихъ мѣстностяхъ, гдѣ площадь распаханной земли достигаетъ иногда 9% общей поверхности, гдѣ распахиваются дуга и гдѣ все-таки ростъ населенія оне-

Значеніе переселенія
для Европейской Россіи.

режает на 30—40% рост полевой площади, избыток земледельческого населения начинает уже казаться тесным. Теоретически, разумеется, часть рабочих рук должна быть поглощена ростом промышленности; землеустроительная и агрономическая миссия должна повысить производительность крестьянского труда и дать возможность прокормиться на той же площади большему числу людей; но все же и естественно происходящий отлив части земледельческого населения в Сибирь составляет для многих губерний в настоящее время желательное явление.

Расширение землепользования крестьян, оставшихся на родине.

Уходящие в Сибирь переселенцы освобождают на местах выхода не мало земли; за последние 4 года, по самым осторожным подсчетам, они оставили своим односельчанам до 1½ миллиона десятин, из них около 1 миллиона десятин в черноземной и степной полосе. В одном 1909 году переселенцы освободили в Екатеринбургской губернии 30 тысяч десятин надельной земли, в Курской губернии — 25 тысяч десятин и т. д. Это немногим уступает количественным итогам деятельности Крестьянского Банка по распродаж земель крестьянам.

Кроме того, почти все ушедшие в Сибирь крестьяне (80% из них) арендовали на родине помещичьи земли; эти земли, с их уходом, также освободились для других арендаторов. Словом, под влиянием переселения, площадь крестьянского землевладения и возможной аренды несколько возрастает. Если вызываемая этим задержка в росте арендных цен и повышение цен на рабочие руки были бы неслучайными и невыгодными для частных владельцев, то они в большей мере были бы благоприятны для восстановления равновесия в хозяйстве крестьян. Кроме того, увеличение, вследствие выезда, надельных оставшихся на родине крестьян укрепило их хозяйство и облегчило, по свидетельству местных землеустроительных комиссий, разверстание на хутора и отруба во многих селениях.

Однако, отбывая эти косвенные последствия переселения, нельзя в то же время не подчеркнуть, что все это—последствия второстепенные, и преувеличивать их значения не следует. Как ни заманчива мысль воспользоваться переселением для разрешения земельных вопросов в Европейской России, но от этой мечты необходимо отказаться. Переселение получило бы крупное влияние на экономическую жизнь Европейской России только при доведении его размахов до нескольких миллионов людей в год, на чем иногда и настаивают. Но такое чрезмерное ослабление плотности русского населения в западной полосе Европейской России, откуда идет главное выделение, едва ли желательно и экономически, и политически.

Долго изучавший сибирское переселение, немецкий профессор Аугагенз заканчивает в своей книге главу о будущем Сибири замечанием о том, что для Германии гораздо важнее не будущая роль Сибири на мировом рынке, а влияние русского переселения на аграрные отношения и разрешение населения в Европейской России. Развивая далее эту мысль, можно сказать, что если кому-нибудь выгоден массовый уход русского населения из Европейской России в Азиатскую, то, конечно,—себе. «Лицом повернувшись в Обдору», Россия как бы очистит западные позиции для немецкого натиска, и чрезмерное выделение образует здесь многочисленную пору и скважины, которая быстро заполняется иностранными колонистами.

В тех пределах, в каких происходит естественный процесс выезда из западной России, пока идет нормальный «отлив»,—он только желателен. Но начать искусственный процесс выкачивания русских людей из Европейской России было бы ошибкой. Те слабые нозы нашего народа, которые могли бы, пожалуй, искусственно быть увлечены на окраину, не сумели бы ее колонизовать и, в большинстве случаев, вернулись бы обратно на

Ограниченность значения переселения для места выхода переселенцев.

родину, усилив общее объединѣніе. Все полезное результаты переселения, какъ для Азіатской Россіи, такъ и для Европейской, зависятъ исключительно отъ успешности устройства переселенцевъ по ту сторону Урала. А тамъ приходъ переселенцевъ и въ низшихъ его разрядахъ даетъ уже крупное процентное увеличеніе населенія. Въ Амурской области въ 1893 году осѣлое крестьянское населеніе составляло всего 28% тысячъ душъ или 5% общего населенія области, а къ настоящему времени оно составляетъ, благодаря переселенію, уже 543% тысячи или 45%. Въ Томской губерніи за три—четыре послѣдніе года велѣлось около 1/2 милліона крестьянъ. Такой быстрый и крутой подъемъ населенія въ Сибири заставляетъ остерегаться какихъ-либо мѣръ, направленныхъ къ искусственному увеличенію переселенія. Если мѣстами большій приливъ переселенцевъ и желателенъ, то лишь для районовъ, слабо привлекающихъ теперь переселенцевъ; и въ этомъ отношеніи, стало быть, переселенческая политика должна слѣдовать указаніямъ, даваемымъ общими государственными интересами.

Значеніе переселенія
для Сибири.

Для губерній выхода переселенцевъ переселеніе далеко не имѣетъ того значенія, какое оно имѣетъ въ Сибири. Тамъ переселенцы все. Они приносятъ туда жизнь и, поднимая цѣлину, вовлекаютъ въ сельскохозяйственный оборотъ милліоны втунежежавшихъ десятинъ. При 4 милліонахъ десятинъ переселенческой пашни и при валовой доходности десятинны въ 50 рублей—это составляетъ увеличеніе народнаго богатства на 200 милліоновъ рублей въ годъ.

На примѣръ посѣщенной нами Кузундинской степи Томской губерніи такъ ясно это оживляющее значеніе переселенія.

Примѣръ
Степной степи.

Кузундинская степь, составляющая крайнюю западную часть Барнаульскаго уѣзда и охватывающая 913 тысячъ десятинъ, приносила Кабинету всего 3 тысячи рублей въ годъ дохода: она арендо-

валась киргизами, которые передавали отъ себя часть земли мѣщанамъ города Павлодара. Къ 1907 году такихъ киргизъ-арендаторовъ насчитывалось въ Кузундинской степи 1.089 кибитокъ; для обезпеченія ихъ переселенческая организація оставила 167 тысячъ десятинъ (свыше 150 десятинъ на кибитку), а 746 тысячъ десятинъ обратила въ переселенческие участки. Несмотря на второразрядныя, по качеству, почвы (паштеновые суглики и суглинки) и недостатокъ наружныхъ водъ (ни одной рѣчки и рѣдкія прѣсныя озера), степь стала быстро заселяться. Въ два года здѣсь образовалось около 200 поселковъ и водворилось 55 тысячъ душъ крестьянъ (малороссы и частью нѣмцевъ-мелопитовъ); возникъ при скрещеніи колесныхъ путей, близъ прѣсноводнаго озера Сѣваци, свой торговый центръ—село Славгородъ. Еще годъ тому назадъ на мѣстѣ этого города въ пустынь находилась одна жалкая землянка. А теперь въ Славгородѣ имѣется уже церковь, волостное правленіе, двѣ мельницы съ механическими двигателями, установлены базары и ярмарки, открытъ складъ сельско-хозяйственныхъ орудій, складъ дѣловыхъ матеріаловъ, кирпичный заводъ, больница, аптека, зданіе для медицинскаго персонала; намѣчены въ открытію двѣ школы: церковно-приходская—женская и двухклассная Министерства Народнаго Просвѣщенія—мужская; отведено мѣсто для опытнаго поля.

Существованіе этого центра уже сказывается на экономической жизни Кузундинской степи: въ Славгородъ стекаются съ разныхъ участковъ переселенцы, сюда прѣзжаютъ съ товарами изъ села Ключей, села Камня, города Павлодара и другихъ мѣстъ. Въ среднѣ года текущаго года въ Славгородѣ насчитывалось болѣе 150 семействъ торгово-промышленнаго класса (торговцы, ремесленники, мастера), пожелавшихъ окончательно здѣсь поселиться: для нихъ разбиваются городскія усадьбыныя мѣста и т. д.

Въ мертвой прежде пустынь начинаеть биться пульсъ русской жизни. Мы проѣхали по 14 поселкамъ

Кулундинской степи, и всюду чувствовалось хозяйственное пробуждение. Иные поселки совершенно уже окривли: въ поселкѣ Архангельскомъ (187 дворовъ) переселенцы имѣли уже около 1.000 головъ своего скота, преимущественно крупнаго; въ поселкѣ Крестахъ— свыше 600 головъ и т. д. Степь покрылась колотнами: около сотни ихъ въ посѣщенныхъ нами поселкахъ было вырото самими переселенцами. Эта зарождающаяся жизнь производила глубокое впечатлѣніе: воочию можно было убѣдиться, какое увеличеніе народнаго богатства даетъ удачное переселеніе.

Въ противовѣсъ указаніямъ на ростъ благосостоянія переселенцевъ ссылаются иногда на оскуднѣніе кореннаго населенія Сибири: инородцевъ и русскихъ сибиряковъ-старожилловъ.

Конечно, прежній земельный просторъ для сибиряковъ сокращается: они, по ихъ собственному выраженію, видятъ «край земли». Безграницныя перспективы исчезаютъ изъ ихъ обихода. Но такъ ли неизбеженъ міровой законъ. Онъ несетъ Сибири не обнищаніе, а только новыя формы быта—болѣе трудныя, но, въ конечномъ итогѣ, и болѣе выгодныя. Благодаря стихійному напору переселенцевъ, мѣстами вдвое превышающихъ, по численности своей, основное сибирское населеніе, переходъ этотъ совершается, быть можетъ, круто, но въ немъ нѣтъ ничего болѣзненнаго, и результаты его сдѣдуетъ признать положительными.

Русское старожилное населеніе Сибири теряетъ при землеустройствѣ, въ видѣ «отрѣзковъ», обрацаемыхъ подъ переселеніе, около четверти земель, на которыя ранѣе оно привыкло смотрѣть, какъ на свои владѣнія. Но и той земли, которая остается, 40—50 десятинъ на дворъ, съ избыткомъ достаточно для существованія. Въ обработкѣ находится у старожиловъ не болѣе $\frac{1}{3}$, во всякомъ случаѣ менѣе $\frac{1}{4}$ этой площади. Кромѣ того, въ первые годы, пока хозяйство старожиловъ не приспособилось еще къ сокращенію земельной площади, старожилы выигрываютъ на томъ, что для нихъ является возможность сбывать новоселамъ, въ первое

время вселенія, избытки скота и хлѣба. Общая производительность старожиловскихъ районовъ Сибири, во всякомъ случаѣ, отъ перехода части земель къ переселенцамъ повышается: и площадь посѣва, и урожайность земли у переселенцевъ больше, чѣмъ у старожиловъ, приблизительно на 20—30%.

А такъ какъ, по имѣющимся статистическимъ даннымъ, старожилное населеніе Сибири, жалующееся на свое обѣднѣніе, все же значительно богаче крестьянства Европейской Россіи, то есть всѣ основанія думать, что оно успѣшно выдержитъ происходящій неизбежный переломъ въ его хозяйственной жизни.

Единственное темное пятно въ этомъ завоеваніи переселенцами старожиловскихъ районовъ Сибири—это примѣненіе на сократившейся площади хозяйства прежнихъ безличныхъ и личническихъ пріемовъ обработки земли. Съ увеличеніемъ населенія, земля отдыхаетъ рѣже и меньше, залежная система смѣняется залежно-паровой, и въ недалекомъ будущемъ, если не будутъ приняты и усвоены населеніемъ улучшенныя способы полеводства, надъ сибирскими пашнями появится призракъ истощенія. Поэтому агрономическая помощь должна быть ближайшимъ спутникомъ происходящаго теперь въ Сибири поземельнаго устройства старожиловъ, связаннаго съ ограниченіемъ ихъ землепользованія. Помочь сибирской деревнѣ усвоить лучшую технику хозяйства особенно важно теперь, когда эта деревня еще зажиточна. Самое поземельное устройство въ Сибири должно быть ускорено и поставлено на твердую почву отвода надѣловъ въ собственность. Изъ 33½ миллионвъ десятинъ земли, находящейся въ пользованіи старожиловъ, окончательно ограничено имъ въ безсрочное пользованіе, за 10 лѣтъ работы землеустроительныхъ партій, всего 6 миллионвъ десятинъ, изъ нихъ 1½ милліона въ прошломъ году. Энергичнѣе двинуть впередъ сибирское поземельное устройство можно только при помощи законодательнаго измѣненія сложныхъ дѣйствующихъ порядковъ землеустройства. Это и является одною изъ

Вліяніе переселенія на хозяйство старожиловъ Сибири.

задачу проекта новаго землеустроительнаго закона для Сибири, прошедшаго уже черезъ Советъ Министровъ. Другою, еще болѣе важною, задачею этого проекта является заміна отвода земель въ пользование старожиловъ—отводомъ надѣловъ въ *собственность*, съ правомъ выдѣла и продажи надѣльныхъ земель. Только при такомъ условіи можно обезпечить и надежное улучшение хозяйства старожиловъ, и переходъ неулучшенныхъ имъ земельныхъ излишковъ въ руки переселенцевъ.

Указъ 9 Ноября 1906 г. (нынѣ законъ 14 Юня 1910 года) долженъ быть распространенъ на Сибирь одновременно со введеніемъ тамъ, по новому поземельно-устроительному закону, крестьянской собственности. Онъ дастъ твердую опору сильнымъ элементамъ сибирскаго крестьянства—старога тина заимочниковъ—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, облегчитъ приобретение земель по единоличнымъ сдѣлкамъ переселенцами отъ старожиловъ. До сихъ поръ вліяніе Указа 9 Ноября на переселеніе сказывалось только въ Европейской Россіи—облегченіемъ условій распродажи прежнихъ надѣловъ и увеличеніемъ, благодаря этому, состоятельности переселенцевъ; въ будущемъ тотъ же законъ поможетъ имъ и въ Сибири твердо стать на ноги—сразу купить землю въ личную собственность или впоследствии выдѣлиться изъ поселка.

Вліяніе переселенія на
хозяйство киргизъ.

Что касается инородцевъ Сибири, въ частности киргизъ, то переселеніе и ихъ тѣснить, но не обездоливаетъ. Теряя миллионы десятинъ, они вознаграждаются тѣмъ, что остающаяся у нихъ земля впервые получаетъ рыночную цѣнность; въ степи являются цѣны на покосы, на пашни, на хлѣбъ, на скотъ. Посѣщенная нами Акмолинская область была дважды подробно обследована, въ 1898 и 1908 годахъ, и установлено, что вліяніе русскаго переселенія сказалось за эти 10 лѣтъ значительнымъ *увеличеніемъ* благосостоянія киргизскихъ хозяйствъ. Число бѣдныхъ хозяйствъ уменьшилось почти въ 1½ раза; процентъ ихъ

по отношенію къ общему числу хозяйствъ понизился въ Петропавловскомъ уѣздѣ съ 83% до 51%; въ Кочетавскомъ—съ 75% до 49%, въ Омскомъ—съ 67% до 55%. Соответственно увеличилось число хозяйствъ обезпеченныхъ. Вдвое увеличилась площадь собственныхъ киргизскихъ распахекъ; число съющихъ хозяевъ въ названныхъ трехъ уѣздахъ, наиболѣе заселенныхъ, увеличилось съ 5½ тысячи до 11 тысячъ, а площадь засѣянныхъ десятинъ съ 11 до 25 тысячъ. Особенно быстрый подъемъ киргизскаго земледѣія замѣченъ въ Омскомъ уѣздѣ, гдѣ киргизскія запашки удесатерились. По отдѣльнымъ волостямъ процентъ съющихъ хозяевъ уже теперь достигаетъ 95—100%. Наряду съ этимъ увеличивается, благодаря высокимъ цѣнамъ, и киргизское скотоводство; число головъ лошадей и рогатаго скота увеличилось въ Петропавловскомъ уѣздѣ болѣе, нежели вдвое (на 120%), въ Омскомъ и Кочетавскомъ—болѣе, чѣмъ въ 1½ раза (на 52% и 68%). Въ Атбасарскомъ уѣздѣ крупнаго рогатаго скота пришло 80%.

Такія же данныя получены повторными обследованиями прошлаго года для Кустанайскаго уѣзда Тургайской области: за 10 лѣтъ средняя площадь посѣва на хозяйство увеличилась съ 3 до 7 десятинъ; число головъ скота увеличилось на цѣлую треть, а число хозяйствъ, занимающихся различными промыслами, возросло съ 20% до 49%.

Общимъ для всѣхъ степныхъ областей и яснымъ признакомъ роста благосостоянія киргизъ является высокій въ настоящее время процентъ ежегоднаго прироста киргизскаго населенія—2,3%, тогда какъ по всей Россіи онъ ниже 2%. Уменьшается у киргизъ и дѣтская смертность: за послѣдніе 12 лѣтъ на 25% поднялось выживаніе дѣтей до трехлѣтнаго возраста.

Переходъ части киргизскихъ земель въ руки переселенцевъ не разоряетъ киргизскихъ хозяйствъ. Имъ оставляется земель столько, сколько имѣютъ помѣщичьи средней руки въ черноземныхъ русскіихъ губерніяхъ. По самымъ пониженнымъ и нигдѣ еще не примѣнявшимся нормамъ, выработаннымъ въ прошломъ году,

киргизамъ оставляется: въ Петропавловскомъ уѣздѣ—отъ 74 до 323 десятины на кибитку, въ Акмолинскомъ—отъ 85 до 286 десятины на кибитку, въ Кокчетавскомъ—отъ 72 до 328 десятины, въ Атбасарскомъ—отъ 55 до 358 десятины и Омскомъ—отъ 77 до 204 десятины на кибитку. Примѣвшаіся до сихъ поръ нормы много шире.

Цѣны на скотъ поднялись въ Степномъ краѣ за послѣдніе 5 лѣтъ на 50%. О томъ, какъ быстро повышается цѣнность земель, можно судить по тому, напримѣръ, что еще 3—4 года тому назадъ переселенцы арендовали земли у киргизъ, въ первый годъ аренды—даромъ (въ виду трудности поднятія цѣлны); во второй годъ—по 25—30 копѣекъ съ десятины, въ третій годъ—отъ 75 копѣекъ до 1 рубля. Теперь же въ Омскомъ и Петропавловскомъ уѣздахъ киргизы берутъ съ переселенцевъ въ первый же годъ аренды отъ 1½ до 3 рублей съ десятины. За продажными цѣнами въ киргизской степи услѣдить трудно, такъ какъ по закону здѣсь и не можетъ совершаться продажъ земли между частными лицами. Но тѣ земли, которыя по закону могутъ быть продаваемы, напримѣръ, офицерскіе участки въ предѣлахъ десятиверстной полосы Сибирскаго казачьяго войска, продавались еще три года тому назадъ близъ линіи желѣзной дороги отъ 40 до 60 рублей за десятину, а теперь продаются уже по 80 и по 100 рублей. Въ той же десятиверстной полосѣ—по Иртышу, въ Семипалатинскомъ и Павлодарскомъ уѣздахъ—цѣны на офицерскіе участки поднялись за три года съ 25—50 рублей за десятину до 40—70 рублей. Соответственно растутъ цѣны и на киргизскія земли.

Получая въ свои руки посѣвъ произведенныхъ для переселенцевъ «изъятой» уменьшившаіся по площади, но значительно выросшія въ цѣнѣ земли, киргизы приучаются, вмѣстѣ съ тѣмъ, больше извлекать изъ земли, собирая больше травъ и хлѣбовъ.

Одно изъ самыхъ поучительныхъ явленій въ зарождающейся экономической жизни киргизской степи—это широкая продажъ киргизамъ изъ переселенческихъ

складовъ уборочныхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, главнымъ образомъ, сѣнокосилокъ. За послѣднее трехлѣтіе склады ежегодно продаютъ киргизамъ въ степь машинъ и орудій болѣе, чѣмъ на 100 тысячъ рублей. Такъ, напримѣръ, за 1909 годъ продано: 416 сѣнокосилокъ на 57 тысячъ рублей, 397 грабелей на 23 тысячи рублей, 125 лобогрѣекъ на 20 тысячъ рублей и т. д. При статистическомъ обследованіи Акмолинской области въ 1908 году, у киргизъ зарегистрировано въ общей сложности 6.116 собственныхъ сѣнокосилокъ. Однѣ эти, явившіяся въ степь вмѣстѣ съ переселенцами, сѣнокосилки, повышая производительность киргизскаго труда и улучшая условия содержанія скота, служатъ уже извѣстнымъ противовѣсомъ сокращенію земельного пространства.

Таковъ естественный ходъ вещей. Киргизы не могутъ вѣчно оставаться кочевниками, если только они способны къ культурѣ. Опытъ послѣднихъ лѣтъ свидѣтельствуетъ о ихъ способности перейти къ земледѣльческому быту и показывать, что русское переселеніе въ степь, связанное съ неизбежнымъ сокращеніемъ площади кочеванія, служить къ тому могущественнымъ и пока единственнымъ побудителемъ. Поэтому ревниво оберегать киргизскую степь и кочевое хозяйство на черноземѣ отъ прихода сюда русскаго земледѣльца было бы во всѣхъ отношеніяхъ ошибочно, даже по отношенію къ самимъ киргизамъ. Тѣмъ болѣе непростительной ошибкой это было бы съ точки зрѣнія интересовъ русской государственности и культуры. Тѣ подмилліона русскаго крестьянскаго населенія, которые удалось уже влить въ одну Акмолинскую область, тѣ зажиточные русскіе поселки, которые выросли и окрѣпли радомъ съ киргизскими кочевьями и, произведя миллионы пудовъ пшеницы, не только кормятся сами, но могли бы—а съ проведеніемъ южно-сибирской магистралы и будутъ—кормить европейскіе рынки, убѣждаютъ въ невозможности сохранять киргизскую степь для однихъ киргизъ.

Непосредственные впечатлѣнія нашей поѣздки гово-
рили, что до сихъ поръ переселенческая органи-

заяці скорѣе поступалась интересами переселенія въ пользу кочевниковъ, а не наоборотъ. Въ Павлодарскомъ уѣздѣ Семипалатинской области почти всѣ русскіе поселки оказались отрѣзанными отъ прѣсныхъ озеръ, оставленныхъ всенѣю киргизамъ. Въ Таминчинской волости Петропавловскаго уѣзда, гдѣ былъ произведенъ опытъ осѣдлаго устройства киргизъ, по ихъ желанію, на якомы равныхъ съ переселенцами основаніяхъ (урочище Сарытомарь), въ дѣйствительности имъ отведено значительно больше 15 десятинъ на душу и хорошія земли зачтены въ неудобныя.

Вопросъ о киргизскомъ
землеустройствѣ.

Такіе приемы, имѣвшіе цѣлью лучше обезпечить и устроить киргизъ, основаны все-таки на ошибкѣ. По глубокому убѣжденію нашему, устранивъ нужно не киргизъ, а самую киргизскую степь, и думать не о будущемъ отдѣльныхъ кочевниковъ, а о будущемъ всей степи.

Въ интересахъ этого будущаго, идея окончательнаго землеустройства киргизъ не можетъ быть понята въ смыслѣ закрѣпленія за кочевниками всей нынѣ занимаемой ими площади. Только тѣ группы киргизъ, которая вполнѣ подготовлена уже къ осѣдлому устройству, могутъ и должны быть устроены. Такъ называемое сплошное землеустройство киргизъ возможно отнюдь не по всей степи, а лишь по отдѣльнымъ районамъ, съ развитымъ земледѣіемъ. Что же касается тѣхъ обширныхъ еще пространствъ, гдѣ хозяйство киргизъ не обнаруживаетъ достаточнаго улучшенія и развитія, тамъ необходимо продолжать политику изыятія земельныхъ излишковъ у кочевниковъ, оставляя имъ часть земель по возможно пониженнымъ нормамъ. Въ этомъ отношеніи утвержденная Совѣтомъ Министровъ 9 Іюня 1909 года инструкция нуждается еще въ дополненіяхъ. Пять основаній требовать, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда киргизы опредѣленно заявятъ о своемъ намѣреніи продолжать скотоводческое хозяйство, оставленія имъ и нахотныхъ земель, пригодныхъ для зерноваго хозяйства. На югѣ киргизской степи

(напримѣръ, въ Семипалатинской области) такими землями приходится дорожить, и слѣдуетъ всѣми мѣрами содѣйствовать переходу ихъ отъ кочевниковъ-скотоводовъ къ русскому земледѣльцу. Болѣе того: слѣдуетъ предусмотрѣть случаи, когда всѣ почвенныя, водныя, климатическія и экономическія условія дѣлаютъ своевременнымъ, выгоднымъ и настоятельнымъ использование данной площади для земледѣлія, когда русское переселеніе придвигается къ ней вплотную, а между тѣмъ кочующіе по ней киргизы, достаточно обезпечиваемые продажей части скота переселенцамъ, будутъ продолжать здѣсь чисто скотоводческое хозяйство. Въ этихъ случаяхъ необходимо допустить обмѣнъ занятыхъ ими земель на другія, лежащая дальше къ югу, быть можетъ менѣе плодородныя, но зато вознаграждающія ихъ большимъ земельнымъ просторомъ. И теперь уже, подъ вліяніемъ переселенія, въ киргизской степи происходитъ двойной процессъ: перехода части киргизъ на сократившейся земельной площади къ осѣдности, къ земледѣлю и правильному скотоводству и ухода другой ихъ части для кочеванія дальше на югъ, на свободныя земли. Въ обоихъ случаяхъ освобождаемые излишки немедленно заселяются русскими переселенцами, и, съ точки зрѣнія наилучшаго использования производительныхъ силъ степной сибирской природы и накопленія общаго народнаго богатства Россіи, оба эти явленія можно только приветствовать. Необходимо дѣятельно и энергично заселять киргизскую степь.

Съ заселеніемъ степи и землеустройствомъ киргизъ связанъ и вопросъ объ упорядоченіи ихъ народнаго управления. Основанное на всесословномъ характерѣ инородческой волости, выборномъ началѣ волостныхъ управителей и народномъ судѣ бѣговъ, современное устройство киргизскаго управления на дѣлѣ далеко не обезпечиваетъ интересовъ правопорядка и справедливости. Оно сводится часто, путемъ подкупа избирате-

Управление киргизъ.

лей, къ захвату власти наиболее сильными представителями среды разбогатѣвшихъ кочевниковъ, чуждой культуры, и къ полнѣйшему произволу ихъ надъ остальной киргизской бѣднотой. Заинтересованные въ сохраненіи такого беззавѣна большинства киргизскаго населенія волостные управители и бии со своими сторонниками всячески тормозятъ переходъ киргизъ къ осѣдлости, земледѣлію и порядкамъ русскаго волостного и сельскаго строя, дохода при этомъ даже до насилія надъ тою частью киргизъ, которая обнаруживаетъ иныя стремленія.

Нельзя поэтому не озаботиться вопросомъ о сокращеніи компетенціи народныхъ судовъ и о всеобщемъ правительственномъ поощреніи перехода на осѣдлые наделы отдѣльныхъ ауловъ, но не иначе, какъ съ подчиненіемъ ихъ волостному и сельскому управленію на общемъ основаніи съ крестьянами. Затѣмъ особое вниманіе мѣстной администраціи должно быть обращено на порядокъ раскладки и взиманія казенныхъ и мірскихъ повинностей съ киргизскаго населенія. Основнымъ же началомъ дальнѣйшей политики въ отношеніи инородцевъ степи—должно быть постоянное стремленіе къ введенію у нихъ общаго порядка управленія и суда, съ постепеннымъ упраздненіемъ всѣхъ особенностей и отличій, которыя допускаются въ этомъ отношеніи—во вредъ интересамъ большей части киргизскаго населенія и въ ущербъ развитію русской государственности на окраинѣ.

Каковы бы ни были отдѣльныя неблагоприятныя явленія, въ общемъ итогъ переселеніе является, по убѣжденію нашему, въ экономической жизни и Европейской, и Азиатской Россіи крупнымъ, положительнымъ фактомъ. Подтверждается старая истина политической экономіи, выраженная еще Миллемъ: «вывозъ работниковъ и капитала изъ старыхъ странъ въ новыя, оттуда, гдѣ они имѣли меньшую,—туда, гдѣ они имѣютъ большую производительную силу, увеличиваетъ сумму богатствъ и старой и новой страны». Ко-

лонизація, прибавляетъ Милль, «выгоднѣйшее изъ всѣхъ коммерческихъ дѣлъ».

Но не надо забывать и другихъ истинъ, также извлеченныхъ экономической наукой изъ всеобщаго опыта: 1) заселяя Сибирь хлѣбопашцами, нужно обезпечить сбытъ сибирскому хлѣбу и 2) нужно направить хозяйство переселенцевъ и старожиловъ Сибири на путь, наиболее отвѣчающій природнымъ условіямъ этой окраины и общему положенію Россіи на мировомъ рынкѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Сибирскій хлѣбъ и сибирское скотоводство.

Въ настоящее время судьба всѣхъ живущихъ за Ураломъ русскихъ крестьянъ зависитъ главнымъ образомъ отъ судьбы сибирскаго хлѣба.

Каждый годъ переселеніе даетъ Сибири сотни тысячъ новыхъ пахарей, и посѣвная площадь растетъ здѣсь съ поразительной быстротой. Она составляла въ 1909 году около 6 миллионовъ десятинъ, или около 0,6 десятины посѣва на наличную душу сельскаго населенія, считая дѣтей и женщинъ. Приблизительно такое же соотношеніе (0,7 десятины) существуетъ и въ Европейской Россіи. Для молодой колоніи догнать такъ быстро старую земледѣльческую страну—уже очень много. Но расширеніе посѣвной площади на этомъ не останавливается: въ 1910 году посѣвы увеличались въ Западной Сибири и Степномъ краѣ, по сравненію со «среднимъ» за пятилѣтіе 1905—1909 годовъ, на 858½ тысячъ десятинъ.

По Томской губерніи за послѣднія 12 лѣтъ посѣвы пшеницы—главнаго сибирскаго хлѣба—расширились вдвое (съ 588 тысячъ десятинъ до 1.157 тысячъ), въ Акмолинской области втрое (съ 98 тысячъ десятинъ до

Посѣвная площадь
Сибири.

279 тысяч); даже в Енисейской губернии — в 1¼ раза. В Томской губернии за последние 4 года увеличение посевов (+44%) опередило даже быстрый численный рост сибирского населения. Это показывает, что сдвигаясь на землю переселенец принимает за нее куда сь большей жадностью и энергией, чьмь избалованный земельным простором сибиряк-старожил.

Неурожай 1909 года ньсколько задержал дальньший рост сибирских посевов. Но и теперь, при 6 миллионях десятин посевной площади и при среднем урожае хотя бы в 50 пудов сь десятины, это дает ежегодный сбор хльба около 300 миллионов пудов; между тьмь для собственного потребления Сибири нужно не больше 150 миллионов пудов (15 пудов хльба × 10 миллионов, по числу жителей).

Свободные излишки хльба.

Даже если принять во внимание ньсколько повышенную норму потребления хльба в Сибири и возможность обращения части запасов зерна на кормь скоту, то все же свободные излишки хльба, которые Сибирь могла бы дать для вывоза, достигнут сотни миллионов пудов. Притомъ Дальний Восток и отчасти Восточная Сибирь живутъ привознымъ хльбомъ, вь Западной же Сибири и Степномъ крае, взятыхъ отдьльно, свободные избытки хльба значительно больше. Здьсь вь урожайные годы около 2/3 добываемого хльба — избыток, которому нужно дать выходъ.

То же, что переживаетъ вся Западная Сибирь, переживаетъ и отдьльная переселенческая семья, у которой вь среднемъ 7 десятинъ посева и 350 пудовъ сбора; для собственного пропитания довольно 100—150 пудовъ, а 200—250 пудовъ нужно продать. До сихъ поръ продавали часть этихъ излишковъ вновь прибывающимъ переселенцамъ, еще не успьвшимъ устроиться. Но и ть быстро становятся на ноги, начинаютъ сами производить хльбъ, и мьстный рынокъ оказывается переполненнымъ. А городовъ мало; промышленного, не земледьческого населения всего 7—8%. Приходится

искать выхода хльбнымъ избыткамъ куда-нибудь — на югъ, сьверь, востокъ, западъ.

Возможные выходы для сибирского хльба.

Но выходъ на югъ, вь Китай, переполненный людьми и хльбомъ и усиленно заселяющей пограничную полосу своими земледьческими муравейниками, очевидно закрыть, а вь нашихъ средне-азиатскихъ владньямъ нть прямого рельсового пути. Выходъ на сьверь приводитъ къ Ледовитому океану. На востокъ сибирскому хльбу преграждаетъ путь конкуренция маньчжурскаго и американскаго хльба. На западъ его ждетъ внутренняя таможенная застава: Челябинский переломъ тарифа.

Сьверный морской путь и искусственные водные пути.

Примириться сь такимъ положениемъ вещей, конечно, нельзя. Необходимо настойчиво искать выхода вь каждомъ изъ указанныхъ направлений. На сьверномъ пути природой поставлено тройное кольцо препятствий: тайга, за ней тундра и льды океана. Но на сьверь текутъ исполинскія сибирскія рьки, эти дешевые пути быта, и слишкомъ заманчива мысль ими воспользоваться, проложивъ дорогу сибирскому хльбу на мировой рынокъ черезъ Ледовитый океанъ или сь избытомъ вь сторону черезъ Карское или Бьлое море.

Простьшимъ рьшениемъ вопроса о сьверномъ выходе для сибирскаго хльба было бы сплавлять хльбъ вь устья рькъ Оби и Енисея и затьмъ везти его сьвернымъ морскимъ путемъ вь Лондонъ. Такихъ проектовъ было немало, вь особенности послъ того, какъ экспедиция Министерства Путей Сообщения вь 1905 году подтвердила возможность доступа къ берегамъ Сибири для коммерческихъ судовъ вь течение 2—2½ льтнихъ мьсяцевъ. Разсчитывали, что стоимость гужевой и рьчной доставки обойдется по 40 копьекъ сь пуда; морской фрахтъ до Лондона — вь 16 копьекъ; при цьнъ на шеницу на лондонскомъ рынке вь 1 рубль 20 копьекъ, оставалось бы производителю сибирскаго хльба по 60 копьекъ на мьсть. Это обьщало прочное будущее сибирскому земледьству; и, казалось, стоить только объявить вь

устьях Оби и Енисея порто-франко для того, чтобы обезпечить иностранным судам грузы в оба конца—хлебъ изъ Сибири и разнообразные товары въ Сибирь, и задача разрешена. Въ этомъ смыслѣ въ Государственной Думѣ второго созыва было сдѣлано заявление правительству. Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, выяснилось, что быстрое и широкое развитіе вывоза сибирскаго хлеба черезъ Ледовитый океанъ—при полной необорудованности рѣчного и морского пути—представлялось все же гадательнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ выгоды его обезпечивались бы привозомъ иностранныхъ товаровъ, т. е. утратой части драгоценнаго сибирскаго рынка для русской промышленности.

Теперь вниманіе обращено на проекты смѣшанныхъ водно-железнодорожныхъ и искусственныхъ водныхъ путей, съ выходомъ въ Бѣлое и Карское моря. Таковы проекты: соединенія рѣки Оби съ побережьемъ Ледовитаго океана близъ устьевъ рѣки Печоры; проектъ Обь-Архангельской желѣзной дороги; извѣстный проектъ Голохвастова «Обь-Иртышскій торговый путь». Главнымъ же и наибольше разработаннымъ технически проектомъ является проектъ канала, въ 7 верстъ длиною, между верховьями рѣки Чусовой, притока Камы, и рѣкой Рѣшеткой, притокомъ Исети, впадающей въ Туру—Тоболь—Иртышъ.

Кромѣ того непосредственное практическое значеніе могло бы имѣть и шлюзование рѣкъ Туры и Тобола отъ Тюмени до Тобольска, позволяющее пропускать до Тюмени большіе пароходы и баржи; при этомъ условіи, по подсчетамъ Управленія Водныхъ Путей, стоимость доставокъ хлеба до Тюмени изъ хлебныхъ центровъ Алтая (Бійска и Барнаула и изъ Семипалатинска) обошлась бы всего около 10 копѣекъ, а Тюмень связана уже непосредственнымъ рельсовымъ путемъ съ Петербургскимъ портомъ и черезъ Пермь—Котласъ съ Сѣвѣрной Двиной, дающей выходъ къ Архангельску.

Значеніе этихъ водныхъ путей для вывоза сибирскаго хлеба въ урожайные для Сибири годы, особенно при неурожаѣ на Уралѣ и въ Европейской Россіи, несомнѣнно велико. Но, признавая это, не слѣдуетъ возлагать на водные пути и чрезвычайныхъ надеждъ. Сооруженный правительствомъ въ 1900 году Пермь-Котласскій железнодорожный путь, имѣвшій цѣлью открыть выходъ сибирскому хлебу по рѣкѣ Двинѣ къ Архангельску, оказался недостигающимъ этой цѣли. Черезъ Котласъ идетъ въ среднемъ въ годъ не болѣе 1½ миллионъ пудовъ сибирскаго хлеба, т. е. всего 1% хлебныхъ избытковъ Сибири, а въ иные годы и по 10 тысячъ пудовъ. Причина неудачи—необходимость зимовокъ хлеба въ пути. Природа, суровыя условія которой защитникамъ сѣвернаго направленія хотѣлось бы забыть, напоминаетъ имъ о себѣ: уборка сибирскаго хлеба съ полей заканчивается почти только къ тому времени, когда кончается и навигація по сибирскимъ рѣкамъ. Когда хлебъ подвезутъ къ Енисею или къ Оби, или по желѣзной дорогѣ къ Двинѣ—рѣки стали. Закупленный хлебъ долженъ лежать до весны; онъ попадаетъ на лондонскій рынокъ чаще всего только черезъ годъ, къ осени. Нужны капиталы, которые могли бы выдерживать такой медленный оборотъ, и нужна широкая организація для нихъ кредита.

Недостаточно учитываются, дажде, во всѣхъ сѣверныхъ проектахъ накладные расходы—стоимость двойныхъ перегрузокъ хлеба по смѣшаннымъ водно-железнодорожнымъ путямъ и необходимость оборудования этихъ перегрузокъ. Не вполнѣ учитывается и стоимость *страховки* судовъ во время опаснаго плаванія ихъ по Ледовитому океану и Карскому морю. Между тѣмъ, по исчисленію людей комерческихъ, уже одна стоимость этой страховки поглотила бы значительную долю обычной выгоды воднаго пути сравнительно съ железнодорожнымъ.

Наконецъ, водные пути могутъ обслуживать главнымъ образомъ сибирскій сѣверъ, менѣе заселенный и менѣе богатый хлебомъ, и лишь небольшія прирѣч-

ния части южной и западной Сибири; обширная же и плодородная пространства киргизской степи удалены от могучих водных артерий.

Для вывоза сибирекаго хлеба водные пути и главный из них, каналъ между рѣками Чусовой и Рѣшеткой, будутъ имѣть громадное и преобладающее значеніе. Что касается сибирскаго хлеба и, въ особенности, степной Сибирской пшеницы, то и въ этомъ отношеніи водные пути въ годы обильныхъ урожаевъ въ Сибири будутъ также имѣть безспорно полезное значеніе. Но одновременно съ этимъ необходимо открыть выходъ хлѣбнымъ грузамъ и по желѣзнодорожнымъ путямъ, болѣе дорогимъ, но зато проводимымъ по волѣ государства въ избираемомъ имъ самомъ направленіи, а главное дающимъ возможность реализаціи урожая въ томъ же году.

Извѣстное значеніе въ этомъ отношеніи могло бы имѣть сооруженіе Туркестано-Сибирской желѣзной дороги, дающей выходъ сибирскому хлѣбу на югъ, въ наши средне-азиатскія владѣнія. При этомъ могъ бы установиться нормальный и желательный обмѣнъ сибирскаго хлѣба на туркестанскій хлопокъ, продукты виноградарства, плодоводства и т. д. Природа нашихъ средне-азиатскихъ областей побуждаетъ сокращать тамъ площадь зерновыхъ посѣвовъ, замѣняя ихъ болѣе цѣнными промышленными культурами. Въ то же время шестимилліонное населеніе этихъ областей нуждается не въ одномъ десяткѣ милліоновъ пудовъ хлѣба для потребленія. Мысль о направленіи туда сибирскаго хлѣба и о полученіи взамѣнъ того дешеваго хлопка,—что позволило бы широко развить въ Западной Сибири обрабатывающую мануфактурную промышленность,—представлялась поэтому многимъ весьма заманчивой. Въ извѣстной мѣрѣ мысль эта, быть можетъ, и получитъ современнѣе осуществленіе: на очередь поставлено сооруженіе желѣзнодорожныхъ линій Алтайской (Ново-Николаевскъ—Семипалатинскъ) и линій Архскъ—Вѣрный. Обѣ эти линіи явятся главными участками будущей Туркестано-Сибирской желѣзной дороги; этой дорогѣ будетъ недоставать,

такимъ образомъ, лишь средняго связующаго звена: Вѣрный—Семипалатинскъ. Но рассчитывать на сооруженіе этой послѣдней связующей линіи повидимому можно лишь въ отдаленномъ будущемъ, такъ какъ она пролегалала бы по мѣстностямъ теперь еще почти совершенно пустыннымъ и бѣднымъ, не могущимъ дать никакихъ грузовъ. Кромѣ этого обстоятельства, отодвигающаго сооруженіе Туркестано-Сибирской дороги вѣроятно на многіе годы, приходится учитывать также и то, что въ сѣверной полосѣ средне-азиатскихъ областей (въ частности, въ Семирѣчьи) слѣдуетъ ожидать значительнаго развитія мѣстнаго производства пшеницы, конкурировать съ которой привозному сибирскому хлѣбу было бы не подъ силу.

Въ настоящее время непосредственное значеніе для сбыта сибирскаго хлѣба можетъ имѣть существующая уже Сибирская желѣзная дорога. Но, почти одновременно съ открытіемъ этой дороги для грузового движенія, въ 1896 году, по ней были установлены для хлѣбныхъ грузовъ тарифные переломы и въ Челябинскѣ и въ Иркутскѣ. Переломы эти состояли въ томъ, что плата за провозъ хлѣба рассчитывалась не за весь пробѣгъ, съ пониженіемъ ставокъ по мѣрѣ увеличенія разстоянія, а въ два приема: отдѣльно отъ станціи отравленія до Челябинска (или до Иркутска, смотря по тому, шелъ ли хлѣбъ на востокъ или на западъ), а потомъ отдѣльно отъ названной станціи до станціи назначенія. Благодаря такому приему сложены двухъ отдѣльныхъ платъ, общая стоимость провоза увеличивалась, въ зависимости отъ длины пробѣга,—отъ 5 до 10 копѣекъ на пудъ хлѣба.

Съ 1900 года Иркутскій переломъ былъ отмененъ, но, вѣдолѣ до нашихъ дней, хлѣбная перевозка на Дальній Востокъ осталась слабой и неустойчивой. По годамъ онъ колеблется отъ $\frac{1}{4}$ милліона пудовъ до 6 милліоновъ пудовъ,—въ среднемъ $\frac{3}{4}$ милліона пудовъ. Но и эти рѣдкіе грузы достигаютъ по большей части только Забайкалья. Перевозки въ Уссурийскій край и на

Перевозка сибирскаго хлѣба на Дальній Востокъ.

Амурь выражались обычно всего въ десяткахъ тысячъ пудовъ, преимущественно оса для войскъ.

Иначе и быть не могло. На Дальнй Востокъ пробѣгъ изъ Западной Сибири въ 5 — 6 тысячъ верстъ. А *рядомъ* съ Приамуремъ—Маньчжурія, прорванная Китайской Восточной желѣзной дорогой, смыкающейся съ нашими Забайкальской и Уссурийской желѣзными дорогами. Маньчжурія, по даннымъ Управления Китайской дороги, можетъ поставлять въ Харбинь уже теперь до 80 миллионв пудовъ ежегодныхъ избытковъ хлѣба. Если эти расчеты и преувеличены, то во всякомъ случаѣ Маньчжурія быстро расширяетъ свой ввозъ въ Приамурь (въ 1906 году—4 1/2 милліона пудовъ, въ 1907 году—12 миллионв пудовъ) и маньчжурскій хлѣбъ вытѣсняетъ на нашемъ Дальнемъ Востокѣ и сибирскій и американскій хлѣбъ.

Здѣсь противъ насъ—законъ расстоаній. Собственно *лишняя* цѣны на пшеницу въ торговыхъ центрахъ Маньчжуріи и Западной Сибири приблизительно одинаковы: за послѣдніе годы (1904—1907) онѣ держались и здѣсь и тамъ на среднемъ уровнѣ 60—65 копѣекъ. Но перевозка сибирскаго хлѣба отъ Томска до Хабаровска болѣе чѣмъ удваиваетъ его стоимость: до 80 копѣекъ накладного расхода, почти цѣлый «рубль перевозу». Это дѣлаетъ конкуренцію Западной Сибири съ Маньчжуріей невозможной, безъ особаго покровительства государственной власти.

Уменьшить тарифъ еще ниже существующихъ ставокъ едва ли возможно. Наши хлѣбные тарифы и безъ того ниже западно-европейскихъ, итти на дальнѣйшее пониженіе трудно: нельзя же «выгадать» при этомъ почти всю стоимость перевозки.

Въ то же время однако едва ли возможно признать нормальнымъ и широкій притокъ маньчжурскаго хлѣба на русскій Дальнй Востокъ. Нужно стремиться къ тому, чтобы наше Приамурье могло развить земледѣліе у себя или получать русскій сибирскій хлѣбъ. Безъ этого условія бесполезны всѣ мѣры и жертвы государ-

ства, направленные къ заселенію Дальняго Востока: онъ останется въ постоянной зависимости отъ добраго желанія Китая—пустить или не пустить къ намъ свой хлѣбъ. Необходимо обезпечить выгодность у насъ земледѣльческаго промысла, а не подрывать его въ корнѣ—пропускомъ дешеваго хлѣба изъ-за границы. Поэтому невольно напрашивается мысль: не слѣдуетъ ли, въ числѣ другихъ мѣръ къ развитію земледѣлія въ Приамурьѣ, поставить на очередь и вопросъ о таможенной пошлинѣ на хлѣбъ, ввозимый къ намъ изъ Маньчжуріи. Конечно, такая мѣра могла бы вызвать временныя затрудненія, повести къ убыткамъ для Китайской Восточной дороги, ввозящей теперь маньчжурскій хлѣбъ, и даже къ вздоржанію жизни въ краѣ, но въ конечномъ итогѣ, если хлѣбъ будетъ въ Приамурьѣ дорогъ, то и производить его тамъ будетъ выгодно: цѣны на хлѣбъ обезпечатъ и развитіе на дальневосточной окраинѣ земледѣлія и неустойчивый приливъ туда переселенцевъ.

Какъ бы ни рѣшать, однако, этотъ сложный вопросъ о борьбѣ со ввозомъ маньчжурскаго хлѣба при помощи таможеннаго обложенія, но по отношенію къ западно-сибирскому хлѣбу такая мѣра могла бы имѣть во всякомъ случаѣ только временное значеніе и лишь ненадолго вызвать притокъ на Дальнй Востокъ хлѣбныхъ грузовъ изъ Западной Сибири.

Подъ охраной ввозныхъ пошлинъ, Восточная Сибирь быстро разовьетъ хлѣбншество и у себя, такъ что Приамурье будетъ кормиться своимъ хлѣбомъ или получать его изъ ближайшихъ районовъ: Забайкалья, Енисейской и Иркутской губерній. Для постоянного сбыта хлѣбныхъ запасовъ сибирскаго запада, Алтая и Степныхъ областей, слишкомъ далеки берега Тихаго океана, какъ рынокъ, немногимъ гостепримнѣе береговъ Ледовитаго.

Выходъ на западъ, черезъ Европейскую Россію, въ порты Чернаго и Балтійскаго морей, также представляетъ много преградъ и трудностей. Надъ сибирскимъ хлѣбомъ, куда бы онъ ни стремился, тяго-

Выходъ на западъ и отъбна Челябинскаго перелома тарифа.

Пошлина на маньчжур-

скій хлѣбъ.

Пошлина на маньчжур-
скій хлѣбъ.

твоятъ все тѣ же естественные законы разстояній—неизбѣжный «рубль перевозу». Но и здѣсь есть просвѣтъ. Нужно только не набавлять къ этому рублю еще лишняго «гривенника» Челябинскаго перелома, а главное—нужно вести изъ Сибири новую желѣзнодорожную магистраль, пронзающую киргизскія степи.

Челябинскій переломъ тарифа имѣетъ многочисленныхъ защитниковъ, опасаящихся, какъ бы дешевой сибирскій хлѣбъ, хлынувъ къ намъ изъ-за Урала, не понизилъ чрезмерно цѣны и не подорвалъ этимъ старое земледѣльческаго хозяйства коренныхъ русскихъ губерній.

Опасенія эти во многомъ преувеличены. За послѣднiя 10—15 лѣтъ условія производства хлѣба въ Западной Сибири и коренной Россiи значительно уравнились и сблизились. Хотя цѣны на рабочiй скотъ и на кормовыя средства въ Западной Сибири ниже почти на 30%, чѣмъ въ Европейской Россiи, зато цѣны на рабочiя руки тамъ выше, процентовъ на 20—25 (недаромъ ежегодно въ Сибирь идетъ на заработки столько народу подъ видомъ «одинокихъ переселенцевъ»). Главное же, въ Сибири гораздо дороже обходится гужева я поставка хлѣба на станцiи желѣзныхъ дорогъ. Благодаря этому мѣстныя цѣны на хлѣбъ въ торговыхъ центрахъ Западной Сибири дешевле всего на 20—25 копѣекъ, не считая въ центральному земледѣльческому районѣ *). Провозъ сибирскаго хлѣба въ центральный районъ по желѣзной дорогѣ, даже при условiи отъѣма Челябинскаго перелома—по нормальному тарифу, долженъ поглотить всю эту разницу и оставить лишнiихъ нѣсколько копѣекъ въ пользу хлѣба Европейской Россiи.

Цѣны на пшеницу, этотъ главный предметъ сибирскаго вывоза, въ началѣ текущаго 1910 года были въ Омскѣ ниже, чѣмъ въ Ельцѣ, на 14—24 копѣйки. Но уже

*) Среднiя цѣны за пятилѣтiе 1903—1907 годовъ. Пшеница. Ровь. Омскъ
 Въ центральныхъ земледѣльческихъ губернияхъ 97 78 62
 въ западныхъ сибирскихъ губернияхъ 72 54 40

обычный тарифъ до вывозныхъ портовъ, разчитанный безъ перелома, даетъ преимуществу Ельцу, благодаря его большей близости, на 18—25 копѣекъ, такъ что условiя сглаживаются, съ перевѣсомъ въ пользу Ельца.

Давить на цѣны Европейской Россiи сибирскій хлѣбъ можетъ не дешевой своей, которая поражательна только въ глухихъ сибирскихъ поселкахъ, значительно меньше уже на станцiяхъ Сибирской желѣзной дороги и незамѣтно исчезаетъ по мѣрѣ приближенiя товарнаго поѣзда съ сибирскимъ хлѣбомъ къ Либавѣ или Новороссiйску, а развѣ только количествомъ, появляемъ своимъ на рынокъ. Но при слабомъ развитiи дорожной сѣти въ Сибири, свободные избытки Сибирскаго хлѣба могутъ поступать на рынокъ, разумѣется, не сразу, а сравнительно небольшими частями.

Нѣкоторые *твердые* сорта сибирской пшеницы, которыхъ нѣтъ въ Европейской Россiи и примѣсь которыхъ къ русскимъ сортамъ необходима нашей мукомольной волжской промышленности для выработки муки лучшаго качества, пойдутъ съ отъѣмной перелома на волжскiя мельницы, куда они идутъ и теперь, только въ меньшемъ количествѣ и за болѣе дорогую цѣну (иногда волжскiе мукомолы вынуждены, впрочемъ, прикупать и американскую твердую пшеницу). Существенное значенiе отъѣма Челябинскаго перелома можетъ имѣть также для ближайшихъ къ Сибири приуральскихъ губерній, которыя и теперь въ значительной степени живутъ привознымъ сибирскимъ хлѣбомъ и лишь переплачиваютъ за него вслѣдствiе тарифной надбавки. Но въ главной части своей сибирскiе хлѣбные грузы, вѣроятно все же, только пройдутъ черезъ Европейскую Россiю для вывоза за границу. При нашемъ полумиллиардномъ экспортѣ, то сотня миллионъ пудовъ хлѣба, которую можетъ при самыхъ благоприятныхъ условiяхъ прибавить къ нему въ ближайшее время Западная Сибирь, будетъ все-таки не основой нашего вывоза, а лишь придаткомъ къ нему. Поэтому, если даже допустить, что вывозная цѣна

строить та страна, которая отпускает хлѣбъ, то цѣны эти будутъ диктовать въ ближайшія десятилѣтія Европейская Россія Сибири, а не наоборотъ.

Въ дѣйствительности же на мировомъ хлѣбномъ рынкѣ цѣна опредѣляется не однимъ только нашимъ предложеніемъ: на сибирскій, да и вообще на русскій хлѣбъ цѣну назначаютъ не Омскъ, не Елецъ, не Одесса, а прежде всего Лондонъ. Такъ какъ спросъ на пшеницу на европейскомъ рынкѣ растетъ, то и отъѣзжа Челябинскаго перелома, облегчивъ сбытъ сибирскому хлѣбу и, слѣдовательно, поднявъ мѣстные цѣны въ Сибири, можетъ не столько понизитъ наши вывозныя цѣны, сколько увеличить размеры нашего вывоза.

Въ томъ же направленіи, что и отъѣзжа перелома, должна дѣйствовать предложенная новая южно-сибирская магистраль, параллельная старому Великому пути, которая дастъ выходъ изъ киргизской стѣны, черезъ Уральскъ, почти 60 милліонамъ пудовъ хлѣбныхъ избытковъ.

Этой дороги многіе въ центральныхъ губерніяхъ боятся еще больше, чѣмъ отъѣзжа Челябинскаго перелома. А между тѣмъ, въ ней—будущее русскаго переселенія въ Стѣнной край.

Примирить интересы Сибири и интересы Европейской Россіи въ этомъ вопросѣ можетъ только все возрастающая потребность въ хлѣбѣ на мировомъ рынкѣ. Мировые запасы хлѣба постепенно сокращаются. Статистика опредѣляетъ ихъ:

для 1907 года	въ 25,4 милліоновъ	квартеровъ.
» 1908 »	» 13,7 »	»
» 1909 »	» 10,8 »	»

Перепроизводство пшеницы при такихъ условіяхъ—по выводамъ специальныхъ изслѣдованій—вещь немыслимая. При всемъ относительномъ увеличеніи урожайности полей Англіи и Германіи, странамъ этимъ не посидѣть за ростомъ потребления хлѣба даже у себя дома, не говоря уже о другихъ, вѣчно нуждающихся въ привозномъ хлѣбѣ странахъ: Италіи, Голландіи, Бельгіи.

Вѣд Европы главнѣйшимъ поставщикомъ хлѣба, кромѣ Россіи, являются Соединенные Штаты. Но они сильно сокращаютъ свой вывозъ,—такъ быстро растетъ тамъ внутреннее потребление. За послѣдніи 50 лѣтъ населеніе Штатовъ возросло на 40%. Еще не такъ давно, лѣтъ 10—15 назадъ, Штаты могли вывозить отъ 40 до 45% своего сбора пшеницы; теперь они вывозятъ всего 15—20%; все остальное сѣдается дома. И если тогда, въ концѣ девятыхъ годовъ, американцы владѣли $\frac{1}{3}$ всемирнаго хлѣбнаго рынка, то теперь на ихъ долю осталась всего $\frac{1}{5}$. Лѣтъ черезъ 5—10, по подсчетамъ самихъ американцевъ, они и вовсе, пожалуй, перестанутъ вывозить хлѣбъ.

Другой крупный нашъ конкурентъ—Аргентина, страна «пшеничныхъ фабрикъ», перевернувшая мировую торговлю хлѣбомъ, также начинаетъ испытывать затрудненія въ дальнѣйшемъ развитіи земледѣлія и хлѣбнаго вывоза. Тамъ нѣтъ такого запаса нетронутыхъ плугомъ земель, какъ въ Сибири, а между тѣмъ и тамъ, какъ у насъ, чувствуется недостатокъ рабочихъ рукъ и путей сообщенія.

Австралія остается преимущественно скотоводческой страной. Вывозъ австралійской пшеницы составлялъ къ 1908 году всего 49 милліоновъ пудовъ, сильно упавъ съ 1904 года. При томъ средняя урожайность австралійскихъ пшеничныхъ полей не достигаетъ и 40 пудовъ съ десятины, чѣмъ косвенно подтверждается мнѣніе о малой пригодности австралійскихъ почвъ для земледѣлія.

Изъ остальныхъ соперниковъ Россіи на хлѣбномъ рынкѣ замѣтно усиливается Канада. Но здѣсь задерживаютъ развитіе земледѣлія суровыя условія сѣверной природы.

Разумѣется, всѣ подобныя данныя и соображенія имѣютъ лишь относительное значеніе. Могутъ неожиданно объявиться новыя страны, поставщики хлѣба, могутъ—силою чудеса техники—ожить и воспрянуть старыя. Но въ настоящее время условія складываются, невидимому, благоприятно для будущаго вывоза рус-

ской пшеницы. Европа и Америка все глубже вытягиваются въ промышленныя производства, и мировое потребление хлѣба начинаетъ обгонять урожай. Цѣны на пшеницу—если не учитывать всегда возможныхъ временныхъ колебаній и затрудненій—растутъ; съ конца прошлаго вѣка русскія цѣны на пшеницу поднялись въ среднемъ на 40%.

Учаііе сибирскаго хлѣба въ общемъ на- шемъ вывозѣ.

Между тѣмъ вывозъ пшеницы изъ Европейской Россіи за послѣднее время, вплоть до исключительно урожайныхъ 1909—1910 годовъ, падалъ и съ 1904 по 1908 годъ уменьшился на 45%, въ связи съ ростомъ внутренняго потребления.

Населеніе Европейской Россіи съ восьмидесятихъ годовъ увеличилось къ настоящему времени на 35%, а средній чистый сборъ всѣхъ хлѣбовъ съ десятины увеличился за то же двадцатилѣтіе всего на 18%. Очевидно, для того, чтобы сохранять и развивать свой вывозъ, Россія, кромѣ заботъ о поднятій урожайности, что дается не сразу, должна расширять и свою посѣвную площадь. При этомъ должны расширяться главнымъ образомъ посѣвы пшеницы, а не ржи, имѣющей сбытъ почти для одного только внутренняго потребления. Между тѣмъ увеличеніе площади пшеничныхъ полей дошло во многихъ губерніяхъ Европейской Россіи почти до крайнихъ предѣловъ—до распашки луговъ. Необходимо переносить посѣвы и за Уралъ, гдѣ пшеница является главнымъ, преобладающимъ хлѣбомъ. А такъ какъ, по всѣмъ общимъ соображеніямъ, слѣдуетъ заключить, что нормальная отпускная способность Европейской Россіи съ годами будетъ неминуемо сокращаться, то Сибирь придетъ со своей вывозной пшеницей не въ подрывъ ей, а скорѣе на подмогу.

Разумѣется, вопросъ этотъ—сложный. Хлѣбный рынокъ поддержанъ многими трудно учитываемыми влияніямъ; то, что теоретически представляется неизбежнымъ и несомнѣннымъ, можетъ въ дѣйствительности наступить еще не скоро. Поэтому время для открытія

широкаго доступа сибирскому хлѣбу изъ-за Урала должно быть выбрано осторожно и неподволь. Необходимо сообразоваться при этомъ прежде всего съ дѣйствительнымъ состояніемъ хлѣбныхъ цѣнъ и хлѣбной торговли въ Европейской Россіи, и затрудненія, испытываемыя при реализаціи урожая текущаго года, побуждаютъ отнести къ этому вопросу съ особымъ вниманіемъ. Во всякомъ случаѣ для того, чтобы не подвергать наши хлѣбныя цѣны риску какого либо потрясенія, отміну Челябинскаго перелома слѣдуетъ произвести не сразу, а при помощи тѣхъ или иныхъ тарифныхъ пріемовъ въ нѣсколько лѣтъ постепенно.

Насколько вопросы хлѣбной торговли, производства и вывоза хлѣба, первенствующіе теперь для Сибири, представляются обоюдоострыми, настолько безспорнымъ и желательнымъ является развитіе тамъ культурнаго скотоводства и различныхъ промышленныхъ отраслей сельскаго хозяйства.

Необходимость разнообразить сельско-хозяйственный промыселъ въ Сибири.

Общій ходъ развитія человѣческой жизни и облегченіе условій объема должны привести къ тому, что каждая мѣстность сосредоточится на тѣхъ производствахъ и промыслахъ, которые наиболее свойственны ей по естественнымъ условіямъ.

Между тѣмъ, въ Сибири не рѣдки примѣры самаго нерациональнаго использования природныхъ богатствъ. Переселенцы приносятъ на новыя мѣста старыя свои привычки и склонности; и такъ какъ большинство ихъ идетъ изъ чисто земледѣльческихъ губерній, то они и стремятся вездѣ и всегда сѣять хлѣбъ.

Но исключительное и одностороннее развитіе въ Сибири хлѣбонашества во всѣхъ отношеніяхъ нежелательно. Необходимо разнообразить сельско-хозяйственный промыселъ и избирать наиболее выгодный по мѣстнымъ условіямъ его типъ. Изъ 27 милліоновъ десятинъ земельныхъ запасовъ Алмаинской и Семипалатинской областей только 7 милліоновъ десятинъ безусловно пригодны для земледѣлія, остальные

20 миллионов десятин гораздо больше отвечают требованиям скотоводческого хозяйства, которое и следовало бы здесь развивать. В Енисейской губернии, где зерновое хозяйство налаживается медленно, в последние годы общается большие успехи разведение льна, сбываемого на льяныя мануфактуры центрально-промышленного района. В два года вывоз льна, при посредничестве мѣстной переселенческой организации, поднялся съ сотни пудовъ до нѣсколькихъ тысячъ пудовъ.

Вотъ такія начинанія въ сибирскомъ хозяйствѣ необходимо вѣчески поддерживать, и здѣсь малѣйшій удачный шагъ имѣетъ большое значеніе. Все разумно и толково сдѣланное въ Сибири сразу множится на такіе колоссальные множители, что результаты—неоцнимыя.

Доказательство —ростъ сибирскаго маслодѣлія. Маслодѣліе въ Сибири началось въ 1894 году съ выработки 400 пудовъ и въ теченіе одного десятилѣтія дошло до 2 миллионъ пудовъ, цѣностию почти въ 25 миллионъ рублей; въ 1906 году вывозъ масла изъ Сибири дошелъ до 3 миллионъ пудовъ, въ 1907 году—до 3½ миллионъ пудовъ. Ростъ этотъ еще далеко не законченъ; производство масла увеличивается, захватывая все новые, обширные районы. Теперь оно развито въ полосѣ, прилегающей къ Сибирской желѣзной дорогѣ, въ Тобольской и Томской губерніяхъ и Акмолинской области, и начинаетъ распространяться въ Енисейской губерніи и Семипалатинской области, гдѣ также условия для него благоприятны. Проведеніе Тюмень-Омской дороги общается отодвинуть районъ Тобольскаго маслодѣлія еще далеко на сѣверъ. Вывозъ сибирскаго масла имѣетъ не только мѣстное значеніе. Весь нашъ экспортъ масла на вѣнчійе рынки цѣлкомъ основанъ на ростѣ сибирскаго маслодѣлія. Въ 1896 году вывозъ масла изъ Россіи равнялся 310 тысячамъ пудовъ, на сумму 3,2 миллионъ рублей, а въ 1907 году—3,8 миллионамъ пудовъ на 47,3 миллионъ рублей. Этимъ приливомъ иностраннаго золота на 47 миллионъ

рублей въ годъ Россія обязана Сибири. Сибирское маслодѣліе даетъ золота вдвое больше, чѣмъ вся сибирская золотопромышленность.

По годамъ, масла вывезено изъ Сибири:

Въ 1894 году	400 пудовъ.
» 1895 »	5.000 »
» 1896 »	27.000 »
» 1897 »	48.000 »
» 1898 »	160.000 »
» 1899 »	310.000 »
» 1900 »	1.050.000 »
» 1901 »	1.201.731 »
» 1902 »	1.609.980 »
» 1903 »	1.746.410 »
» 1904 »	2.003.315 »
» 1905 »	2.039.120 »
» 1906 »	2.973.713 »
» 1907 »	3.413.640 »

Количество заводовъ, вырабатывающихъ масло, достигаетъ теперь въ Сибири 3 тысячъ; среди нихъ есть и крупныя, дѣлающіе до 5 тысячъ пудовъ масла въ годъ, и небольшіе. Одинъ изъ такихъ артельныхъ крестьянскихъ заводовъ, прекрасно оборудованныхъ, мы осмотрѣли въ поселкѣ Лебяжьей Тобольской губерніи.

Исторія сибирскаго маслодѣлія поучительна, между прочимъ, потому, что въ этой области удачно поставлена была правительственная помощь населенію. И не въ денежныхъ судахъ, розданныхъ правительствомъ, было дѣло; ихъ и роздано, всего, менѣе полмилліона рублей. Вовремя была создана и практически поставлена инструкторская организация, подготавливавшая мастеровъ и помогавшая правильному устройству заводовъ, сбыту и транспорту масла; организовано до 800 артелей маслодѣлію; въ Курганѣ учреждено справочное посредническое бюро и 6 молочно-хозяйственныхъ лабораторій. Съ ихъ помощью выданы главныя качества сибирскаго масла: его еухость (положительное качество) и малое содержаніе

летучих жирных кислот (недостаток, дающий иногда повод иностранным покупателям подозревать даже примесь сала). Дятельность молочных лабораторий необходимо еще развить и выработать, съ ихъ помощью, планъ борьбы съ начинающейся фальсификацией сибирскаго масла (примесь кокосоваго масла и пр.).

Теперь сибирское маслодѣлие поставлено прочно и даетъ населенію столько денегъ, сколько не могли бы дать никакія казенныя ассигнованія.

Необходимость улучшения породы молочнаго скота въ Западной Сибири.

Но возможная помощь правительства этому дѣлу далеко еще не исчерпана: къ увеличенію производства и улучшенію качества сибирскаго масла необходимо прибавить путемъ улучшенія породы сибирскаго молочнаго скота. Объ этомъ думали еще мало. До послѣдняго времени обращалось преимущественное вниманіе на количественное развитіе маслодѣлія. Сами сибирскіе хозяева, при существовавшей дешевизнѣ кормовъ и многоземельѣ, обращали вниманіе также, главнымъ образомъ, на численность своихъ стадъ. Обычнымъ приемомъ было: приобретать лѣтомъ коровъ для молока изъ районовъ, гдѣ еще не развилось маслодѣліе, а осенью продавать тѣхъ же коровъ на мясо. Такія коровы конечно даютъ немного: по отвѣтамъ, полученнымъ при осмотрѣ маслодѣльни въ Курганскомъ уѣздѣ,—рублей по 15 въ годъ. Въ настоящее время маслодѣліе распространилось почти повсемѣстно, корма начали дорожать, и сибирскому крестьянину приходится всецѣлѣе обращать вниманіе на имѣющійся у него на рукахъ скотъ, лучше его кормить и улучшать породу.

Западно-сибирскому маслодѣлію недостаетъ еще главнаго: хорошей коровы. Поэтому мѣры къ улучшенію скотоводства здѣсь необходимы и своевременны.

Будущее маслодѣлія и скотоводства въ Восточной Сибири.

Въ восточныхъ губерніяхъ Сибири правительству также предстоитъ широкая инструкторская дятельность, главнымъ образомъ, по маслодѣлію. Мясею

скотоводство едва ли имѣть большую будущность и въ Восточной Сибири; вѣроятно, оно должно будетъ уступить и здѣсь мѣсто молочному скоту. Высокая цѣнность масла въ сравненіи съ мясомъ, при маломъ объемѣ товара, большая легкость его сохраненія, потребность въ маслѣ дальневосточныхъ окраинъ, высокая цѣна здѣсь на молочные продукты, наконецъ, спросъ на масло для экспорта въ китайскіе и японскіе порты, населенные европейцами и получающіе масло изъ Австраліи и Новой Зеландіи,—все это, вмѣстѣ взятое, создаетъ благоприятныя условія для развитія молочнаго хозяйства въ средней Сибири и за Байкаломъ.

Если сибирскому маслодѣлію недостаетъ хорошей коровы, то недостаетъ ему еще и свиньи—обычнаго спутника маслодѣлія. Отбросы маслодѣльных заводовъ—снятое молоко и пахта—великокопный кормъ для свиней. Поэтому, гдѣ развивается маслодѣліе, обычно слѣдомъ и развивается и разведеніе свиней. Такъ было въ Даніи, Австраліи, Америкѣ, такъ это начинаетъ быть и въ Сибири. Пока свиньи успѣшно разводятся въ Тобольской губерніи, Курганскомъ уѣздѣ—центрѣ маслодѣлія. Здѣсь этому данъ былъ толчекъ одной датской фирмой; дѣло двинулось быстро, и въ прошломъ году крестьяне Курганскаго уѣзда выручили отъ продажи свиней уже болѣе 400 тысячъ рублей.

Вотъ то новое богатство, вливающееся въ Сибирь вмѣстѣ съ культурой ея дикихъ пространствъ, которое идетъ на смѣну исчезающимъ богатствамъ дикой первобытной природы, питавшимъ здѣсь охоту и пушной промыселъ. Одно стѣбитъ другого, и въ недалекомъ будущемъ, вѣроятно, оправдается старое предсказаніе академика Вера, что торговля свиной щетиной окажется для Сибири выгоднѣе, чѣмъ торговля соболями и другими мѣхами.

Крупнымъ дѣломъ обнѣщаетъ также въ Сибири стать овцеводство. Въ послѣдніе годы «переселеніе овецъ» изъ Европейской Россіи въ Азіатскую стало предме-

Овцеводство.

томъ настойчивыхъ стремленій овцеводовъ. Тонкорунное овцеводство быстро идетъ у насъ на убыль. Еще въ восьмидесятыхъ годахъ мериносовыхъ овецъ считалось въ Россіи 15 милліоновъ штукъ, а къ 1906 году ихъ осталось всего 6 милліоновъ. Уселенный притокъ населенія на югъ и открытіе новыхъ желѣзнодорожныхъ путей вызвали вздорожаніе земельныхъ цѣнъ, развитіе хлѣбопашества и обращеніе прежнихъ овечьихъ пастбищъ въ пшеничныя поля. Паденіе овцеводства, начавшись съ южнаго и новороссійскаго районовъ, затѣмъ перешло и на Сѣверный Кавказъ. Въ Крыму за время съ 1900 по 1907 годъ овцеводство сократилось на двѣ трети. На Сѣверномъ Кавказѣ за одинъ 1908 годъ овцеводы перерѣзали на мясо пятую часть своихъ тонкорунныхъ овецъ—болѣе 400 тысячъ штукъ. Сократилось и общее количество всѣхъ простыхъ овецъ. Вслѣдствіе этого вывозъ отъ насъ шерсти упалъ съ 2½ милліоновъ пудовъ до 800 тысячъ пудовъ, а ввозъ увеличился съ ¼ милліона пудовъ почти до 2½ милліоновъ пудовъ. Стоитъ это Россіи до 35 милліоновъ рублей въ годъ. Также упалъ вывозъ бараньяго сала: съ 1½ милліона пудовъ до 14 тысячъ; ввозъ сала поднялся съ 57 тысячъ пудовъ до 3 съ лишнимъ милліоновъ пудовъ—на 5 милліоновъ рублей ежегодно. Увеличился ввозъ сырыхъ кожъ и пр. Такимъ образомъ, въ этомъ дѣлѣ изъ крупнаго поставщика Россія незамѣтно превратилась въ крупнаго потребителя.

Вся ежегодная дань, платимая нами теперь скотоводамъ Австраліи, превышаетъ 51 милліонъ рублей. Отъ этой дани можетъ освободить Россію только Сибирь. И въ этомъ дѣлѣ уже не только не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо соперничествѣ между Сибирью и коренною Россіей (какъ въ вопросѣ о вывозѣ сибирскаго хлѣба), но, напротивъ того, Сибирь какъ бы призвана смѣнить Европейскую Россію.

Стѣнное овцеводство, по мѣрѣ надвиганія зернового хозяйства, вынуждено отступать все далѣе на востокъ, гдѣ есть еще для аренды дешевыя земли.

Первыя земли были арендованы въ Сибири овцеводами по ¼ кофѣйки съ десятины. Теперь цѣна уже дошла до 30 кофѣекъ, но и это, конечно, гроши—даже по сравненію съ дешевыми австралійскими пастбищами.

Пока, однако, передвиженіе овечьихъ стадъ въ Сибирь не приняло еще широкихъ размѣровъ—отчасти изъ-за высокаго желѣзнодорожнаго тарифа на перевозку овецъ (4 рубля съ головы), главнымъ же образомъ потому, что раньше и впереди овецъ сюда пришли люди—и всѣ свободныя казенныя оброчныя статьи въ киргизской степи отдавались въ первую очередь, конечно, переселенцамъ.

Въ будущемъ овцеводство должно развиваться въ Сибири. Относительно облегченія условій перевозки овецъ внесено уже законодательное представленіе въ Государственную Думу. Намѣчено перенесеніе въ Омскъ оцарни мериносовъ изъ Харькова. Что же касается главнаго—распределенія земель въ киргизской степи между людьми и овцами, то здѣсь общая линія размежеванія намѣчается сама собой: она должна пройти по грани между полосой сѣверныхъ ковыльныхъ степей и южныхъ полынныхъ. Ковыльныя степи, лучшія для земледѣія, неудобны для овцеводства; жесткое ковыльное сѣно ранитъ нѣжныхъ тонкорунныхъ овецъ, вызывая нагноеніе и порчу руна. Наоборотъ, полынѣ—признакъ, не обманчивой многато земледѣльцу, но прекрасный кормъ для овецъ; да и зима въ южныхъ полынныхъ степяхъ короче, овца почти круглый годъ здѣсь на подножномъ корму.

Думается, что овцеводы не напрасно надѣются на Сибирь. Сто лѣтъ тому назадъ, при Императорѣ Александрѣ I, когда Сибирь впервые была объявлена «Перу и Мексикой нашей», въ модѣ были фантастическіе проекты разведенія на югѣ Сибири кашмирскихъ козъ. Нашему практическому времени, можетъ быть, удастся осуществить перенесеніе въ Сибирь тонкоруннаго овцеводства.

Изъ мѣстныхъ киргизскихъ овецъ можетъ, по заключенію специалистовъ, путемъ подбора и «улуч-

пени в себя», выработаться хорошая мясная порода. Киргизский рогатый скот представляет породный материал, как рабочий и, отчасти, как мясной скот.

Нововедство.

Особенно хороши киргизскія верховыя лошади, если только удастся остановить, путем подбора роглых мѣстныхъ производителей, ихъ измельчаніе. Кроме того необходимо сбережъ и улучшить знаменитую пѣкогда по своей выносливости томскую лошадь, попадающую даже въ гербъ Томской губерніи; это должно составить одну изъ главнѣйшихъ задачъ Кузнецкой казенной конюшни.

Наконецъ, одной изъ насущныхъ нуждъ сибирскаго скотоводства является лучшая постановка здѣсь ветеринарной помощи, безъ чего не только трудно ожидать развитія такой важной для всякаго скотовода операци, какъ страхованіе скота, но невозможна и борьба съ губительными для скотоводческаго хозяйства эпизоотіями.

Главнымъ препятствіемъ развитію ветеринарнаго дѣла оказывается недостатокъ у насъ вообще и совершенное отсутствіе въ Азиатской Россіи учебныхъ заведеній для подготовки ветеринаровъ. Учрежденіе Ветеринарнаго Института въ Омскѣ поэтому должно быть признано несложнымъ.

Всѣ эти вопросы невидны, негромкіе, но очередны и важны для Сибири, и здѣсь много еще непочатой работы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Главныя нужды Сибири.

Ростъ Сибири.

Общее впечатлѣніе, оставленное въ насъ поѣздкой,— быстрый и прочный ростъ Сибири. Недаромъ сибиряки такъ хлопочутъ о скорѣйшемъ устройствѣ въ

Омскѣ первой западно-сибирской выставкѣ; осуществленію этой мысли нужно помочь. Сибири, дѣйствительно, есть что показать, и ей давно пора сдѣлать смотръ собственнымъ силамъ.

Быстро перерастая прежнія готовыя мѣрки и представленія о ней, Сибирь и—важнѣйшее въ ней—переселенческое дѣло требуютъ для своего развитія широкіхъ и энергичныхъ мѣръ государственной власти.

Обработывающая промышленность.

При этомъ въ ближайшіе годы и переселенческая политика и общая наша экономическая политика въ Сибири должны быть основаны на признаніи той истины, что Сибири еще на много лѣтъ предстоитъ быть страной, главнымъ образомъ, сельско-хозяйственной, добывающей и поставляющей на мировой рынокъ сырье. Какъ ни желательно широкое развитіе въ Сибири обрабатывающей промышленности, но, повидимому, тамъ нѣтъ еще налицо тѣхъ главныхъ условій, безъ которыхъ обрабатывающая промышленность не можетъ получить широкаго значенія: нѣтъ крупныхъ и предпримчивыхъ капиталовъ, подготовленнаго рабочаго класса, достаточныхъ рынковъ сбыта.

При общей зажиточности сибирскаго населенія, въ немъ, по свидѣтельству мѣстныхъ представителей торговаго класса и банковыхъ дѣлателей, сравнительно слабо идетъ накопленіе крупныхъ капиталовъ, да и тѣ, которые есть, отвлечены торговлей и простѣйшими отраслями промышленности. При вѣрныхъ выгодахъ, какія приносятъ въ Сибирь снабженіе мѣстнаго населенія продуктами фабрично-заводской промышленности Европейской Россіи, свободные капиталы уходятъ на посредническія операци, облегчаемыя къ тому же кредитомъ. Въ области промышленности замѣчается приливъ капиталовъ, главнымъ образомъ, въ предпріятія, не требующія большихъ затратъ на оборудованіе, технически простыя и обезпеченныя вѣрной прибылью. Такими предпріятіями являются въ Сибири мукомольныя мельницы, винокуренные и отчасти кожевенные заводы. Другія отрасли промышлен-

ной деятельности почти не привлекают сибирских промышленников.

Нить здесь еще, несмотря на высокий уровень заработной платы, и достаточного класса подготовленных рабочих, отвлекаемых земельным простором.

Сибирь—страна сырья
и вывоза.

Вообще—слишком велики и не использованы еще природная богатства Сибири; надо сначала их извлечь и использовать, поднять доходность сельского хозяйства, горного промысла (дающего теперь заработок на всем громадном пространстве от Урала до Тихого океана только 50—60 тысячам человек рабочих) и не идти на первое время дальше простейшей переработки сельско-хозяйственного сырья. Только как *спутник* поднявшейся доходности сельского хозяйства, горных и лесных промыслов и увеличившейся плотности населения может явиться здесь обрабатывающая промышленность. В ближайшее десятилетие она будет иметь, вероятно, лишь местное значение.

На мировом рынке Сибирь первоначально может получить значение только как свежая страна сырья и вывоза.

Поэтому необходимо в первую очередь развивать в Сибири сельское хозяйство и добывающую промышленность, обеспечив широкій приток туда населения, и не только земледельческого, но вообще рабочего.

Переселение рабочих,
мелких ремесленников
и торговцев.

За последнее время в сплошной, однообразной массе земледельческого переселения в Сибирь начинают уже проскальзывать и другие, пока еще слабая струйки. Кроме переселенцев-пахарей за Уралъ проникают переселенцы-рабочие из деревень, мелкие ремесленники и торговцы из городов. Это—явление сравнительно новое в русской жизни; для Сибири оно благоприятно, и его нужно поддерживать. Кроме известного действующему закону переселения «крестьян и мѣшань-земледельцев», необходимо шире допустить приток на окраину русских людей

и изъ числа ремесленников, торговцев, горнорабочих, хотя бы они и не принадлежали только къ состоянімъ крестьян или мѣшанъ. Облегчение приписки ихъ къ городамъ и селениямъ Сибири, облегчение и даже организация рабочего движения за Уралъ составляютъ теперь очередныя задачи въ переселенческомъ дѣлѣ.

Необходимость расширить
основания переселенческой политики.

Но, принимая въ этомъ направлении непосредственныя практическія мѣры, нужно помнить, что жизнь идетъ быстро въ Россіи, а за Ураломъ, быть можетъ, въ обезпеченности. Заботы объ отдѣльныхъ переселенцахъ, объ отдѣльныхъ частностяхъ, неизбежны и полезны на своемъ мѣстѣ, не могутъ замѣнить общаго плана и творческой работы по обезпеченію *основныхъ* условий здоровой экономической жизни въ обширной странѣ, которая, превосходя пространствомъ и природными богатствами цѣлыя отдѣльныя государства, является единственной русской колоніей. Для всего этого мало той мелочной, хотя бы усердной и кропотливой работы, какою занята переселенческая организация,—надъ улучшеніемъ отдѣльныхъ условий передвиженія, водворенія и хозяйства переселенцевъ въ Сибири. Конечно, и въ этой области многое остается еще не сдѣланнымъ, многое требуетъ поправокъ и дополненій. Въ переселенческомъ дѣлѣ сразу замѣтно немало изъяновъ и недочетовъ. Но иначе и быть не можетъ: переселеніе, въ его будничномъ обиходѣ, дѣло сѣрое, непоказное; оно почти не выходитъ изъ круга тяжелыхъ заботъ деревенской нужды. Помогать этой нуждѣ—задача нелегкая. То, что можно сдѣлать въ условияхъ настоящаго времени, крестьянскаго быта, сибирской глуши и сравнительно небольшихъ средствъ, отпускаемыхъ по переселенческой сметѣ, дѣлается и теперь. Но независимо отъ этой мало кѣмъ замѣчаемой повседневной работы, которую въ будущемъ необходимо, конечно, значительно усилить, въ сибирскую жизнь должны быть внесены и новыя экономическія начала. Каждое изъ нихъ поможетъ правильной постановкѣ переселе-

ния, пожалуй, больше, чѣмъ всё непосредственныя заботы о частностяхъ переселенческаго дѣла.

Важнѣйшими изъ нихъ являются: 1) право собственности на землю, 2) проведение новыхъ желѣзныхъ дорогъ и 3) разнообразіе сельско-хозяйственнаго промысла. О послѣднемъ сказано уже выше.

Значеніе собственности на землю въ Сибири

Право собственности на землю должно послужить главнымъ залогомъ поднятія производительности крестьянскихъ хозяйствъ и обновленія переселенческаго дѣла. Но Сибири нужна и не одна только мелкая крестьянская собственность. Необходимо также обезпечить переселенцамъ содѣйствіе болѣе культурныхъ частновладельческихъ хозяйствъ.

Частная собственность

Силою земледѣльческаго и силою крестьянскаго Сибири не разовьютъ всѣхъ своихъ производительныхъ силъ; для этого необходимо взаимодействие различныхъ отраслей сельскаго хозяйства, обменъ и даже соперничество между ними. Кромѣ прилива на окраину мускульнаго труда, необходимъ и приливъ туда капиталовъ. Даже въ области собственно земледѣлія полезно появленіе, среди мелкихъ индивидуальныхъ владѣній, хозяйствъ болѣе крупнаго промышленнаго типа, обычно улучшающихъ сѣвооборотъ, повышающихъ урожайность и дающихъ заработокъ нуждающемуся въ деньгахъ крестьянскому населенію. Еще болѣе необходимо образованіе сравнительно крупныхъ владѣній для усиленнаго развитія другихъ отраслей сельскаго хозяйства, въ частности овцеводства. Наконецъ, частная собственность на землю является непремѣннымъ условіемъ развитія, хотя бы въ небольшихъ размѣрахъ, промышленности и торговыхъ центровъ.

Въ настоящее время невозможность купить, для устройства какого-нибудь торговаго и промышленнаго предпріятія, подходящій участокъ земли у казны и трудность добиться долгосрочной аренды его отъ крестьянъ служатъ часто непреодолимымъ препятствіемъ для возникновенія предпріятія.

О томъ, въ какіе тиски попадетъ иногда человѣкъ, затѣявшій въ Сибири торговое или промышленное дѣло и соорудившій необходимыя для него постройки на чужой крестьянской землѣ, купить которую онъ не имѣетъ права,—въ Сибири можно услышать немало почти трагическихъ по своей внутренней правдѣ разсказовъ. То же отсутствіе права собственности вслѣдствіе задерживаетъ, по всеобщимъ заявленіямъ мѣстныхъ людей, развитіе такихъ торгово-промышленныхъ поселеній, какъ Камень, Тайга, Боготолъ.

Поэтому законъ 8 Іюня 1901 года—о насажденіи въ Сибири частной собственности на землю—необходимо возможно скорѣе провести въ жизнь, пересмотрѣвъ его и устранивъ изъ него всѣ сложныя формальности и сословныя ограниченія.

Съ развитіемъ частной собственности, мелкой и крупной, а съ нею и промышленныхъ предпріятій, связаны еще болѣе болѣе, чѣмъ теперь, ростъ городовъ и городского населенія и расширеніе гражданскаго оборота, увеличеніе обѣма цѣнностей, количества сдѣлокъ по недвижимому и движимому имуществу и всякаго рода договоровъ. Вырастетъ неизбежно и число судебныхъ споровъ. Ко всему этому Сибири подготовлена недостаточно. Мало того, нынѣшнее административное устройство населенныхъ центровъ, средства, которыми располагаетъ мѣстная власть для необходимой охраны правопорядка, особенно въ сельскихъ мѣстностяхъ, и, наконецъ, количество судебного персонала совершенно не приспособлены и къ современнымъ потребностямъ мѣстной жизни, а не только къ предстоящему ей развитію.

Въ устройствѣ мѣстнаго административнаго управленія прежде всего поражаетъ несоотвѣтствіе нынѣшнимъ условіямъ давно устарѣвшаго распредѣленія многихъ мѣстностей Сибири по уѣздамъ, а уѣздовъ по губерніямъ. Установленныя до проведенія Великаго Сибирскаго пути, создавшіаго новые промышленные центры и рѣзко измѣнившіаго рабѣ сложившуся

Вопросы мѣстнаго управленія.

схему заселения Сибири, нивышнія границы между уѣздами, а также между губерніями и областями въ Азіатской Россіи, какъ, впрочемъ, и во многихъ частяхъ Европейской Россіи, не отвѣчаютъ болѣе требованіямъ правильнаго порядка управления. Въ противность этимъ требованіямъ онѣ связываютъ мѣстности, по экономическимъ, этнографическимъ и географическимъ условиямъ совершенно разнородныя и не танущія къ одному губернскому центру. Акмолинская область, напримѣръ, когда-то исключительно киргизская, заключаетъ въ себѣ теперь, вмѣстѣ съ южными мало заселенными и почти сплошь киргизскими уѣздами, такіе ставшіе русскими уѣзды, какъ Петропавловскій, Кочетавскій и частью Омскій. Но въ составъ ея не входятъ подчиненные далекому Тобольску Курганскій и Ишимскій уѣзды, южныя части которыхъ вполнѣ схожи съ сѣверомъ киргизской степи. Мало того, къ Тобольской же губерніи относится и начинающаяся у границы Омской городской земли Тюкалинскій уѣздъ, всѣ интересы котораго такъ связаны съ Омскомъ, что здѣсь пришлось сосредоточить завѣдываніе всѣми переселенческими участками и переселенцами Тюкалинскаго уѣзда. Назрѣваетъ вопросъ о пересмотрѣ границъ и Томской губерніи, гдѣ, напримѣръ, часть Змѣиногорскаго уѣзда въ полицейскомъ отношеніи подвѣдома Семипалатинскому Губернатору, а во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ подчинена Томской губерніи, и гдѣ имѣется такой уѣздъ, какъ Варнаудскій, самъ по себѣ вполнѣ достаточный для образованія въ немъ особаго губернскаго центра. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, а ихъ немало, измѣненія границы губерній представляются въ интересахъ надлежащаго порядка управления весьма целесообразными.

Тѣ же интересы лучшаго обезпеченія безопасности и порядка вызываютъ преобразование многихъ селъ въ города. Число поселеній, имѣющихъ совершенно городской характеръ, въ Сибири быстро растетъ уже и теперь, преодолевая всѣ существующія къ этому препят-

ствія—невозможность покупки усадебныхъ участковъ непринисанными къ мѣстному обществу лицами и отсутствіе особой выгонной земли.

Села Камень, Татарка, Тайга, Боготолъ и многія другія торговля поселенія при ставнѣяхъ и пристаняхъ давно и настойчиво ходатайствуютъ о преобразованіи ихъ въ города.

Всѣ эти просьбы слѣдуетъ удовлетворить, не выжидая, пока распутаются взаимныя отношенія по землѣ хозяевъ земли въ этихъ селкахъ—надѣльныхъ владѣльцевъ—и всего пришлаго торговаго люда; надо озобоиться отводомъ имъ, гдѣ и сколько окажется возможнымъ, казенной земли подъ «городъ» и ввести у нихъ упрощенный типъ городского управления. Вопросъ этотъ будетъ незамедлительно рассмотрѣнъ Совѣтомъ Министровъ.

Но не только въ этихъ болѣе или менѣе значительныхъ населенныхъ пунктахъ Сибири, а и во всѣхъ поселеніяхъ—безъ различія, городской или сельскій характеръ приданъ имъ жизнью—сказывается насущная потребность въ болѣе надежномъ обезпеченіи общественной безопасности и охраны правъ.

Въ этомъ отношеніи особенно важенъ недостатокъ мировыхъ судей, участки которыхъ безмѣрно велики. Къ тому же судьи несутъ здѣсь и обязанности судебныхъ слѣдователей, а часто и младшихъ нотаріусовъ. Въ самомъ близкомъ будущемъ раздѣленіе этихъ функций совершенно необходимо. Да и теперь во многихъ случаяхъ разслѣдованіе преступленій, какъ мы неоднократно могли убѣдиться на мѣстѣ, крайне замедляется, внушая мысль о безнаказанности совершенныхъ дѣяній. Еще чаще замедляется приведеніе въ исполненіе судебныхъ приговоровъ и рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ.

Все это объясняется и опутительною недостаточностью исполнительныхъ органовъ административной и судебной власти—полиціи. Между тѣмъ въ Сибири есть мѣстности, гдѣ на чиновъ полиціи возложены до сихъ поръ и судебно-мировыя обязан-

ности. Въ отношеніи полиціи наименѣ благоустроены Стенная область. Въ Акмолинской области, пространствомъ превосходящей Францію и мѣстами удваивающей свое населеніе въ нѣсколько дѣтъ, при 5 начальникахъ уѣздовъ и 5 помощникахъ—всего 20 низшихъ полицейскихъ служителей и 61 конно-полицейскій урядникъ, но до сихъ поръ не имѣется полицейскихъ становъ и приставовъ. Въ Семипалатинской области полиціи еще меньше. Немногимъ лучше обстоитъ дѣло въ Томской и Тобольской губерніяхъ.

Увеличеніе числа мирныхъ судей и введеніе въ Сибирь института судебныхъ слѣдователей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и усиленіе полиціи, по всѣмъ этимъ соображеніямъ, представляется неотложнымъ.

Земство въ Сибирь.

Наконецъ, необходимо особо отмѣтить весьма крупный недостатокъ въ устройствѣ внутренняго управленія Сибиріи—отсутствіе здѣсь земскихъ учреждений. Правда, и многихъ условій, необходимыхъ для введенія земства, въ Сибирь пока нѣтъ. Нѣтъ прежде всего собственниковъ земли, на которыхъ возможно было бы возложить и тяготу, и права земскаго самообложенія, нѣтъ и прочно установившагося распределенія населенія, безъ чего трудно рассчитывать на правильное выясненіе имъ самыхъ мѣстныхъ нуждъ и потребностей. Все здѣсь еще какъ бы въ постоянномъ движеніи; экономическая жизнь только отливается въ новыя формы, еще не сложившіяся и не окрѣпшія достаточно. Но въ будущемъ условія эти должны быстро измѣниться. И когда съ укрѣпленіемъ земли въ собственность старожиловъ и переселенцевъ, появленіемъ тамъ владѣній на «кулиенной» землѣ, развитіемъ городской жизни и болѣе плотнымъ заселеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, періодъ лихорадочнаго распределенія земельного запаса между пришлымъ людомъ закончится, а самое населеніе, связанное общими интересами, какъ бы кристаллизуется и перестанетъ быть механическою смѣсью чуждыхъ другъ другу выходцевъ изъ Перми, Полтавы и Могилева,—

тогда настанетъ пора и для введенія сибирскаго земства. И время это при быстромъ ходѣ заселенія Сибиріи, надо думать, недалеко.

Новыя желѣзныя дороги въ Сибирь—главная нужда. До настоящаго времени экономическая жизнь Сибиріи стянута въ узкую центральную полосу, прорѣзанную Сибирской желѣзной дорогой. Только теперь начали строить Амурскую дорогу и намѣчается постройка южно-сибирской.

Амурская дорога имѣетъ главную задачу накрѣпко приковать къ Россіи ея Дальній Востокъ.

Болѣе скромная по своему политическому значенію южно-сибирская магистраль призвана тѣснѣе связать нашу сибирскую окраину съ мировымъ рынкомъ, дать южнымъ киргизскимъ степямъ, богатымъ хлѣбомъ, скотомъ, золотомъ, мѣдью и каменнымъ углемъ, возможность сбыта этихъ богатствъ.

Въ этомъ отношеніи на южно-сибирскую дорогу возлагаются на мѣстѣ великія надежды,—и можно предсказать, что такихъ надеждъ южно-сибирская магистраль не оправдаетъ: отъ нея ждутъ всего, а она дастъ только многое.

Но она дастъ устойчивость землѣдѣльческимъ хозяйствамъ въ киргизской степи, обезпечитъ имъ сбытъ хлѣба; она отодвинетъ далеко къ югу линію предѣла производства пшеницы и обезпечитъ выходъ въ первые же годы на рынокъ 58 милліонамъ пудовъ хлѣбныхъ избытковъ. Если желѣзная дорога Европейской Россіи долгое время питалась, по извѣстному выраженію, «крестьянской рожью», то южно-сибирской магистрالی обезпечено въ самомъ началѣ питаніе сибирской пшеницей. Та же дорога облегчитъ развитіе на югѣ культурнаго меринсоваго овцеводства. Въ настоящее время и овцеводы не рискуютъ забираться въ глушь, за сотни верстъ отъ желѣзнодорожнаго пути; они предпочитаютъ пастбища, хотя бы и менѣе удобныя, зато лежащія ближе къ линіи. Продукты овцеводства и скотоводства дадутъ новой дорогѣ, по

Новыя желѣзныя дороги. Южно-Сибирская магистраль.

самоу скромному подсчету, 6 миллионъ пудовъ груза въ первые же годы. Наконецъ, южно-сибирская магистраль дастъ толчокъ развитію мѣдно-плавильнаго дѣла, условия для котораго въ ея районѣ чрезвычайно благоприятны благодаря соседству мощныхъ мѣсторожденій мѣдной руды и залежей каменнаго угля, и вызоветь къ жизни эксплуатацію богатыхъ мѣстныхъ серебро-свинцовыхъ рудъ. Всего горные промыслы могутъ дать около миллиона пудовъ для вывоза.

Возвъ продуктовъ, необходимыхъ для киргизскихъ и переселенческихъ хозяйствъ, исключенъ специальной комиссіей въ размѣрѣ около 30 миллионъ пудовъ. Такимъ образомъ, безъ грузовъ новая дорога не останется.

Вопросъ о направленіи южно-сибирскаго рельсового пути и о пунктахъ примыканія его къ существующей желѣзнодорожной линіи является теперь предметомъ напряженнаго интереса всей Западной Сибири: онъ былъ темой многочисленныхъ совѣщаній нашихъ съ мѣстными людьми.

Новый рельсовый путь слѣдуетъ, прежде всего, вести параллельно существующей Сибирской дорогѣ. Перпендикулярные подъѣздные пути къ ней не замѣнять новой магистральной, ничего не дадутъ для транзита и для передвиженія войскъ, приведутъ къ переобремененію грузами Сибирской дороги и могутъ имѣть второстепенное колонизаціонное значеніе. Между тѣмъ, если будетъ проведена южная магистраль, то можно быть спокойнымъ за то, что обѣ эти магистральныя линіи скоро свяжутся поперечными рельсовыми путями.

Новая параллельная магистраль должна пройти, конечно, южнѣе, а не сѣвернѣе существующей,—ближе къ государственной границѣ и сквозъ мѣстности, болѣе привлекающія переселенцевъ. Но при этомъ она должна пройти настолько далеко отъ Сибирской дороги, чтобы не конкурировать съ ней и не обслуживать однихъ и тѣхъ же районовъ. Хозяйство Сибирской дороги теперь упрочилось (за 1909 годъ пассажирское движеніе превзошло $3\frac{1}{2}$ миллиона человекъ, товарное—310 мил-

ліонъ пудовъ, общая чистая прибыль—3.220 тысячъ рублей); но имѣть никакихъ основаній подорывать его конкуренціей вмѣсто того, чтобы приобщить новой дорогой къ хозяйственной жизни Россіи новые достаточно жизнеспособные районы заселенія.

Этимъ требованіямъ наиболѣе отвѣчаетъ линія *Уральскъ-Семипалатинскъ*, верстахъ въ 400 къ югу отъ существующей дороги.

Западнымъ начальнымъ пунктомъ ея намѣченъ Уральскъ, а не Оренбургъ, по слѣдующимъ главнымъ соображеніямъ. При направленіи на Уральскъ строительная стоимость дороги будетъ почти на 16 миллионъ рублей меньше; это дастъ ежегодное сбереженіе, въ уплатѣ процентовъ на капиталъ, около 700 тысячъ рублей. Пробѣгъ грузовъ до южныхъ портовъ черезъ Уральскъ короче на 72 версты и, слѣдовательно, дешевле на $1\frac{1}{2}$ копейки съ пуда; это дастъ общую ежегодную экономію, примѣрно, около 300 тысячъ рублей. Кромѣ того уральское направленіе обеспечиваетъ кратчайшую доставку южно-сибирской пшеницы на поволжскія мельницы и облегчитъ постройку моста черезъ Волгу у Саратова, переимку Покровско-Уральской линіи на широкую колею и оживленіе дѣятельности Рязанско-Уральской дороги.

Проведеніе южно-сибирской магистральной черезъ Семипалатинскъ наиболѣе желательно въ виду того, что этотъ городъ является естественнымъ узловымъ пунктомъ и при проведеніи будущей туркестано-сибирской желѣзной дороги. Дальнѣйшій же выходъ изъ Семипалатинска черезъ Алтайскій округъ (Барнаулъ) на соединеніе съ Сибирской дорогой можно вести, какъ это намѣчено комиссіей о новыхъ желѣзныхъ дорогахъ, на Ново-Николаевскъ—крупный торговый центръ, съ вѣткой на Байскъ, но еще желательнѣе, если только это не встрѣтитъ техническихъ препятствій, отодвинуть соединеніе двухъ магистралей, по соображеніямъ общегосударственнымъ,—возможно восточнѣе, напрямѣръ, къ Ачинску или къ Мариинску.

Новый рельсовый путь, долженствующий связать съ Европейской Россіей дальій край, примыкающій къ границамъ Монголіи и Китая, несомнѣнно упрочитъ создание необходимаго твердаго—изъ живыхъ людей—оплота нашихъ владѣній у этихъ оживающихъ теперь границъ. Нельзя не предвидѣть того значенія, какое можетъ имѣть этотъ путь для Россіи, историческими судьбами призванной охранять занятую европейскими племенами территорію отъ напора стремящихся развиться по ней азіатскихъ расъ.

Во всякомъ случаѣ эта желѣзнодорожная линия съ новымъ переходомъ черезъ Волгу дастъ нашимъ войскамъ возможность, минуя однокольный путь черезъ Уралъ, быть въ трудную минуту на мѣстѣ—во время.

Главные выводы.

Общіе выводы изъ полученныхъ во время поѣздки впечатлѣній могутъ быть сдѣланы, разумѣется, лишь съ величайшей осторожностью. Прежде всего мы видѣли только Западную Сибирь. Хотя она именно и привлекаетъ къ себѣ главный потокъ переселенцевъ и потому имѣетъ въ переселенческомъ дѣлѣ наибольшее значеніе, но заключеніе о положеніи переселенческаго дѣла въ Западной Сибири распространять на всю его постановку, конечно, трудно: наиболее суровыя условія заселенія—на Дальнемъ Востока. Тамъ же сосредоточены, очевидно, и главныя трудности этого дѣла. Кроме того, и въ Западной Сибири, несмотря на разнообразіе посѣщенныхъ мѣстностей, мы видѣли не все; мы были лишь на краю тайги, не имѣя возможности углубиться въ нее на многія сотни верстъ; мы не были на крайнемъ сухомъ югѣ киргизскихъ степей.

Однако, и въ этихъ условіяхъ общая картина всего нами видѣннаго далеко не однообразна. Наряду съ

явленіями положительнаго характера мы не могли не замѣтить слабыхъ сторонъ и отдѣльныхъ случаевъ, свидѣтельствующихъ о недостаткахъ въ постановкѣ дѣла.

Поданныя намъ и словесно заявленныя прошенія и жалобы переселенцевъ говорили о томъ, сколько еще на мѣстѣ неудовлетворенной по тѣмъ или инымъ причинамъ переселенческой нужды, и съ какими жертвами для отдѣльныхъ единицъ творится большое государственное дѣло заселенія новыхъ земель. Многое, конечно, объясняется и недостатками въ постановкѣ дѣла, многое—ошибками и недосмотрами учреждений и лицъ, его ведущихъ.

Но всѣ эти частности имѣютъ меньшее значеніе и легче поддаются исправленію, чѣмъ коренныя условія, опредѣляющія самый ходъ переселенческаго дѣла. Въ этомъ отношеніи мы не могли не вынести общаго впечатлѣнія, что если работа правительственной организаціи переселенія во многомъ несовершенна и не всегда отвѣчаетъ предъявляемымъ жизнью требованіямъ, то самое дѣло переселенія и постепеннаго приобщенія къ русской культурѣ новыхъ пространствъ, какъ проявленіе творческихъ народныхъ силъ, совершается съ непоколебимой твердостью и какъ бы стихійной неизбѣжностью; малолюдная Сибирь быстро оживаетъ и крѣпнеть.

И это—самое важное.

Ознакомленіе на мѣстѣ съ этими общими условіями переселенія,—а не ревизія дѣятельности переселенческихъ учреждений, производившаяся нами лишь попутно,—и было главной цѣлью поѣздки. Къ этой же сторонѣ дѣла приурочены и излагаемые ниже главнѣйшіе выводы, намѣчающіе рядъ основныхъ мѣропріятій, въ первую очередь необходимыхъ, по нашему убѣжденію, для улучшенія и упорядоченія переселенія.

1. *Необходимо отводить надѣлы старожиламъ и переселенцамъ Сибири не въ пользованіе, какъ теперь, а въ собственность.* Только право собственности на землю дастъ прочность крестьянскимъ хозяйствамъ

и послужить основанием для последующего правильного развертывания земель между отдельными владельцами. Вышесть съ тѣмъ собственность и связанная съ нею свобода распоряженія землей значительно облегчатъ последующій переходъ части надѣльных земель, отводившихся до сихъ поръ съ чрезмѣрной щедростью, такъ что владельцы не могли обработать и половины своихъ обширныхъ надѣловъ, въ руки новыхъ пришельцевъ. Это подниметь и общій уровень использования производительныхъ силъ Сибири.

2. *Необходимо достигнуть постепеннаго объединенія правительственной земельной политики до Урала и за Ураломъ.* Съ этою цѣлью необходимо последовательно проводить, по возможности при самомъ отводѣ надѣловъ переселенцамъ и старожиламъ Сибири, начало покровительства *мелкой единоличной собственности на землю.*

Вышесть съ тѣмъ, необходимо теперь же развить и упорядочить начавшееся въ Сибири, по почину самого населенія, дѣло внутринадѣльного размежеванія на земляхъ, уже отведенныхъ въ надѣлы старожиламъ и переселенцамъ въ прежнее время.

3. *Въ лучшихъ сибирскихъ районахъ — своевременно перейти къ продажѣ земель переселенцамъ.* Нельзя по всей Азиатской Россіи отводить и лучшія и худшія земли одинаково даромъ. Нужно сообразовать условія получения участковъ съ трудностью ихъ заселенія и съ различными естественными и экономическими свойствами отдельныхъ сибирскихъ районовъ. Правильная расценка и продажа лучшихъ земель, при одновременномъ усиленіи правительственной помощи въ суровыхъ мѣстностяхъ — наиболѣе вѣрное средство достигнуть планомернаго и прочнаго заселенія Сибири.

Продажу участковъ казенной земли переселенцамъ въ Азиатской Россіи слѣдовало бы производить на льготныхъ началахъ, примѣнительно къ правиламъ Крестьянскаго Банка, соотвѣтственно дополнивъ пересматриваемый теперь въ законодательныхъ учрежде-

ніяхъ Указъ 27 Августа 1906 года о предоставленіи для устройства крестьянъ казенныхъ земель въ Европейской Россіи.

4. *Желательно возстановить свободу ходачества,* такъ какъ приемы искусственнаго ограниченія ходачества и предварительнаго распределенія участковъ между ходочами, какъ показали опыты, не достигаютъ цѣли.

Вышесть съ тѣмъ желательно сохранить льготы по желѣзнодорожному проѣзду переселенцевъ и ходочковъ, сообразовать размѣры этихъ льготъ съ различіемъ условій выхода и водворенія переселенцевъ въ отдельныхъ мѣстностяхъ.

5. *Денежныя ссуды переселенцамъ на домообзаведство слѣдуетъ сообразовать не съ большей или меньшей бедностью отдельныхъ переселенцевъ, которая не поддается учету, а съ большей или меньшей трудностью заселенія даннаго района.* Допускаемые теперь размѣры ссудъ (не выше 165 рублей на семью) въ тайгѣ недостаточны, тогда какъ на Алтаѣ чрезмѣрны. Дѣйствующій ссудный законъ необходимо измѣнить, основавъ его на мысли о порайонныхъ нормахъ денежныхъ ссудъ и приблизивъ условія выдачи ссудъ къ дѣйствительнымъ условіямъ водворенія (расчетка тайги и пр.).

6. *Необходимо создать и развить агрономическую помощь переселенцамъ.* Въ новыхъ, непривычныхъ условіяхъ переселенцы часто безпомощны; нужно помочь имъ выяснить наиболѣе подходящія и выгодныя для каждой мѣстности отрасли земледѣльческаго и вообще сельско-хозяйственнаго промысла и развивать въ Сибири не одно только земледѣліе, но и скотоводство, овцеводство, культуру промышленныхъ растений.

Для правильной постановки агрономической помощи настоятельно требуется скорѣйшее открытіе на мѣстѣ, въ Сибири, сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, которыя могли бы готовить нужныхъ дѣятелей. Кроме того, дѣйствительнаго успѣха агрономической

мѣропріятіи можно ожидать лишь въ связи съ развитіемъ среди переселенцевъ и старожиловъ Сибири началъ правильного разверстанія и единоличнаго владѣнія землей, какъ необходимой основы прочныхъ улучшеній въ хозяйствѣ.

7. *Удаломъ съ мелкими крестьянскими владѣніями надлежитъ обезпечить образованіе за Ураломъ также частной земельной собственности.* Мысль эта была уже выражена въ законѣ 8 Іюня 1901 года, не получившемъ однако примѣненія. Между тѣмъ потребность въ образованіи частновладѣльческихъ хозяйствъ въ Сибири становится все болѣе настоятельной. Сосѣдство болѣе крупныхъ и болѣе культурныхъ хозяйствъ, тѣмъ обычная переселенческая, можетъ помочь общему поднятію сельскаго хозяйства за Ураломъ, внести въ него разнообразіе и улучшенные приемы и дать крестьянскому населенію подсобные заработки. Кромѣ того, развитіе частной собственности имѣетъ и общее культурно-политическое значеніе: оно можетъ дать притокъ сюда свѣжихъ силъ, образованныхъ и предприимчивыхъ дѣятелей, безъ которыхъ едва-ли мыслимо правильно поставить и земское и городское хозяйство.

8. *Слѣдуетъ продолжать непрерывное заселеніе киргизской степи русскими переселенцами,* какъ путемъ предварительнаго землеустройства киргизъ, желающихъ перейти къ осѣлости, такъ и путемъ изыятій земельныхъ излишковъ у киргизъ, не получившихъ осѣлаго устройства, и облегченіемъ аренды киргизскихъ земель переселенцами:—отъ широкаго прилива въ степь русскихъ переселенцевъ выигрываютъ и переселенцы, и киргизы, и самая степь, и русская государственность.

9. *Нужно озаботиться обезпеченіемъ сбыта сибирскому хлѣбу и другимъ продуктамъ сибирскаго хозяйства.* Съ этою цѣлью желательно: 1) провести южно-сибирскую магистраль Уральскъ — Семипалатинскъ, съ выходомъ на Ачинскъ или на Ново-Николаевскъ; 2) связать воднымъ каналомъ (Чусовая—Рѣшетка) и шлюзованіемъ рѣкъ бассейны Камы и Иртыша,

и 3) постепенно отмѣнить Челябинскій переломъ тарифа.

Обыту сибирскаго хлѣба на Дальній Востокъ могло бы также помочь при предстоящемъ пересмотрѣ торговыхъ договоровъ съ Китаемъ *обложженіе ввозною пошлиною маньчжурскаго хлѣба.* Еще большее значеніе мѣра эта имѣла бы для развитія хлѣбопашества въ самомъ Приамурьѣ и ближайшихъ къ нему мѣстностяхъ Восточной Сибири; между тѣмъ создать выгодность тамъ земледѣльческаго промысла—*единственный* способъ привлечь туда широкий потокъ переселенцевъ и прочно закрѣпить за нами эту окраину.

10. *Необходимо вообще расширить и углубить постановку переселенческаго дѣла,* привести силы переселенческой организаціи въ соотвѣтствіе съ государственнымъ значеніемъ прочнаго заселенія Сибири и, въ связи съ этимъ, усилить и кредиты переселенческой смѣты.

товъ оцѣнивается нами безъ преувеличенія. Было бы самообманомъ и самообольщеніемъ думать, что жизнь сельской Россіи уже мѣняется. Во многихъ мѣстностяхъ землеустройство почти не начато или идетъ туго и медленно; въ дѣлѣ этомъ остается много работы, многое нужно усовершенствовать, развить, исправить.

Но если идея землеустройства не вездѣ дала уже обильные всходы, то повсемѣстно брошены ея сѣмена; если въ крестьянскомъ земельномъ быту не произошло рѣшительнаго перелома, то въ немъ уже совершается глубокой свигитъ, и если землеустройство не много еще дало, то оно многое сулитъ Россіи.

Указъ 9
1906 года.

Приступъ къ осуществленію началъ землеустройства былъ положенъ Указомъ 9 Ноября 1906 года о выходѣ и выдѣлѣ изъ общины, а вездѣ затѣмъ—образованіемъ, начиная съ 1907 года, изъ земель Крестьянскаго Банка мелкихъ хуторскихъ и отрубныхъ участковъ для распродажи въ единоличную собственность.

Указъ 9 Ноября далъ возможность наиболее энергичнымъ и предприимчивымъ людямъ выйти изъ общины и, подъ охраной закона, укрѣпить за собою надѣльную землю въ собственность. Этимъ было сдѣлано главное. Стремленіе къ единоличной собственности оказалось во многихъ случаяхъ сильнѣе привычки къ общинѣ, и откликомъ народной жизни на Указъ 9 Ноября явилось быстрое и повсемѣстное развитіе укрѣпленій. Въ одной Самарской губерніи число укрѣпившихся къ настоящему времени превалило 100 тысячъ дворовъ. Общее же число укрѣпленій по всей Россіи достигло къ 1 Юля этого года—1.350.000.

Нерѣдко утверждаютъ, будто причина развитія укрѣпленій—желаніе раздѣлаться съ надѣльной землей, а слѣдствіе ихъ—обезземеленіе значительной части крестьянства и сосредоточеніе надѣловъ въ немногихъ рукахъ.

Это утвержденіе повторяется такъ настойчиво, что на немъ нельзя не остановиться.

Въ дѣйствительности, изъ числа крестьянъ, укрѣпившихъ свои надѣлы въ собственность, продало ихъ, къ 1 Марта 1910 года, 129 тысячъ домохозяевъ. При 1.350.000 укрѣпленій это составляетъ около 10%. Купили проданные надѣлы 112 тысячъ домохозяевъ; такимъ образомъ, число покупателей почти совпадаетъ съ числомъ продавцовъ. Это показываетъ, что скупка надѣловъ въ одні руки во всякомъ случаѣ не приняла сколько-нибудь угрожающаго характера даже въ первые годы дѣйствія Указа 9 Ноября; а нылѣ закономъ уже поставлены сосредоточенію надѣловъ въ однихъ рукахъ весьма тѣсныя границы.

Опасеніе обезземеленія части крестьянъ также преувеличено: значительное число крестьянъ, продавшихъ надѣлы, переселяется затѣмъ въ Азіатскую Россію, а нѣкоторые, получивъ за проданную землю наличныя деньги, вносятъ ихъ въ задатокъ при покушѣ у Крестьянскаго Банка или казны новыхъ отрубныхъ или хуторскихъ участковъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ хозяйство только переносится съ прежняго надѣла на болѣе подходящіе участки.

Что касается продажи надѣльныхъ земель тѣми крестьянами, которые окончательно отрываются отъ земли, то на это, неизбежное съ развитіемъ жизни каждаго государства, явленіе не слѣдуетъ, конечно, закрывать глазъ; оно осложняетъ и задачи правительства, обязывая его содѣйствовать устройству такихъ лицъ въ иныхъ, не-земледѣльческихъ отрасляхъ труда. Но въ скрытой формѣ частичное обезземеленіе всегда существуетъ и въ общинѣ. А съ точки зрѣнія интересовъ земли и земледѣлія переходъ отдѣльныхъ мелкихъ клочковъ надѣльной земли, которые сами по себѣ не могли обезпечить устойчиваго хозяйства и не всегда даже обрабатывались ихъ владѣльцами, нерѣдко сдававшими ихъ въ аренду,—въ руки дѣйствительно крѣпкихъ землѣ хозяевъ, представляется только желательнымъ.

Всё эти соображения относятся однако лишь к ничтожной части случаев применения Указа 9 Ноября. Въ девяти десятыхъ всѣхъ случаевъ, укрѣпленія совершаются средними крестьянами-домохозяевами и въ конечномъ итогѣ не только не ведутъ къ обезземеленію, но упрочиваютъ связь ихъ съ надѣльной землей.

Свѣдомъ за укрѣпленіями, хотя и не съ такой быстротой, начали развиваться выдѣлы надѣльной земли укрѣпившихся дворовъ къ однимъ мѣстамъ; отдѣльные разбросанныя полосы стали стягиваться къ своему живому и дѣятельному центру—собственнику. Первые единичные выдѣлы имѣли большое психологическое значеніе, пробивая брешь въ обычной деревенской косности. Но у нихъ были и свои обратныя стороны. Выдѣлъ каждаго отдѣльнаго двора влекъ за собой общую передвижку полосъ и измѣненіе землепользованія многихъ домохозяевъ. Это задерживало выдѣлы и вызывало перѣдкія жалобы. Необходимо было дожидаться общаго поворота въ отношеніи крестьянъ къ отрубному и хуторскому владѣнію землей—стремленія къ развертанію со стороны цѣлыхъ сельскихъ обществъ. Въ этомъ направленіи, кромѣ укрѣпленій по Указу 9 Ноября, создавшему на мѣстахъ многочисленныхъ, хотя и разрозненныхъ, но зато одушевленныхъ личной заинтересованностью, поборниковъ сведения надѣльной земли къ одному мѣсту,—полезное значеніе имѣлъ примѣръ единоличныхъ отрубныхъ хозяйствъ, устроенныхъ на земляхъ Крестьянскаго Банка.

Дѣятельность Крестьянскаго Банка.

Дѣятельность Банка была поставлена въ этомъ отношеніи въ наиболѣе простыя и потому благоприятныя условія. Приобрѣтеніе земель, хотя бы хуторами и отрубями, прежде всего отвѣчало стремленіямъ крестьянъ къ количественному расширенію землепользованія. Далѣе, и покупка земель у Банка была обставлена крайне льготными условіями, доходящими до выдачи 100% стоимости хуторовъ въ сеуду. Наконецъ, разбивать на участки сплошныя площади банковскихъ имѣній, конечно, легче, чѣмъ устраивать крестьянскій надѣлъ,

гдѣ проводимыя межи разграничиваютъ не только землю, но и сложившіяся издавна отношенія живыхъ людей, владѣльцевъ этой земли.

Для того, чтобы на первыхъ же порахъ не смутить и не отшатнуть покушниковъ прямолинейнымъ проведеніемъ началъ новаго землеустройства, ликвидация банковскихъ земель велась съ особой осторожностью. Вниманіе землеустроительныхъ комиссій постоянно обращалось на необходимость строгой оцѣнки всей совокупности мѣстныхъ условій. Хуторское устройство признавалось возможнымъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда подпочвенная вода была очень близка и когда окрестное населеніе не видѣло особыхъ трудностей въ расселеніи хуторами. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ было принято за правило не нарушать привычки крестьянъ къ совместной жизни и развертывать одну лишь полевою землю отрубями, образуя отдѣльныя усадебныя мѣста для поселковъ. Болѣе того: часто допускалось развертаніе на отрубѣ не всей полевою земли; учитывалось привычное для крестьянъ пользованіе выгономъ, и часть земель оставлялась въ нераздѣльномъ владѣніи, для общаго выпаса скота.

Начатая такимъ образомъ, по линіи наименьшаго сопротивленія, дѣятельность землеустроительныхъ комиссій и Крестьянскаго Банка достигла своей цѣли: работы на банковскихъ земляхъ пробудили интересъ и сочувственное вниманіе крестьянства къ началамъ хуторского и отрубного владѣнія. За четыре года работъ на земляхъ Крестьянскаго Банка устроено свыше 107 тысячъ единоличныхъ, хуторскихъ и отрубныхъ хозяйствъ, на площади въ 1¼ миллионъ десятинъ. При этомъ въ осматрѣнныхъ нами банковскихъ работахъ въ Казанской, Симбирской и Саратовской губерніяхъ нельзя не отмѣтить умѣлости въ использованіи рельефа почвы и условій водоснабженія для устройства небольшихъ поселковъ, съ оставленіемъ подъ присельные выгоны наименѣе удобныхъ земель, съ удачнымъ расположеніемъ отрубей въ наибольшей близости къ поселкамъ ихъ выдѣль-

цевь, и съ дорожной сѣтью, обезпечивающей сообщеніе каждой усадьбы съ ея полевыми отрубомъ кратчайшимъ путемъ.

Разверстаніе надѣльныхъ земель.

Съ банковскихъ земель — въ известной степени, подъ влияніемъ ихъ примѣра — центръ тяжести землеустроительныхъ работъ окончательно перешелъ уже на крестьянскія надѣльныя земли. Въ этомъ признакъ жизненности начала землеустройства. Разверстаніе надѣльныхъ земель, связанное съ перестройкой цѣлаго ряда сложившихся земельныхъ привычекъ и отношеній, мыслимо только при сознательномъ желаніи самихъ крестьянъ перейти къ новымъ формамъ земельного быта; и если первые опыты землеустройства на банковскихъ земляхъ подавали надежду на вѣрность избранной цѣли, то ростъ внутринадѣльного землеустройства за два послѣдніе года свидѣтельствуетъ о томъ же со всею убѣдительною совершившагося.

Стремленіе къ разверстанію черезполосности надѣльныхъ земель идетъ, все усиливаясь. Къ началу этого года оно выразилось въ ходатайствѣ о разверстаніи 1.319 тысячъ крестьянскихъ дворовъ. Полевая работа текущаго года идутъ на площади свыше 5 милліоновъ десятинъ, принадлежащихъ 513 тысячамъ дворовъ. Около 40% всѣхъ работъ, какъ законченныхъ, такъ и производящихся, относится къ раздѣламъ крупныхъ обществъ на мелкія; но еще больше, до 60%, приходится на законченный видъ землеустройства — созданіе единоличныхъ владѣній хуторского и отрубного типа. Число такихъ, окончательно устроенныхъ къ концу текущаго года, отрубныхъ и хуторскихъ хозяйствъ на надѣльныхъ земляхъ достигнетъ, по всей вѣроятности, 400 тысячъ дворовъ, сверхъ 107 тысячъ единоличныхъ хозяйствъ на бывшихъ банковскихъ земляхъ.

Кромѣ быстрого количественнаго развитія работъ на надѣльныхъ земляхъ, заслуживаетъ особаго вниманія то обстоятельство, что разверстаніе надѣловъ идетъ теперь:

1) преимущественно цѣлыми селеніями, а не отдѣльными дворами;

2) наряду съ многоземельными селеніями столь же часто и въ малоземельныхъ, и

3) хотя и не сплошными массивами, а разбросанными оазисами, — но зато идетъ повсемѣстно.

Наиболѣе существенная и дорогая черта внутринадѣльного землеустройства за послѣднее время — переходъ къ хуторскому и отрубному хозяйству не отдѣльныхъ крестьянъ, а, по большей части, цѣлыхъ селеній. Выдѣлы къ однимъ мѣстамъ отдѣльныхъ домохозяевъ, укрупнившихъ за собой надѣльныя полосы, составляютъ только 17,8% — менѣ одной пятой всѣхъ работъ по хуторскому и отрубному хозяйству на надѣльныхъ земляхъ; 82,2% или четыре пятыхъ — сплошное разверстаніе на отруба и хутора цѣлыхъ селеній.

Это — нормальное и желательное явленіе. Единичные выдѣлы, неизбѣжно связанные съ принудительнымъ перемѣщеніемъ полосъ цѣлаго ряда другихъ домохозяевъ, были полезны и необходимы на первыхъ порахъ, пока землеустроительныя начинанія вызвали еще безучастное или даже враждебное отношеніе со стороны большинства домохозяевъ во многихъ сельскихъ обществахъ. Важно было охранить интересы первыхъ хозяевъ, пожелавшихъ выйти изъ общины и хозяйничать на своемъ отрубѣ. Единичные выдѣлы сохраняютъ все свое значеніе и теперь для тѣхъ мѣстностей, гдѣ сплошное разверстаніе цѣлыхъ селеній еще не двинулось. Въ этихъ мѣстностяхъ необходимо не ожидать случая общаго разверстанія, а производить отдѣльные выдѣлы, помня, что только слѣдомъ за ними тронется и землеустройство цѣлыхъ селеній.

Но тамъ, гдѣ о разверстаніи просятъ уже селенія и, по недостатку землемѣровъ, приходится удовлетворять далеко не всѣ и эти ходатайства, — тамъ разверстаніямъ цѣлыхъ обществъ или значительныхъ

Преобразование случаевъ разверстанія цѣлыхъ селеній.

группы домохозяев необходимо отдать решительное предпочтение перед отдельными выдѣлами.

Тот фактъ, что болѣе $\frac{1}{2}$ всѣхъ землеустроительныхъ работъ приходится уже теперь на разверстаніе цѣлыхъ селеній, свидѣтельствуетъ о естественномъ развитіи началъ землеустройства. Польза переустройства земельного быта, очевидно, сознается не только отдельными болѣе зажиточными крестьянами: это сознание проникло въ рядъ сельскихъ обществъ *во всѣхъ цѣляхъ*, независимо отъ большаго или меньшаго земельного обезпеченія отдельныхъ однообщественниковъ.

Необходимо отмѣтить, что разверстаніе цѣлаго общества требуетъ двукратнаго приговора. При этомъ характерно, что первоначальные приговоры о приступѣ къ землеустройству составляются двумя третями голосовъ, а приговоры, имѣющіе рѣшающее значеніе, — тѣ, которыми общество выражаетъ согласіе на принятіе законченнаго проекта разверстанія, составляются, какъ правило, подавляющимъ большинствомъ голосовъ, а во множествѣ случаевъ — единогласно. За три года дѣятельности землеустроительныхъ комиссій болѣе 96% выполненныхъ разверстаній не вызвали ничьихъ жалобъ.

При такихъ условіяхъ, когда разверстаніе идетъ сплошь цѣлыми селеніями, нерѣдки утвержденія противниковъ землеустройства, будто оно выгодно только отдельнымъ, самымъ богатымъ и многоземельнымъ крестьянамъ, но нежелательно большинству крестьянъ и потому проводится насильственнымъ для нихъ порядкомъ, — терпятъ подъ собой почву. Дѣйствительность разрушаетъ этотъ предразсудокъ, и едва ли его можно еще долго поддерживать.

При этомъ развертываются отнюдь не самыя многоземельныя селенія. Средній размѣръ землевладѣнія разверстанныхъ дворовъ соответствуетъ среднему размѣру крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія, а въ цѣломъ рядъ мѣстностей даже ниже этой сред-

ней. Развертываются совсѣмъ малоземельныя селенія, даже дарственники. Многоземельные крестьяне, имѣющіе много скота, являются чаще противниками разверстанія, лишающаго ихъ выпаса по парамъ и живымъ всего надѣла. И въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, предубѣжденіе о выгодности землеустройства только для многоземельныхъ крестьянъ, а не для всего народа, — не подтверждается.

Наконецъ, залогомъ глубокаго соответствія новыхъ началъ земельного устройства интересамъ сельской Россіи является фактъ *повсемѣстнаго*, хотя и отдельныхъ оазисами, движенія крестьянъ къ единоличному землеустройству. Вездѣ, гдѣ подборъ мѣстныхъ дѣятелей по землеустройству былъ удаченъ, тамъ — при самыхъ разнообразныхъ хозяйственныхъ условіяхъ — идеи единоличной собственности и отрубнаго владѣнія становились для крестьянъ близкими и понятными.

Особенно сильно проявилось это движеніе въ черноземной и затѣмъ въ степной полосѣ Россіи. Въ мѣстностяхъ степныхъ, бѣдныхъ открытыми водами, съ живучимъ до послѣдняго времени общиннымъ строемъ, — наирябрь въ Поволжьи — устройство отрубамъ, а тѣмъ болѣе хуторамъ, считалось еще недавно немислимымъ. Между тѣмъ именно здѣсь возникли обширные районы новаго разверстанія и расселенія.

Поволжье и было избрано въ настоящемъ году для ознакомленія на мѣстѣ съ законченными и производящимися работами по разверстанію цѣлыхъ селеній и по ликвидаціи земель Крестьянскаго Банка. Эти работы были осмотрѣны въ семи уѣздахъ четырехъ поволжскихъ губерній *).

*) Въ важной степной части Чистопольскаго уѣзда Казанской губерніи, въ Самарскомъ и Новоузенскомъ уѣздахъ Самарской губерніи, въ Сердобскомъ и Балашовскомъ уѣздахъ Саратовской губерніи; работы на байновскихъ земляхъ осматривались: въ Свияжскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, въ Симбирскомъ уѣздѣ и въ Саратовской губерніи.

Повсемѣстное распространіе землеустроительныхъ работъ.

Мѣстности, избранныя для поѣздки.

Разверстаніе малоземельныхъ селеній.

Выезд на места дал возможность уяснить то, что не могло быть передано никакими цифрами и отчетными донесениями: сдѣлать нѣсколько непосредственных наблюдений надъ жизнью и надъ измѣненіями, вносимыми землеустройствомъ въ крестьянское міросозерцаніе.

Эта сторона дѣла, конечно, самая важная. Каждая идея, действительно проникающая въ народную среду, воспринятая не мыслью только, но всѣмъ существомъ людей, гораздо сильнѣе отдѣльныхъ цифръ и фактовъ, даже противоположныхъ ей. Пройдетъ время—и эта идея сама создастъ въ народной жизни рядъ новыхъ цифръ и фактовъ, ее подтверждающихъ.

Отношение самихъ крестьянъ къ разверстаніямъ.

Въ условіяхъ кратковременной служебной побѣдки можно было сдѣлать, разумеется, лишь бѣжныя наблюденія надъ этимъ психологическимъ вліяніемъ землеустройства, но нѣкоторые изъ нихъ оставили глубокое впечатлѣніе и вѣзались въ память.

Прежде всего поражаело то, какъ быстро проникаются крестьяне, перешедшіе къ новымъ формамъ владѣнія, увѣренностью въ безповоротности и прочности новыхъ земельныхъ порядковъ. Отъ разверстанія на отруба и хутора приходилось слышать, что «по иному и жить нельзя». Вопросы о преимуществахъ общиннаго и отрубного землепользованія, казавшіеся такими спорными и волновавшие общественную мысль, вызывали при бесѣдахъ съ разверстаніемися крестьянами рѣшительные отвѣты, смыслъ которыхъ сводился къ тому, что все это можетъ быть вопросомъ только для тѣхъ, кто «самъ не испробовалъ старой и новой жизни».

Крестьяне объясняли намъ, въ сколькихъ полосахъ они владѣли раньше, сколько приходилось тратить времени и рабочей силы на объездъ и обработку разбросанныхъ по всему надѣлу клочковъ земли. «Теперь все въ одномъ глазу». «Двести копеекъ свезли—два раза колеса мазали».

Увѣренность въ прочности и выгоды предпринимаго земельного переустройства замѣчалась даже въ

тѣхъ случаяхъ, когда землеустроительныя работы еще не закончены и когда, слѣдовательно, новая жизнь—въ будущемъ, а въ настоящемъ идетъ сложная работа по выработкѣ условій разверстанія, затрагивающая самые жизненные для крестьянина земельные интересы. Не о временномъ передѣлѣ идетъ въ этомъ случаѣ рѣчь, а объ устройствѣ «на вѣчность». Поэтому крестьяне принимаютъ самое дѣятельное участіе въ работѣ землеустроителя и землепрова,—начиная и завершая эту работу колебѣтвемъ. Въ громадной Покровской слободѣ,—4¼ тысячи дворовъ—еще недавно, въ 1906—1907 годахъ, считавшейся очагомъ беспорядковъ, намъ довелось присутствовать при расцѣпкѣ разверстываемыхъ земель, производимой землемѣрами совмѣстно съ выборными отъ крестьянъ, въ числѣ восьмидесяти трехъ домохозяевъ. Землемѣры шли параллельными рядами, прорѣзанными вдоль надѣла; направо и налево отъ нихъ развернулись линіи оцѣнщиковъ, отмѣчавшихъ всѣ разновидности почвы, раздѣленной здѣсь на шесть разрядовъ. Отнесеніе земли, до точности извѣстной крестьянамъ, въ тотъ или другой разрядъ разогласилъ почти не вызывало. Мелчайшія условія сложнаго разверстанія, охватывающаго огромный надѣлъ въ 74 тысячи десятинъ, были продуманы и оцѣнены крестьянами. Въ теченіе длительной работы по составленію проекта землеустройства, они сами настолько внимательно и ревниво провѣрили всѣ подробности, что, принявъ и исправивъ ихъ, гдѣ нужно, считали уже проектъ своимъ и давали самымъ подробнымъ объясненія, отстаивая техническую вѣрность и справедливость установленныхъ проектомъ началъ разверстанія. А между тѣмъ еще недавно въ Покровской слободѣ, кромѣ коренныхъ передѣловъ, производились постоянныя перерѣтки и, по словамъ самихъ крестьянъ, «только и забота была, какъ бы землю поравнять».

Вездѣ за принятіемъ проекта хуторскаго разверстанія, крестьяне торопятся поскорѣе устроиться по новому. Работы по перенесенію построекъ на новые

мѣста, рытью колодезей, устройству дорогъ и огораживанію собственнаго участка идутъ такъ лихорадочно быстро, что приходится видѣть примѣры исчезновенія въ полгода цѣлой многолюдной деревни. Теперь на ея мѣстѣ виднѣются только остатки печницъ, да сохранилась мельница. Но зато вся окружающая степь, несколько глазъ видить, ожила и покрыта жилищами хуторянъ съ токами при нихъ, гдѣ молотили хлѣбъ, впервые свезенный съ полей, прилегающихъ вплотную къ жилищамъ.

Еще одно наблюдение, сдѣланное на мѣстѣ, это—нерѣдкое стремленіе самихъ крестьянъ въ тѣхъ случаяхъ, когда землеустройство первоначально было выполнено у нихъ, въ угоду бытовымъ привычкамъ и местнымъ условіямъ, въ несовершенной, половичатой формѣ, теперь исправить и долѣзать начатое.

На множество отрубныхъ надѣловъ, не предназначенныхъ для хуторскаго поселенія, въ дѣйствительности уже появились хозяйственные и жилья постройки, устроены или копаются колодецы, а иногда воду привозятъ и въ бочкахъ, говоря, что все же лучше жить на своей землѣ, чѣмъ ѣздить на нее.

Крестьянскимъ Банкомъ участіе распродаютъ (напримѣръ, въ Саратовской губ.) не отрубные участки, рассчитанные на поселковое устройство, а отдѣльные хутора, такъ что приходится даже измѣнять утвержденные планы ликвидаціи, обращая отруба въ хутора, а мѣста, оставленные для поселковъ, присоединять къ хуторамъ въ качествѣ вспомогательныхъ угодій.

Съ выгонами, которые отводились иногда при селеніяхъ, дѣло обстоитъ еще опредѣленнѣе. Убѣдившись въ возможности содержать скотъ на отрубѣ даже лучше, чѣмъ въ общемъ стадѣ, когда онъ ходитъ по вытоптаннымъ выгонамъ и только «лизаетъ землю», крестьяне нерѣдко начинаютъ, вслѣдъ за разверстаніемъ, просить о раздѣлѣ выгона: такіа работы производятся въ цѣломъ рядѣ селеній. При этомъ цѣль-

ная выгонная земля, дававшая раньше только плохой кормъ скоту, обращается въ пашню, подъ посѣвъ травъ, а въ низменныхъ мѣстностяхъ—подъ огороды. Но зато выѣго одного отруба у каждаго хозяина земля оказывается уже въ двухъ кускахъ, одинъ далеко отъ другого.

Такіе случаи прежде всего побуждаютъ сдѣлать практической выводъ—о необходимости повысить технику землеустройства и вести разверстаніе преимущественно хуторами или такими отрубями, которые могли бы затѣмъ быть обращены въ хутора. При множествѣ поступающихъ теперь ходатайствъ о разверстаніи и при невозможности удовлетворять все, необходимо ставить въ первую очередь работы по хуторскому разселенію. Если общимъ началомъ, усвоеннымъ правительствомъ съ первыхъ же его шаговъ въ землеустроительномъ дѣлѣ, было—стремиться не столько къ количеству, сколько къ качеству производимыхъ работъ, то теперь, когда прочное основаніе землеустройству уже положено и можно быть спокойнымъ за его будущее, важнѣе, чѣмъ когда-либо, выдвинуть на первый планъ и особо подчеркнуть эти заботы о соответствіи производимыхъ разверстаній дѣйствительнымъ интересамъ правльнаго хозяйства. Но изъ предпринимаемыхъ самими крестьянами передѣлокъ и усовершенствованій прежнихъ землеустроительныхъ работъ вытекаетъ и другой выводъ: о томъ, какъ быстро проникаются они новыми землеустроительными началами, какъ быстро начинаютъ считать ихъ своими.

Въ дѣлѣ землеустройства починъ былъ правительственный, но самое дѣло постепенно становится народнымъ.

Оцѣнивая общее значеніе итоговъ землеустройства, слѣдуетъ признать, что полмилліона устроенныхъ, хуторскихъ и отрубныхъ, единоличныхъ хозяйствъ—это, конечно, всего только 4% крестьянской Россіи. Но для четвертаго года дѣятельности землеустроитель-

Итоги землеустройства.

ных учреждений и разверстание полмиллиона дворов свидетельствует, что дѣло стало на жизненный путь.

Въ Пруссіи, гдѣ землеустройство проводится съ величайшей настойчивостью, начиная съ 1821 года, оно все еще далеко не закончено и идетъ болѣе медленнымъ темпомъ. Для отдѣльныхъ мѣстностей Европейской Россіи можно сдѣлать еще болѣе наглядное сопоставленіе: въ одномъ русскомъ уѣздѣ (Новоузенскомъ Самарской губерніи) землеустроительною комиссіей разверстано на отруба и хутора, въ четыре года, большее пространство земли, чѣмъ это сдѣлано за 24 года дѣятельности австрійскихъ землеустроительныхъ учреждений.

Кромѣ этихъ сравненій, можно указать на быстрое, изъ года въ годъ, увеличеніе работъ и на успѣхи разверстанія въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи, причемъ каждая удачно проведенная работа становится центромъ цѣлаго района разверстаній и оказываетъ вліяніе не только на хозяйство, но и на міросозерцаніе крестьянъ.

Начало переустройству земельного быта положено, и распространіе его на всю Россію, по нашему убѣжденію, — вопросъ времени. Въ русскую сельскую жизнь, такъ долго жившую одной мечтой: «землицы бы побольше», вплоть до плановъ принудительнаго отчужденія, — медленно, но прочно проникають новыя начала. Измѣненіе землепользованія и переходъ къ личной собственности, въ связи съ болѣею настойчивостью Крестьянскаго Банка при назначеніи задатковъ за продаваемыя земли и при систематическомъ требованіи отъ крестьянъ точнаго выполненія принятыхъ ими на себя обязательствъ, постепенно переводятъ крестьянскую мысль въ болѣе суровую, но и болѣе трезвую обстановку дѣятельности.

Устраняя крестьянъ-хозяевъ каждого на своей землѣ, земельная реформа открываетъ возможность улучшеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ и укрѣпляетъ въ народномъ сознаніи культъ труда. Вліяніе земле-

устройства на повышеніе трудовой энергіи крестьянства замѣтно уже на мѣстахъ и составляетъ главное приобретеніе, сдѣланное за эти четыре года землеустроительныхъ работъ Россіей.

Многое общаая въ будущемъ, землеустройство многогаго и требуетъ для дальнѣйшаго своего развитія. Въ этомъ отношеніи вынесенныя нами мысли и впечатлѣнія сводятся къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ.

Землеустроительная реформа по существу своему останется неполной и незаконченной, если освобожденный народный трудъ не будетъ вооруженъ практическими знаніями — во-первыхъ, и необходимыми оборотными средствами — во-вторыхъ. Поэтому, организація дѣятельной агрономической помощи населенію и доступнаго сельско-хозяйственнаго кредита — таковы неотложныя очередныя задачи, неисполненіе которыхъ можетъ надолго затормозить и даже свести на нѣтъ всѣ успѣхи землеустройства.

Въ области собственно землеустроительнаго дѣла, при широкихъ размѣрахъ, принятыхъ уже землеустройствомъ, на очередь выдвигается рядъ вопросовъ преимущественно организаціоннаго характера. Нужно готовить дѣятелей и специалистовъ-техниковъ по различнымъ отраслямъ землеустройства, и необходимо объединить усилія, прилагаемыя различными учрежденіями въ дѣлѣ подъема сельской жизни Россіи, объединить ихъ и тамъ — на мѣстѣ, и здѣсь — въ центрѣ.

Наконецъ, въ связи съ разверстаніемъ и расселеніемъ, русской сельской жизнью выдвинутъ рядъ вопросовъ, не имѣющихъ на первый взглядъ непосредственнаго отношенія къ землеустройству, но въ дѣятельности настойчиво требующихъ разрѣшенія и грозящихъ, въ противномъ случаѣ, подорвать и обезцѣпить значеніе самаго землеустройства. Какъ быть, при расселеніи цѣлой деревни на хутора, съ обученіемъ дѣтей? Какъ быть съ перенесеніемъ и возведеніемъ новыхъ крестьянскихъ построекъ? Какъ быть,

Задачи ближайшаго будущего.

1. Новое выдвинутое землеустройством вопросы сельской жизни.

Школьное дѣло.

при распродажѣ казенныхъ и бывшихъ помѣщичьихъ земель, съ дѣлами? Какъ—съ помѣщичьими усадьбами?

Рядъ такихъ первенныхъ вопросовъ сельской жизни все время возникалъ передъ нами при объѣздѣ Поволжья.

Останавливаясь прежде всего на этихъ вопросахъ, тревожныхъ для всякаго, кто дорожитъ сохраненіемъ и развитіемъ культурныхъ началъ въ русской жизни, слѣдуетъ указать, что самихъ хуторянъ особенно беспокоитъ, при исчезновеніи деревень, необходимость обезпечить сохраненіе духовныхъ центровъ: церкви и школы. Ростъ хуторского разселенія несомнѣнно потребуетъ въ будущемъ расширенія церковнаго строительства. Школьное же дѣло придется не только развить, но и существенно видоизмѣнить, приспособивъ его къ измѣняющимся условіямъ земельного быта. Необходимо, во-первыхъ, увеличить число школъ, хотя бы цѣной упрощенія ихъ типа, и перейти къ постройкѣ преимущественно небольшихъ, такъ называемыхъ «однодѣтннхъ», школъ. Во-вторыхъ, при школахъ придется строить общежитія для дѣтей хуторянъ, хотя бы на зимніе мѣсяцы. Объ этомъ слышались настойчивыя ходатайства самихъ крестьянъ. Изъ бесѣдъ съ земскими дѣятелями также было видно, что вопросъ объ измѣненіи и расширеніи школьной сѣти, въ связи съ землеустройствомъ, уже озабочиваетъ и земства. Если только ходъ землеустроительнаго дѣла не замедлится, то въ скоромъ времени вопросъ этотъ встанетъ во всемъ своемъ значеніи и потребуетъ немалого напряженія общественныхъ и правительственныхъ силъ и средствъ. Очевидно, нельзя допускать, чтобы слѣдствіемъ перехода къ хуторскому хозяйству явилось пониженіе и безъ того невысокаго уровня сельской грамотности и начатковъ знаний.

Напротивъ того, въ новыхъ хозяйственныхъ условіяхъ школа должна получить большее, чѣмъ теперь, значеніе. Но для этого прежде всего должна измѣниться

свою постановку сама школа: она не можетъ оставаться, по характеру преподаванія, отвлеченно-гуманитарной и городской, оторванной отъ насущныхъ интересовъ деревни. Школа должна проникнуться этими интересами для того, чтобы получить затѣмъ, въ свою очередь, вліяніе въ сельскомъ быту.

Правда, попытки воспользоваться начальной школой, какъ орудіемъ прямой агрономической помощи, для сообщенія крестьянамъ сельско-хозяйственныхъ техническихъ знаний, были и будутъ неудачны: этому препятствуютъ возрастъ учениковъ, краткость учебнаго курса и неподготовленность самихъ учителей. Но дать первоначальныя понятія о жизни растений и животныхъ, о важнѣйшихъ, окружающихъ земледѣльца, явленіяхъ русской сельской природы и тѣмъ самымъ подготовить почву для воспріятія впоследствии улучшенныхъ приемовъ сельскаго хозяйства, наша начальная школа можетъ, и въ этомъ направленіи предосты много работы надъ измѣненіемъ ея постановки.

Пристальнаго вниманія и серьезныхъ заботъ правительства заслуживаетъ также жилищный вопросъ при расселеніи. Если районы хуторского расселенія производить издали сильное впечатлѣніе новымъ для Россіи видомъ разбросанныхъ по всему надѣлу хуторовъ, оживляющихъ безлюдную равнину, то, подъѣхавъ ближе и разсмотрѣвъ жилища и хозяйственныя постройки хуторянъ, испытываешь прежде знакомое чувство горечи. Можно удивляться быстротѣ устройства крестьянъ на новомъ мѣстѣ, труду и деньгамъ, затраченнымъ на это, но какого-либо улучшенія обычныхъ въ деревнѣ типовъ жилищъ, за единичными исключеніями, незамѣтно. Каждый хуторъ съ его постройками, крытыми сплошь соломою, со сложеными кругомъ скирдами и стогами, производитъ впечатлѣніе матеріала, какъ-бы нарочито собраннаго для гигантскаго костра. Все преимущество, по сравненію съ такими же усадьбами-кострами въ деревняхъ, сводится къ тому, что на хуторѣ каждый можетъ горѣть

Улучшеніе крестьянскихъ жилищъ.

порозни, не угрожая другим. За целое столетие русская деревня сблала только один шаг вперед въ устройствѣ жилищъ: отказалась отъ курныхъ избъ. Дальше этого не идетъ дѣло и теперь, при хуторскомъ разселеніи. Между тѣмъ для развитія огнестойкаго строительства было бы крайне желательно воспользоваться тѣми двумя условиями, которыя даетъ только разселеніе, которыхъ раньше не было и которыя могутъ не повториться: 1) временному перенесенію усадебъ и возведенію новыхъ построекъ и 2) готовой организацией: землеустроительными комиссиями, выдающими суды на переносъ построекъ. И психологически легче, и экономически выгоднѣе и возможно для крестьянина перейти къ новому устройству своего жилья изъ огнеупорнаго материала при переѣздѣ на хуторъ, когда онъ, въ сущности, строится заново и когда ему въ этомъ помогаетъ правительственная организация. Упускать эти условия, дающія возможность приблизить къ русской деревнѣ и впервые практически поставить дѣло огнестойкаго строительства, было бы непрости-тельно.

Вопросъ объ огнестойкомъ строительствѣ будетъ обсуждаться на ближайшей ноябрьской сессіи Сельско-Хозяйственнаго Совѣта.

При ликвидаціи земель казенныхъ и банковскихъ возникаютъ, конечно, вопросы иного рода. Распродавая крестьянамъ земли, государство должно сохранить въ своихъ рукахъ дѣса. Это необходимо уже ради обезпеченія благоприятной обстановки для будущаго развитія сельско-хозяйственной дѣятельности населенія. При суровомъ климатѣ и по бытовымъ условиямъ Россіи дѣсы намъ особенно дорогъ, какъ матеріалъ для построекъ, отопленія, домашней утвари, земледѣльческихъ орудій. Кроме того, дѣса даютъ населенію прочныя и значительныя заработки, въ видѣ подсобныхъ кустарныхъ промысловъ и работъ по заготовкѣ и перевозкѣ дѣсныхъ матеріаловъ.

Съ развитіемъ землеустроительныхъ работъ значеніе дѣсовъ еще увеличивается: нерасчетливое сведеніе дѣсовъ неблагоприятно отразится и на хуторскомъ разселеніи, требующемъ дешевыхъ строительныхъ матеріаловъ, и улучшеніе крестьянскаго хозяйства затруднительно при широко примѣняемомъ въ центральной и южной Россіи, за недостаткомъ древеснаго топлива, сжиганіи соломы. Вообще, разъ основной задачей землеустройства является не расширеніе площади крестьянскихъ земель, а упорядоченіе крестьянскихъ хозяйствъ, желательно—при выдѣленіи изъ казеннаго земельного фонда участковъ, подлежащихъ продажѣ крестьянамъ—всемирно избѣгать включенія въ эти участки казенныхъ дѣсныхъ площадей, обрекаемыхъ тѣмъ самымъ на вырубку и уничтоженіе. Въ средней и южной Россіи и безъ того слишкомъ мало дѣсовъ. При нормальной дѣсности въ 25% по отношенію къ общей площади земель, у насъ, въ большей части губерній, дѣсовъ далеко не хватаетъ до этой нормы, а мѣстами, въ цѣломъ рядѣ губерній, дѣсность опускается до 8—5 и даже до 1%. Поэтому слѣдуетъ принять мѣры не къ распродажѣ казенныхъ дѣсовъ, а къ постепенному увеличенію запаса остающихся еще дѣсовъ въ рукахъ государства, путемъ передачи во владѣніе казны бывшихъ частновладѣльческихъ дѣсовъ, предлагаемыхъ для покупки Крестьянскому Банку.

Едва ли правильно было бы особенно гордиться съ распродажей крестьянамъ и земельныхъ оброчныхъ статей казны. Земли эти обычно расположены въблизи многоземельныхъ селеній бывшихъ государственныхъ крестьянъ, не нуждающихся въ землѣ. Притомъ наличность обширнаго запаса земель, купленныхъ уже Крестьянскимъ Банкомъ для перепродажи крестьянамъ, и развитіе работъ на надѣльныхъ земляхъ отодвигаютъ на второй планъ распродажу земель казенныхъ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда присоединеніе участка казенной земли къ недостаточной площади сосѣднаго крестьянскаго надѣла облегчило

Использование казенныхъ оброчныхъ статей.

бы сплошное внутринадѣльное разверстаніе малоземельныхъ селеній.

Казенными оброчными статьями правильнѣе воспользоваться, какъ орудіемъ сельско-хозяйственной культуры. Теперь онѣ чаще всего сдаются большими площадями въ краткосрочную, даже одногодичную аренду, сельскимъ обществамъ. Между тѣмъ желательно разбивать ихъ на болѣе мелкія хозяйственные единицы и сдавать небольшимъ товариществамъ, а при разбивкѣ на участки единоличнаго пользования и отдѣльнымъ крестьянамъ, на продолжительные сроки, обязывая соблюдать въ хозяйствѣ рядъ опредѣленныхъ культурныхъ требованій и лишь при исполненіи ихъ предоставляя возможность послѣдующаго выкупа арендуемой земли въ собственность.

Только въ такой постановкѣ дѣла, а отнюдь не въ слѣпной распродажѣ казеннаго земельного фонда—залогъ дѣйствительнаго созданія прочныхъ крестьянскихъ хозяйствъ и увеличенія, а не уменьшенія народнаго богатства.

Ценовые участки.

Существеннымъ вопросомъ сельской культуры, косвенно связаннымъ съ совершающимися теперь въ сельскомъ быту измѣненіями, является и вопросъ о судьбѣ помѣщичьихъ усадебъ, купленныхъ вмѣстѣ съ имѣніями Крестьянскимъ Банкомъ. Послѣ того, какъ нѣсколько такихъ усадебъ, перешли въ руки крестьянъ, были разобраны ими на кирпичи, сады и нары вырублены и пущены подъ овесъ,—Банкъ сталъ выдѣлять усадьбы, оставляя при нихъ небольшіе куски полевой земли, и продавать общественнымъ учреждениямъ или частнымъ лицамъ. Во многихъ случаяхъ можно было бы пойти нѣсколько дальше и довести размѣры оставшагося при усадьбахъ земли до полнаго земскаго ценза. Соблюденіе этого требованія повело бы къ уменьшенію земельныхъ запасовъ Банка, по примѣрному подсчету, всего на 1—2%; столь незначительная убыль фонда могла бы косвенно вознаграждаться для крестьянъ сосѣдствомъ болѣе культурныхъ хозяйствъ,

дающихъ заработки. Между тѣмъ для всей мѣстной жизни такое сохраненіе культурныхъ гнѣздъ, давая возможность пополнять сильно порѣдѣвшій за послѣднее время составъ мѣстныхъ земскихъ и правительственныхъ дѣятелей образованными людьми, имѣло бы неоспоримое значеніе.

Всѣ, отмѣченные выше, разнообразныя и, на первый взглядъ, даже разнородные вопросы, косвенно выдвинутые землеустройствомъ, имѣютъ въ дѣйствительности глубокую внутреннюю связь и между собою, и съ дѣломъ землеустройства. Все это—вопросы повышения культурнаго уровня русской сельской жизни. И развитіе школьной сѣти, и улучшеніе жилищъ, и сбереженіе лѣсовъ, и упорядоченіе оброчнаго дѣла, и сбереженіе устроенныхъ, воздѣланныхъ гнѣздъ—все это внушается одной мыслью: связать переустройство крестьянскаго земельного быта съ общимъ усиленіемъ культурныхъ началъ въ русской жизни.

Что касается очередныхъ задачъ правительства въ предѣлахъ собственно землеустроительнаго дѣла, то цѣли и методы землеустройства выяснены; время идейной борьбы, творчества и заложенія первыхъ основъ землеустройства прошло; настало время практической, непрерывной работы надъ улучшеніемъ созданнаго и надъ расширеніемъ землеустроительной организаціи, въ соотвѣстствіи съ размѣрами дѣла въ настоящемъ и въ ближайшемъ будущемъ.

Эта дѣла требуетъ увеличенія средствъ, подготовки людей и объединенія силъ, работающихъ теперь надъ организаціей народнаго труда и хозяйства.

Вопросъ объ увеличеніи средствъ не требуетъ особыхъ принципиальныхъ поясненій. Что касается подготовки людей, то землеустройство нуждается теперь главнымъ образомъ въ приливѣ техническихъ силъ—землемѣровъ и гидротехниковъ.

Въ землемѣрахъ—добрая половина русскаго аграрнаго вопроса. Ихъ мало, ихъ нужно готовить, чтобы

2. Организационныя задачи въ землеустройствѣ.

Землемѣры.

не отстать от запросов жизни. Только близость къ деревнѣ земельной организаціи обеспечиваетъ успѣхъ землеустройства. Стремленіе крестьянъ къ разверстанію чернозольницы наблюдалось уже въ восьмидесятихъ годахъ, при наличности согласія извѣстнаго большинства, и законъ не ставилъ разверстанію непреодолимыхъ преградъ. Но техническая земельная помощь была далека и недоступна для крестьянъ. Только перенесеніе ея на мѣста, требовавшее и сложной организаціи, и многомилліонныхъ расходовъ, сразу подвинуло дѣло. Крестьянское населеніе насыщаетъ теперь землеустроительныя учрежденія ходо-тайтетами объ избавленіи отъ чернозольницы, даль-ноземелья и обязательнаго сѣвооборота. Въ короткій срокъ удалось собрать и сглотить въ распоряженіи землеустроительныхъ комиссій пятитысячный отрядъ землѣмѣровъ. Но передъ размѣрами очередныхъ задачъ—отрядъ этотъ уже теперь кажется горстью.

Для того, чтобы въ будущемъ, съ развитіемъ дѣла, снова не отстать безнадежно отъ жизни, необходимо всѣми силами пополнять кадры землѣмѣровъ и готовить ихъ какъ путемъ устройства особыхъ землѣмѣрныхъ курсовъ при Губернскихъ Чертежныхъ, такъ и путемъ открытія новыхъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Въ Константиновскомъ, Мезовомъ и Московскомъ Сельско-Хозяйственномъ Институтахъ слѣдуетъ открыть общій курсъ землеустройства для того, чтобы осмыслить и поднять въ глазахъ будущихъ дѣятелей ихъ спеціальное землѣмѣрное дѣло. При належащей постановкѣ землѣмѣрнаго образованія, изъ землѣмѣровъ могутъ вырабатываться (какъ это бываетъ уже и теперь) лучшіе непрѣмьные члены землеустроительныхъ комиссій.

Гидротехники.

Другая очередная практическая задача землеустрой-ства—развить гидротехническую часть и приблизить гидротехнику къ русской деревнѣ.

Хуторское разселеніе всецѣло зависитъ отъ условій водоснабженія, и если вопросъ о водѣ будетъ удовле-творительно разрѣшенъ на мѣстахъ, то въ значи-

тельномъ большинствѣ случаевъ крестьяне предпо-чтутъ хуторское землепользованіе всякому другому. Если они и теперь расселяются по своимъ отрубамъ, не будучи даже увѣрены въ возможности добыть воду и привоза ее въ бочкахъ, то движеніе это приметъ еще большіе размѣры, когда увѣренность въ полу-ченіи воды будетъ имъ обеспечена. Между тѣмъ гидро-техническая часть находится въ зачаточномъ состояніи. Искажденіе на воду производится въ большинствѣ случаевъ кустарнымъ образомъ, при содѣйствіи самихъ крестьянъ, мѣстныхъ «знахарей» этого дѣла. При обычномъ у крестьянъ знаніи своей земли и при бли-зости подпочвенныхъ водъ, эти кустарныя изысканія даютъ часто благопріятные результаты. Но съ разви-тіемъ хуторскаго разселенія удовлетворяться этимъ будетъ невозможно. Для правильныхъ гидротехниче-скихъ изысканій на надѣльныхъ земляхъ и для устройства сооружений, непосильныхъ самимъ кре-стьянамъ, кромѣ расширенія кредитовъ, нужно гото-вить и технику.

И здѣсь даетъ себя чувствовать недостатокъ знающихъ людей. Необходимо открывать спеціальныя гидротехническія учебныя заведенія и въ общихъ техническихъ школахъ улучшить постановку пре-подаванія гидрологін и гидротехники, придавъ это-му дѣлу болѣе живой и практической характеръ. Кромѣ того, не ожидая улучшенія русскихъ техниче-скихъ школъ, необходимо теперь же послыать начи-нающихъ спеціалистовъ-гидротехниковъ, для практи-ческой выучки, за границу.

Что касается главныхъ дѣятелей по землеустрой-ству, то нынѣшній составъ непрѣмьныхъ членовъ землеустроительныхъ комиссій, въ общемъ, преданъ дѣлу, и пополненіе ихъ рядовъ сравнительно обезпе-чено.

Необходимо упомянуть лишь о тяжеломъ мате-ріальномъ положеніи другихъ ответственныхъ и дѣ-тельныхъ работниковъ по землеустройству—земскихъ начальниковъ, вынужденныхъ жить, за вычетомъ

расходов по должности и по разрядам, на 50 рублей в мѣсяц съ семьей. Улучшеніе обезпеченія земскихъ начальниковъ, являясь исполненіемъ нравственной обязанности по отношенію къ нимъ правительства, предугадать перѣдкую теперь смѣну этихъ лицъ и несомнѣнно благопріятно отзовется и на дѣль землеустройства.

Объединеніе силъ, прилагаемыхъ въ дѣлу землеустройства.

Что касается объединенія силъ, прилагаемыхъ къ землеустройству, то въ послѣднее время многія земства начинаютъ принимать все болѣе дѣятельное участіе въ осуществленіи землеустроительной реформы, и задача объединенія силъ на мѣстахъ сводится теперь преимущественно къ выработкѣ стройнаго общаго плана дѣйствій.

Въ правительственномъ центрѣ—отрасли управленія, касающіяся землеустройства, сельскаго хозяйства и подъема сельской жизни, теперь объединяются, конечно, Совѣтомъ Министровъ, но извѣстное значеніе для дѣла имѣло бы и ближайшее объединеніе ихъ въ вѣдомствѣ землеустройства. Нѣкоторые шаги къ этому уже дѣлаются. Въ будущее Министерство Земледѣлія предложено передать всю Межевую Часть. Главнымъ предметомъ заботъ Межевого Управленія является и теперь землемѣрная часть землеустроительныхъ коммисій, а съ развитіемъ землеустройства дѣло это должно всецѣло поглотить вниманіе Межевого вѣдомства. Въ то же время и Главное Управленіе Землеустройства и Земледѣлія постепенно, съ усложненіемъ преимущественно практической стороны землеустройства, все въ болѣе мѣрѣ озабочено развитіемъ землемѣрной дѣла.

Въ то же вѣдомство предположено включить ветеринарную часть, имѣющую главной своей заботой домашній рабочей скотъ, и Главное Управленіе Государственнаго Коннозаводства—это существенное для сельскаго хозяйства учрежденіе, особенно въ Россіи, насчитывающей 32 милліона головъ лошадей, 86%, которыхъ принадлежитъ крестьянамъ.

На очередь поставленъ и болѣе сложный вопросъ—о соотношеніи дѣятельности Крестьянскаго Банка и вѣдомства Землеустройства. Предстоящее преобразованіе этого послѣдняго вѣдомства и проектъ учрежденія въ его составѣ Сельско-Хозяйственнаго Банка—придаютъ выясненію этого вопроса срочный характеръ.

Не вдаваясь въ подробности, слѣдуетъ указать, что Крестьянскій Банкъ, входя въ составъ финансоваго вѣдомства, въ то же время выполняетъ значительную работу не только по землеустройству, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но и по улучшенію общихъ условій крестьянскаго сельскаго хозяйства. Въ зависимости отъ того, какой стороной дѣятельности Крестьянскаго Банка надлежитъ въ будущемъ придать болѣе значеніе: ипотечно-кредитной или землеустроительной, получить естественное направленіе и вопросъ о томъ, сохранить ли Крестьянскій Банкъ въ прежнемъ его обособленномъ положеніи, или его слѣдуетъ тѣснѣе сблизить съ вѣдомствомъ Землеустройства и Земледѣлія.

Но это вопросъ сложный: рѣшеніе его попутно и одновременно съ преобразованіемъ вѣдомства Землеустройства только затануло бы это послѣднее, неотложное и воплѣтѣ выясненное уже дѣло. Поэтому, согласно постановленію Совѣта Министровъ, вопросъ о Крестьянскомъ Банкѣ будетъ своею мерою обсуждаться отдѣльно, въ особомъ совѣщаніи.

Намѣчая различныя организаціонныя улучшенія и измѣненія въ землеустроительномъ дѣлѣ, понимаемомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, нельзя не признать, разумѣется, что, при всей ихъ практической пользѣ и важности, значеніе ихъ все же условное и ограниченное. Между тѣмъ, въ связи съ землеустройствомъ, жизнью выдвинуты принципиальныя и коренныя вопросы, которые имѣютъ для сельской Россіи громадное значеніе.

Землеустройство само по себѣ—только средство, только ступень. Оно даетъ возможность производительнаго труда,—но и только одну возможность. Пропущенная энергія единоличнаго собственника имѣть

3. Агрономическая помощь при землеустройствѣ.

своего приложения ощущую; новые хозяйственные пути неясны потомкам поколений, воспитанных вѣками въ условиях обязательнаго сѣвооборота, не допускавшаго новшества и исключавшаго всякій смысл хозяйственных исканій. Теперь мысль крестьянина, свободнаго въ своемъ трудѣ, сосредоточена на этихъ исканіяхъ, и агрономическая помощь мелкому крестьянскому земледѣльцу найдетъ восприимчивую почву.

Къ организациі агрономической помощи только что приступлено, и притомъ, въ скромныхъ размѣрахъ. Правительство испросило ассигнованіе на это дѣло въ размѣрѣ полутора миллиона рублей въ прошломъ году, двухъ миллионовъ рублей въ текущемъ и испрашиваетъ въ будущемъ году четыре миллиона рублей. Кромѣ того земскимъ и землеустроительнымъ учреждениямъ сообщены планы первоначальной организациі агрономическихъ мѣропріятій въ районахъ разверстанія и расселенія, съ указаніемъ на необходимость согласованія дѣятельности правительственныхъ и общественныхъ силъ для проведенія этой организациі въ жизнь. Въ большинствѣ губерній земства пошли навстрѣчу обращенному къ нимъ призыву.

Ассигнованныя правительствомъ средства были обращены частью на развитіе земской участковой агрономіи, частью же переданы землеустроительнымъ учреждениямъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не существовало земской агрономической организациі или гдѣ земство затруднялось въ достаточной мѣрѣ расширить ее и приблизить къ районамъ разверстанія и расселенія.

За счетъ отпущенныхъ средствъ, агрономическій составъ, оказывающей помощь въ районахъ землеустройства, доведенъ до 708 агрономовъ и инструкторовъ и 204 агрономическихъ старостъ и практикантовъ. Затѣмъ наибольшая часть расходовъ произведена: на устройство прокатныхъ станцій улучшенныхъ сельскохозяйственныхъ орудій и зерноочистительныхъ обзоровъ, на устройство показательныхъ полей и участковъ и на снабженіе крестьянъ сѣменами кормовыхъ травъ и улучшеннымъ посѣвнымъ матеріаломъ.

При объѣздѣ поволжскихъ губерній мы видѣли, что среди хуторянъ уже устроены кое-гдѣ прокатныя станціи, зерноочистительныя пункты, показательныя участки; слышались указанія, что наѣзжаетъ агрономъ, совѣтовались съ нимъ по такимъ-то вопросамъ; замѣтны иногда улучшения въ видѣ рядовыхъ и ленточныхъ посѣвовъ, ранней всѣпки и пристуна къ многополью. Одинъ изъ хуторянъ Симбирскаго уѣзда устроилъ на своемъ участкѣ, купленномъ у Крестьянскаго Банка, водоподъемный конный приводъ, съ помощью котораго можно было орошать значительную часть хутора.

Изъ земскихъ начинаній въ области агрономической помощи необходимо отмѣтить мѣропріятія Самарскаго земства: на устроенныхъ земствомъ выставкахъ, въ селеніяхъ Борьмъ и Грачевкѣ Самарскаго уѣзда, показывались распространяемые среди крестьянъ—улучшенныя сельскохозяйственныя орудія, посѣвной матеріалъ, породы производителей рабочаго скота; рядъ диаграммъ и картограммъ пояснял постановку агрономической помощи въ уѣздѣ.

Несмотря на факты, свидѣтельствующіе о желаніи земствъ энергично двинуть сельскую агрономію, дѣло не выходитъ еще изъ области разрозненныхъ попытокъ. Между тѣмъ со стороны крестьянъ видно было стремленіе получить отвѣтъ на рядъ хозяйственныхъ вопросовъ, возникшихъ въ новыхъ условияхъ землепользованія, видна была готовность использовать каждый дѣльный совѣтъ, не останавливаясь даже передъ рискомъ нововведенія.

Тѣмъ тяжелѣе признать, что ни общественныя, ни правительственныя силы не подготовлены, чтобы дать прямой, обстоятельный и практический отвѣтъ на эти исканія. Въ бесѣдахъ съ земскими дѣятелями не разъ слышалось признаніе, что у нихъ нѣтъ опытныхъ, подготовленныхъ дѣателей по агрономіи; развертывается земская участковая агрономія,—но сами специалисты, впервые призванные проводить ее на землѣ, а не въ лабораторіяхъ или канцеляріяхъ, заявляютъ,

что полученное ими научное образование не дает знания местных условий, что последние не изслыдованы достаточно нашей наукой, что необходимо широко поставить опытное дело и научиться прежде всего самим. Только приобретши первоначальные улучшения, имеющие за собою достаточный местный опыт, могут быть переданы крестьянам. В общем же, приходится признать нерядкую несостоятельность самых добросовестных и, следовательно, ценных работников.

Необходимо начать энергичную борьбу с всеобщим у нас незнанием земли: оно не замечалось, пока землю только «равняли», и сразу сдѣлалось очевидным, как только задумались над лучшей ее обработкой. Крестьяне ждут ответа на вопрос, как им выгоды устроить свое хозяйство,—правительству и местным людям нужно на это ответить.

Необходимо усилить средства на опытное дело, открывать сельско-хозяйственные школы для подготовки специалистов. Одно высшее сельско-хозяйственное учебное заведение желательно открыть и в Поволжьи, например, в Самарь или Саратовь. Необходимо приблизить и наличные агрономические силы из городов и кабинетов к землѣ, к деревнѣ.

Все это требует выработки по отдельным местностям организационных планов на ближайшее время, причем предстоит определить и взаимодействие общественных и правительственных сил и средств, которые могут быть направлены на это дело. Расходы государства на сельско-хозяйственную помощь населению у нас все еще очень не велики. В других государствах на каждую десятину посевной площади приходится таких расходов нерѣдко рубль и больше (в Бельгии—1 рубль, в Пруссии—1 рубль 33 копейки, в Венгрии и Норвегии—даже 2 рубля); между тѣм у нас в 1909 году эти расходы составляли—для Европейской Россіи, не говоря уже обь Азиатской,—9 копѣек на десятину.

При невыясненности вопросов агрономической помощи и при томъ значении, какое имеютъ въ этомъ дѣлѣ внимательный учетъ всѣхъ местных особенностей, едва ли можно установить теперь же какую-либо общую программу дѣятельности въ этомъ вопросѣ. Здѣсь, можетъ быть, больше, чѣмъ гдѣ-либо, должны помочь выясненію и ближайшимъ задачамъ, и ближайшихъ путей областная сельско-хозяйственная совѣщанія, создаваемая въ Январѣ 1911 года въ Харьковѣ и Саратовѣ.

Кромѣ притока агрономическихъ знаний, необходимо организовать притокъ въ наше мелкое сельское хозяйство денежных оборотныхъ средствъ.

При настоящихъ условияхъ владельцами отрубовъ и хуторовъ, почти безъ исключеній, являются крестьяне, не обладающіе достаточнымъ оборотнымъ капиталомъ для какихъ-либо улучшеній въ хозяйствѣ; оно ведется и у нихъ все тѣми же первобытными приемами.

При недостаткѣ средствъ и получаемое при покупке или при выдѣлѣ право распоряжаться участкомъ по своему личному усмотрѣнію, и удобныя для хозяйства расположеніе угодій и очертанія границъ, всѣ эти условия, дающія возможность съ выгодой вложить капиталъ въ дѣло улучшения хозяйства, могутъ остаться часто неиспользованными, и всѣ затраты и усилія правительства, направленные къ улучшенію способовъ землепользованія, окажутся бесполезными.

Обезпечить денежную помощь одиноличнымъ собственникамъ на началахъ прямыхъ бюджетныхъ ассигнованій было бы невозможно и несправедливо; это потребовало бы непосильныхъ для государственнаго казначейства затратъ. Выходъ можетъ быть найденъ только въ организационіи сельско-хозяйственнаго кредита и прежде всего кредита предметнаго—сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ.

Кромѣ прямого вліянія на подъемъ производительности хозяйствъ, помощь мелкому крестьянскому

4. Сельско-хозяйственный кредитъ.

землевлáдѣнію на кредитныхъ началахъ имѣла бы и большое косвенное значеніе, завершая періодъ правительственныхъ «пособій» крестьянству и открывая новый періодъ: правильнаго кредита.

Наличность въ распоряженіи крестьянъ громадныхъ площадей надѣльной и купчей земли даетъ этому кредиту прочное основаніе надежной и почти неисчерпаемой кредитоспособности.

Отъ организаціи агрономической помощи дѣло сельско-хозяйственнаго кредита выгодно отличается тѣмъ, что въ этомъ вопросѣ не приходится въ такой мѣрѣ искать, учиться, итти опытно. Необходимо только найти достаточно гибкую, простую и близкую къ деревнѣ форму кредитной организаціи, воспользовавшись при томъ и всѣми существующими уже учрежденіями мелкаго кредита. Объединяющимъ центромъ новой сельско-хозяйственной кредитной организаціи, направляющимъ дѣло и привлекающимъ къ нему частные капиталы, могъ бы явиться Государственный Сельско-Хозяйственный Банкъ, разработанный проектъ котораго вносится въ скоромъ времени на разсмотрѣніе Совѣта Министровъ.

Это—важное, быть можетъ, самое важное теперь для сельской Россіи дѣло: слѣдомъ за землеустройствомъ, дающимъ возможность использовать всю наличную трудовую энергію крестьянства, финансировать народный трудъ, привлечь къ землѣ деньги.

За крестьянской землей эти деньги не пропадутъ; она вернетъ ихъ государству, увеличивъ и его, и свои силы.

Изъ отдѣльныхъ вопросовъ русской сельской жизни, не связанныхъ непосредственно съ землеустройствомъ, но обратившихъ на себя наше вниманіе при объѣздахъ и требующихъ разрѣшенія, считаемъ долгомъ особо отмѣтить только вопросъ о высотѣ мѣрскихъ повинностей и два вопроса, касающіеся своеобразной жизни приуральскихъ губерній: объ уральскихъ горныхъ заводахъ и о башкирскихъ земляхъ.

Мѣрское обложеніе повсемѣстно въ Поволжьи оказалось достигающимъ значительной высоты: оно почти всюду превышаетъ размѣры земскаго обложенія. Въ особенности выдѣляется Симбирская губернія, гдѣ окладъ мѣрскихъ сборовъ превышаетъ въ два и въ три раз оклады земскихъ сборовъ и составляетъ до 90 копѣекъ съ десятины.

Назначеніе и расходованіе мѣрскихъ суммъ по закону аходится внѣ контроля по существу. Оставлять дло мѣрскихъ сборовъ въ этомъ недостаточно упорядочномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ напряженномъ состояніи нельзя; вопросъ объ упорядоченіи мѣрского обложенія долженъ быть теперь же подробно соображенъ и рѣшенъ.

Мѣстныя приуральскіе вопросы обсуждались, при участіи мѣстныхъ дѣятелей, во время переѣзда нашего черезъ Уралъ. Горнозаводское дѣло на Уралѣ.

Уральскія горная промышленность съ 1902 года переживаетъ тяжелый кризисъ, вѣдѣние конкуренціи съ возникшими въ послѣднее десятилѣтіе южными желѣзодобывающими заводами, располагающими и болѣе богатой рудой, и болѣе дешевымъ топливомъ.

Насколько положеніе уральскихъ заводовъ представляется безнадежнымъ, судить трудно. Но мнѣнію мѣстныхъ людей, существеннымъ подспорьемъ для горныхъ заводовъ Средняго и Сѣвернаго Урала явилось бы проведеніе Тавдинской желѣзной дороги: Лапаевскъ—Тавдъ, съ вѣткой на Егоршино. Эта линія свяжетъ горнозаводскій районъ съ богатыми лѣсными дачами по рѣкѣ Тавдѣ пространствомъ около 3 милліоновъ десятинъ, гдѣ можетъ быть поставлено углеженіе, и съ Егоршинскими угольными мѣсторожденіями и, такимъ образомъ, дастъ Уралу дешевое топливо.

Кромѣ того выходъ можетъ быть найденъ и въ улучшеніи заводскаго хозяйства,—въ отказѣ отъ вѣковѣчнаго «заводскаго трехполья», покоившагося на выработкѣ исключительно простѣйшихъ дешевыхъ сор-

товъ желѣза, и въ переходѣ къ изготовленію болѣе дорогихъ издѣлій, выдерживающихъ болѣе далекую перевозку. Первый примѣръ далъ сравнительно небольшой Пожевскій заводъ князя Львова, который съ выдѣлки рельсъ и кровельнаго желѣза перешелъ на выдѣлку жестяной посуды, опинкованныхъ и цѣлкихъ желѣзныхъ издѣлій. Его примѣру послѣдовалъ заводъ графини Шуваловой. Эти заводы ожили, и сѣланное ими начинаніе сулитъ Уралу будущее.

Но въ настоящее время большая часть заводовъ, одинъ за другимъ, прекращаютъ дѣйствіе. Послѣдствіемъ этого по закону долженъ явиться отводъ горнозаводскому населенію частныхъ заводовъ дополнительныхъ надѣловъ до нормъ 19 Февраля 1861 года. Но такъ какъ, по условіямъ почвы и климата большей части Урала, одно земледѣіе едва ли можетъ обезпечить здѣсь населеніе, то необходимо озаботиться развитіемъ на Уралѣ кустарной промышленности, а покуда организовать общественныя работы для населенія, остающагося безъ привычнаго заводскаго заработка. Къ дѣлу этому уже и приступлено.

Башкирскія земли.

Другимъ крупнымъ вопросомъ приуральской жизни является вопросъ о башкирскихъ земляхъ.

Въ губерніяхъ Уфимской, Оренбургской, Пермской и Самарской имѣется до 3¼ милліонъ десятинъ пригодной для колонизаціи земли, состоящей тотъ излишекъ установленнаго закономъ земельнаго обезпеченія башкиръ, который они имѣютъ право продавать въ казну или сельскимъ обывателямъ. Несмотря на участіе Крестьянскаго Банка въ покупкѣ этихъ земель, башкиры предпочитаютъ случайныхъ спекуляторовъ, отъ которыхъ они могутъ получить на руки такъ называемыя «темныя деньги». Беспорядочная распродажа этихъ цѣнныхъ для колонизаціи земель обязываетъ принять мѣры, устраняющія возможность такой спекуляціи, одинаково вредной какъ съ точки зрѣнія государственной, такъ и для самихъ башкиръ, распродающихъ эти земли за ничтожную цѣну.

Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо разрѣшить въ положительномъ смыслѣ вопросъ о примѣненіи къ башкирамъ-вотчинникамъ Указа 9 Ноября (закона 14 Юня 1910 года). По свѣдѣніямъ, полученнымъ на мѣстахъ, у башкиръ-вотчинниковъ начинаетъ уже проявляться стремленіе какъ къ единоличной собственности, такъ и къ сѣденію черезполосныхъ участковъ къ однимъ мѣстамъ. Хотя, по закону, каждый башкиръ-вотчинникъ можетъ требовать, чтобы причитающіеся на его долю изъ вотчинной общественной земли участки были выдѣлены ему въ частную собственность, но порядокъ такого выдѣла не указанъ, и примѣненіе въ этихъ случаяхъ Указа 9 Ноября отвѣтило бы назрѣвшей потребности.

Главные выводы нашей поѣздки по Европейской Россіи слѣдующіе:

Главные выводы.

Дѣлу землеустройства положено прочное основаніе; оно развивается и понемногу становится для крестьянъ своимъ, близкимъ дѣломъ.

Въ народной психологіи можно подмѣтить уже и теперь признаки оздоровляющаго вліянія началъ землеустройства; тамъ, гдѣ переустройство крестьянскаго земельного быта по тѣмъ или инымъ причинамъ значительно подвинулось, вліяніе этой перемѣны отражается замѣтнымъ усиленіемъ трудовой энергіи, направленной къ подъему собственного хозяйства, и поворотомъ къ міросозерцанію, основанному на культѣ собственности и труда.

Въ области землеустройства, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, очередными являются теперь задачи, главнымъ образомъ, организационныя. Необходимо готовить новые кадры земледѣльцовъ, агрономовъ и гидротехниковъ и необходимо объединить работу правительственныхъ и мѣстныхъ силъ, прилагаемыхъ къ дѣлу землеустройства.

Въ связи съ ростомъ землеустройства необходимо:

1) видоизмѣнить школьную организацію, увеличивъ число школъ и устраивая при школахъ дѣтскія общестія;

2) воспользоваться хуторскимъ разселеніемъ для широкаго развитія огнестойкаго строительства;

3) постепенно сосредоточить въ рукахъ казенныя площади изъ состава имѣній, предлагаемыхъ частными владѣльцами для покупки Крестьянскому Банку;

4) обратить аренду казенныхъ земель въ орудіе единоличнаго землеустройства и сельско-хозяйственной культуры;

5) оберегать бывшія помѣщичьи усадьбы и про-
давать ихъ общественнымъ учрежденіямъ и частнымъ
лицамъ, по возможности оставляя въ этомъ гослѣдномъ
случаѣ при усадьбахъ пензовые участки.

Кромѣ того желательно и необходимо:

6) упорядочить и ограничить ростъ мірскихъ сборовъ.

Завершеніемъ производящейся нынѣ работы по
преобразованію крестьянскаго земельнаго быта должна
явиться организація агрономической помощи населе-
нію и доступнаго сельско-хозяйственнаго кредита. Въ
этихъ двухъ мѣропріятіяхъ — очередныя и общія
задачи правительства и мѣстныхъ силъ, работающих
надъ укрѣпленіемъ и оживленіемъ экономической
жизни сельской Россіи.

8 Октября 1910 года.

9 МАЯ 1914

PK
4